

БОГОМИЛ РАЙНОВ
РЕКВИЕМ

Богомил РАЙНОВ

РЕКВИЕМ

/роман/

ГЛАВА 1

Ранняя весна, полдень, бульвар почти пуст, свободен от людских толп, бледное солнце светит, но не греет в эту раннюю весеннюю пору. Как тут не замедлить шаг, хотя мне не скрыть от самого себя, что истинная причина того, что я так неохотно иду по указанному адресу, совсем иная.

— Надо бы сперва позвонить туда, — заметил я, обсуждая детали предстоящего визита на работе с Борис-лавом. — Дай-ка мне их телефон.

— У них нет телефона.

— Как это «нет телефона»?

— Они живут изолированно, как в скорлупе, и на кой черт он им нужен, твой телефон.

— Они сами замкнулись в своей скорлупе или вы забыли про них?

— Пожалуй, и то и другое, сам понимаешь, как бывает в жизни. Сперва они как-то обособились, а потом и мы про них забыли. Начальство меняется, одни приходят, другие уходят, словом...

Борислав вяло махнул рукой: чего, дескать, толковать — и тихо забарабанил пальцами по столу.

— Но ты должен к ним сходить.

— Ладно, ладно, — согласился я. — Только давай без указаний. Кстати, а почему ты сам не сходил?

— Потому что, как тебе известно, я тоже верчусь как белка в колесе. И потом, я — это одно, а ты — совсем другое. Как-никак для Любо ты был самым близким другом.

Мы действительно были друзьями. Ему я обязан не только этой дружбой, но и своей профессией, потому что я был у него подмастерьем, а он, мастер, щедро делился со мной,

передал мне весь свой опыт и умение. В сущности, нашим ремеслом Любо владел в те времена в самой грубой форме: лихо расправлялся с бандами, устраивал засады, строчил из автомата, с чем я в дальнейшем дела не имел. Но у Любо я научился и таким вещам, которые не раз в моей жизни сослужили мне добрую службу. Как важно, к примеру, уметь разминуться со смертью в критические моменты, не задумываясь над тем, чем бы все кончилось, если бы разминуться не удалось. В те годы мы с Любо всегда были вместе, плечом к плечу, сколько раз мы с ним глядели смерти в лицо, а потом были на волосок от нее, как на том скалистом холме, где Любо ранили в ногу, а я карабкался на гору с уже простреленной рукой. Потом у меня рана зажила, у Любо тоже, но с тех пор он всегда при ходьбе слегка приволакивал левую ногу, что, как он сам говорил, с профессиональной точки зрения не имело значения. Потом нас послали на разную учебу, мы переквалифицировались и надолго с ним расстались. Снова нам пришлось встретиться лишь много лет спустя, но не здесь и не на крутых холмах пограничья, а там, далеко, в летнем зное влажной Венеции.

Встретились мы потому, что были посланы по одному и тому же заданию, только Любо попал туда раньше и уже несколько месяцев подряд тщетно бился над мудреной загадкой, а потом и меня включили в игру. Мы сидели с ним на мраморной скамейке, в тени, на пустынной набережной, и Любо детально освещал мне обстановку, а когда рассказ его подошел к концу, он добавил безо всякой связи:

— А у меня, братец мой, есть сын...

В ту памятную ночь в горах роковые события разразились на рассвете, и, хотя вокруг нас яростно свистели пули, нам опять удалось разминуться со смертью. А тут, в Венеции, ощутить присутствие роковой опасности было почти невозможно, она таилась в будничном покое, и, когда Любо лениво брел по мосту в сторону Местре, слегка приволакивая ногу, смерть налетела на него в виде черной машины, в виде пьяной черной машины, да так внезапно, что в этот раз избежать ее не удалось, — отброшенный к перилам Любо остался лежать на мосту, точнее, его окровавленное и все еще вздрагивающее тело.

— А у меня, братец мой, есть сын...

Только этому его сыну, второму, не суждено было долго прожить на свете. Получив сообщение о гибели Любо, Мария пришла в состояние полной депрессии, заботу о ребенке доверили другой женщине, и через непродолжительное время его унесла какая-то болезнь, не помню, какая именно, хотя это не имеет значения, раз это существо ушло из жизни, едва появившись на свет.

Так что я сейчас иду не к Любо — его давно нет в живых, и не к его младшему сыну — его тоже нет в живых, а к старшему, живущему вместе с матерью, и, честно говоря, особенно не тороплюсь на эту встречу, так что если я еле-еле плетусь по бульвару Дондукова, то вовсе не из желания погреться на бледном весеннем солнышке — мне хочется по возможности оттянуть это неприятное свидание.

Именно неприятное. Как будто идешь к раковому больному и с ужасом думаешь, что тебе придется добрых полчаса сидеть в больничной палате, не зная, куда смотреть и о чем говорить, всячески стараясь не касаться той или иной темы и хранить бодрый вид. Конечно, ты бы навел больного куда охотнее и даже с приподнятым настроением, если бы у тебя была уверенность, что своим посещением ты спасешь больного или хотя бы облегчишь его страдания. Но тебе отлично известно, что ни спасения, ни облегчения ты ему не принесешь и что твой визит всего лишь дань традиции, ритуал, одинаково тягостный для обеих сторон.

Еще при своем первом посещении Марии в один из приездов в Софию из дальних странствий я знал, что выполняю именно такой ритуал, одинаково тягостный для обеих сторон. Она никогда не проявляла ко мне ни тени дружелюбия, и не только в силу той

странной ревности, которую проявляют иные жены к близким друзьям своих супругов. Для нее я был олицетворением той невидимой инстанции, которая отняла у нее мужа, оторвала его от семейного очага и превратила в нечто свое. И теперь, когда случилось непоправимое, было бы глупо надеяться, что в этом доме, где я и прежде не мог жаловаться на чрезмерное радушие, меня встретят с распростертыми объятиями.

Как я и предвидел, Мария встретила меня с ледяной холодностью, неохотно ввела в небольшую, скромную, но чисто прибранную прихожую, села у окна и с унылым видом положила руки на колени, тогда как я устроился в углу между радиоприемником и фикусом, выбрав, может быть совершенно незаметно, самое темное место в комнате.

Женщина сидела молча и ждала, пока я заговорю, отчего мне было очень не по себе, я чувствовал себя обвиняемым, так как, в сущности, говорить было не о чем, и то единственное, чем я мог поделиться, едва ли доставило бы удовольствие хозяйке, поскольку в доме повешенного о веревке не говорят.

Кое-как я все же вышел из положения. Спросил, как себя чувствует Боян и чем бы я мог им помочь.

— Ничем. Разве что вернешь мне мужа, — тотчас же сразила она меня.

— Я бы с радостью, будь это в моих силах...

— Да, это не в твоих силах. Ты и другие вроде тебя способны только убивать, а воскресить вы не в силах.

— Не мы убили Любо... — возразил я.

— Вы его убили! Вы!..

Я промолчал, потому что спорить при создавшемся положении не имело смысла.

— По-моему, ты должен сообщить мне хоть какие-то подробности, — сухо проговорила Мария, когда молчание слишком затянулось. — Эти ваши затасканные слова, вроде «при выполнении служебных обязанностей» и тому подобное, может быть, годятся для некролога, но для меня они ничего не значат.

— Я полагал, что тебе уже рассказали...

— Приходили, но я не пожелала их слушать. И вообще я без них обходилась и теперь обойдусь...

— Ладно, -- примирительно кивнул я. -- Если ты интересуешься...

— Я не интересуюсь. Нисколько не интересуюсь. Абсолютно не интересуюсь, понимаешь! После того что случилось, мне решительно все равно, как и почему это случилось! Но Любо оставил сына. Сын растет. И когда-нибудь ему захочется больше узнать о гибели отца. Я должна ему что-то ответить!

Я снова помолчал, чтобы дать ей успокоиться. Потом рассказал про смерть Любо. Очень коротко. Женщина слушала с полным равнодушием, продолжая глядеть в сторону, на противоположную стену, где висела старая фотография в дешевой рамке. Фотография не Любо, а молодой женщины в кружевной блузке; на круглом миловидном лице застыла невыразительная улыбка, словно по заказу фотографа. Снимок изображал Марию былых времен.

Я закончил свой рассказ, и в тот же миг теперешняя Мария перестала созерцать ту, какой

она была когда-то, и впервые посмотрела на меня в упор.

— А зачем было посылать его туда, к тем типам?

— Они действовали против нашей страны. Кому-то надо было пойти и обезвредить их — Любо, мне или кому-то другому...

— Однако ты вернулся, правда? А Любо остался...

Так в общих чертах прошла наша первая встреча. Что касается второй, которая должна была состояться два года спустя, то она вообще не состоялась. Однажды зимним вечером я увидел с улицы, что в квартире на втором этаже горит свет, тут же поднялся по лестнице и позвонил, но мне не открыли — вероятно, посмотрели в глазок и установили, кто пришел. Я позвонил еще раз-другой и удалился. Когда вышел на улицу и снова посмотрел вверх, окна уже не светились.

И вот мне предстоит третий визит. Звоню. Тишина. Затем изнутри доносятся неясный шум и какой-то тревожный говор, потом снова тишина, затем опять шум, теперь уже в самом тамбуре. Должно быть, заглядывают в глазок, хотя нет, дверь внезапно открывается, и на пороге вырастает стройный юноша с красивым, немного нахмуренным лицом. Удивительно знакомое и в то же время совсем чужое лицо. Оно ужасно напоминает мне Любо и так не похоже на него.

— Что вам угодно?

— Я бы хотел видеть товарища Ангелову. Я друг вашего покойного отца.

— Очень жаль, но мама больна.

Может быть, Мария в самом деле нездорова, потому что даже мой нос курильщика улавливает в воздухе застоявшийся запах валерьянки и вообще аптеки. Обстановка в прихожей изменилась до неузнаваемости — к худшему, я хочу сказать. Батистовые шторы на окнах стали серыми от пыли, книги лежат на столе вперемешку с грязной посудой, в углу валяется обувь, на диван брошен поношенный дамский халат, на полу мусор, стены в грязных пятнах — все говорит о том, что тут давно бытует мерзость запустения.

— Я же сказал, что нам сейчас не до гостей... — снова бормочет парень. — Мне просто неудобно принимать вас в такой обстановке... Но раз уж вы пришли...

Мало сказать пришел, я уже уселся на своем любимом месте, в углу, между радиоприемником и фикусом, чьи листья, как и все вокруг, остро нуждаются в мокрой тряпке.

— Не стесняйся, мой мальчик, — говорю я, делая вид, что никакого беспорядка не заметил.

— Я закоренелый холостяк, и, если в доме немного не прибрано, это на меня не производит особого впечатления.

Несколько успокоенный моей непринужденностью, юноша садится на край кушетки и ждет, пока я сообщу о цели своего визита. Он до сих пор не догадался спросить, как меня зовут, вероятно догадываясь, кто я такой, тем не менее я все же рискнул представиться.

— Ты, должно быть, меня не помнишь, потому что, когда я тебя видел в последний раз, ты был вот такой бутуз, но, может быть, что-нибудь слышал обо мне. Я Эмиль.

— Слышал, конечно, — отвечает парень.

Он как-то вяло кивает головой. И в его взгляде, явно избегающем меня, также сказывается какая-то вялость. И в выражении этого красивого, немного бледного лица видна то ли апатия,

то ли рассеянность, то ли обычная усталость.

— Может быть, это тебя не интересует, но в то время, когда твой отец узнал о твоём рождении, мы были с ним вместе там, в горах, на границе.

Любопытное совпадение.

— Я отлично понимаю, что тебе это несколько не любопытно, однако я обязан рассказать все, чтобы тебе было яснее то, что будет потом.

Парень покорно склоняет голову, давая понять, что он готов до конца вытерпеть речевые симптомы моего склероза.

— Той самой ночью нам предстояло драться с бандитами, стреляться с ними почти в упор по принципу «ты или я», а когда на рассвете все улеглось, знаешь, что сказал мне твой отец?

Юноша продолжал сидеть все с тем же безучастным видом, склонив голову.

— «А я уже подумал, что мне хана. В эту ночь, Эмиль, я снова испытал страх. Испугался, что малый останется сиротой». И много лет спустя, когда враг подло нанес твоему отцу удар в спину, мне довелось быть с ним и в его последний час...

Это мое почти торжественное вступление неожиданно повисает в воздухе, потому что в следующее мгновение из соседней комнаты доносится какой-то шум, затем слышится возглас «Боян!» —и парень опрометью кидается туда, захлопывая за собой дверь.

Паренек снова появляется в прихожей, но и теперь, как и в первый раз, торопится закрыть за собой дверь.

— Видите, в какое положение вы меня... — говорит он с раздражением. — Сели тут, и мать не может пройти...

— Я уйду, - - говорю в ответ. - - Давай выйдем вместе.

— Куда мы пойдем? — вздрагивает Боян.

— Пойдем выпьем по чашке кофе...

— Не могу. Не оставлю же я мать одну, — возражает парень.

— Мы ненадолго, на каких-нибудь пятнадцать—двадцать минут.

— Я же вам сказал: не могу! — упрямо твердит молодой человек.

— Вот что, мой мальчик, — говорю я с той мягкостью, которая не сулит ничего хорошего. — Я пришел сюда не ради того, чтобы делиться с тобой старыми воспоминаниями, а ради чего-то более важного. Настолько важного, что разговор этот так или иначе должен состояться. И притом сегодня же.

— Так скоро? — вскидывает брови Боян.

— Чем скорее, тем лучше для тебя.

— Только, ради Бога, не надо обо мне заботиться.

— Я не о тебе забочусь. Я думаю о твоём отце.

Он окидывает меня беглым взглядом и отвечает с таким усталым выражением, словно все

его упорство вдруг иссякло и осталась одна апатия:

— Ясно, это уж как водится: мертвые куда важнее живых... Ладно, подождите меня внизу...

Минут через пять я уже шагаю по бульвару Дондуко-ва в обратном направлении, а справа от меня этот несговорчивый паренек.

— Куда же мы пойдем пить кофе? — машинально спрашивается молодой человек.

— Туда, где кофе не пахнет хозяйственным мылом и где разрешено курить.

— Вот так условия, — безучастно роняет Боян. — Такое возможно только в «Софии».

«А «Ялта» чем хуже?» — так и подмывает меня спросить, но, проглотив эту реплику, я охотно соглашаюсь:

— Чудесно. Пусть будет «София».

Каким-то чудом нам сразу удалось найти свободный столик у самого входа и сравнительно быстро получить то, что было заказано, — двойной кофе для меня и виски для Бояна. Паренек не производит впечатления заправского пьяницы. Он добавил к содержимому бокала почти полстакана содовой и лишь изредка отпивал по маленькому глотку, словно старался продлить удовольствие и не вводить меня в лишние расходы.

Со своего места мы могли хорошо видеть входящих и выходящих посетителей, преимущественно молодых дам и кавалеров. Однако мой спутник почти не пользовался этой возможностью и вообще не проявлял какого-либо интереса к окружающей публике. Он курил, рассеянно смотрел на площадь сквозь витрину, и его лицо выражало досадное примирение человека, решившего до конца вытерпеть испытания, уготованные ему судьбой.

— Ты, наверное, давненько не был на могиле отца, — небрежно вставляю я, как бы говоря: «Ты давненько не подстригался».

— Я вообще не был там ни разу после похорон. Не любитель ходить по кладбищам.

— Я тоже. Но позавчера мы провожали в последний путь нашего умершего сотрудника, и я попутно наведалься туда. Обелиск совсем разохся, а надпись почти начисто смыли дожди. Мать, как видно, тоже не бывает там.

— Нет. Никогда.

— Это, конечно, мелочи, — поясняю я со свойственной мне сговорчивостью. — И ты зря так говоришь, мертвые для нас не то что живые. Но среди мертвых есть такие, о которых нелишне вспомнить время от времени. Я не сомневаюсь, что ты тоже о нем вспоминаешь, хоть и не бываешь на кладбище.

Молодой человек не говорит ни «да» ни «нет» и продолжает рассеянно глядеть на площадь с таким видом, как будто он ничего не слышал. Повернув наконец голову, он на какое-то мгновение задерживает взгляд на мне и опускает глаза на свой бокал.

— Понимаете... мне ничего не стоит сказать «вспоминаю», и это, наверное, было бы одинаково приятно и для вас, и для меня, потому что вы не стали бы меня упрекать. Но вся штука в том, что я не вспоминаю... или вспоминаю очень редко... И вообще какой смысл вспоминать человека, которого Ты почти не знаешь, несмотря на то, что он приходится тебе отцом...

Погасив сигарету, он отпивает небольшой глоток виски и опять погружается в созерцание

своего бокала, тогда как я размышляю над только что сказанным. Какие стройные суждения. Сразу видно, что университетские лекции и пухлые книги уже дают свои плоды.

— Но мать, наверно, иногда рассказывает тебе о нем...

— Да. Только не думайте, что она рассказывает о его подвигах. Их совместная жизнь была каким-то кошмаром, потому что она домогалась одного, а он делал другое; и мать мне уши прожужжала о том, как она без конца настаивала, чтобы он подыскал для себя более спокойное место, как он все делал наперекор и в конце концов испортил жизнь и себе и ей, и так. далее и так далее... Что вы хотите, если она всегда его любила и ненавидела в одно и то же время, она и по сей день любит его и ненавидит, и это будет продолжаться до самого конца.

— А ты как думаешь?

— Что тут думать? Мать по-своему права. А отец... Он, как видно, старался держаться подальше от нее... Подальше от скандалов... Не понимали они друг друга...

— Но ты все-таки кое-что знаешь о нем, о его жизни.

— И что из этого?

Бросив на меня беглый взгляд, парень снова опускает глаза и глухо говорит, словно рассуждает о чем-то сам с собой:

— Зачем ему было гоняться в лесах за диверсантами, когда у него была семья? Почему именно он этим занимался, а не кто-нибудь другой вроде нас с вами, кому приходится думать только о самом себе?

— У него было чувство ответственности.

— Перед кем?

«Перед родиной», — порываюсь я сказать, поскольку это проще всего, но воздерживаюсь. Простые вещи порой трудно объяснимы. Скажи такому вот «перед родиной», и он начнет смеяться в душе.

— Перед людьми, Боян.

— Перед какими людьми? Теми, что сидят по кабинетам?

— Многие из тех, что нынче сидят по кабинетам, тоже в свое время бродили по лесам с автоматом в руках.

— Да, в свое время... Тогда выбора не было. А ведь он продолжал жить как партизан, когда все уже переменялось.

— Вот именно, как партизан, — киваю я. — Это чувство ответственности у него особенно обострилось, стало как бы незаживаемой раной как раз в ту пору, когда он был в партизанах.

— Не понимаю...

— Неужто так трудно понять: все мы продолжаем дело тех, кого уже нет, а те, что придут после нас, будут продолжать наше дело, и в этом состоит связь поколений, единство жизни, в этом ее вечность. Твой отец был наследником тех людей. А ты являешься наследником отца.

— Как я могу быть наследником человека, которого я не понимаю... которого не знаю...

— Но ведь он приезжал, ты бывал вместе с ним.

— Очень редко. И всегда очень недолго...

Он несколько стройнее Любо, более худой и хрупкий, чем отец, но, когда смотришь на его лицо, — вылитый Любо. Жизнь только начинает писать по этому лицу, и единственный след, который она успела оставить на нем, — небольшая ссадина на лбу, у самого виска.

— Опасно тебя стукнули, — замечаю я, указывая на отметину. -- Это что, спортивный трофей или дружеская потасовка?

— Ни то ни другое, — впервые выдает подобие улыбки Боян. — Шлепнулся на тротуаре, когда был гололед, и осталась ссадина. Врач сказал, что, если бы я стукнулся чуть покрепче, мне бы не встать. До чего глупо бывает: поскользнулся — и крышка.

— Действительно глупо.

— Впрочем, как все остальное, — вставляет юноша.

— «Все»?

— А разве нет? Люди суеются, обзаводятся всяким барахлом, копят деньги на квартиры, покупают машины и, едва успев нажать все это, умирают. Ну разве не глупо?

— Да, конечно, если все сводить только к машинам да барахлу. Но жизнь не только в этом.

— В чем же еще? В красоте и благородстве? -В его тоне улавливаются нотки раздражения. -- Красота и благородство встречаются преимущественно в книгах.

— Ну хорошо. Как же ты представляешь свою собственную жизнь?

— Никак. Прежде я думал стать журналистом, а теперь и на это махнул рукой, хотя... если не будет слишком трудно, то, может, и стану... Впрочем, не все ли равно, кем быть, журналистом или учителем...

— А как твои университетские дела?

— Так себе... Во время зимней сессии схватил две двойки.

— Значит, тебя лишат стипендии.

— Проживу как-нибудь; и без стипендии.

— А чем ты занимаешься в свободное время?

— Ничем.

— Так-таки ничем?

— Сижу себе.

— В кафе?

— В кафе или дома...

— Читаешь?

— Читаю. Только не учебники. Не знаю почему, но в последнее время с учебниками я не в ладах.

— А комсомольская жизнь?

— Комсомольская жизнь? Осенью меня чуть было не исключили.

— За что?

— А за то, что не захотел поехать с бригадой на стройку... И еще за какие-то пустяки...

— Да-а... — вздыхаю я в третий раз. — Безотрадная картина.

— Не спорю, — пожимает плечами Боян.

Он не возражает и вообще ничего не говорит, потому что, очевидно, с самого начала догадывается, куда я клоню. Поэтому я прихожу к мысли, что пора наконец приступить к главной теме.

— Кафе и все прочее — это еще не самое худшее, — замечаю я. — Но вот конкретно кафе «Ялта» и тамошняя компания могут и в самом деле оказаться для тебя роковыми.

— Давайте не будем драматизировать... — тихо возражает Боян.

— Да, да, разумеется, — добродушно соглашаюсь я. — Беда, однако, в том, что ситуация, в которой ты находишься, действительно драматична, чтобы не сказать трагична.

— Вот, оказывается, до чего я докатился! — вскидывает брови молодой человек.

— К сожалению, ты действительно не отдаешь себе отчета, до чего ты докатился. Тут многое, очевидно, объясняется тем, что ты еще многого не знаешь. Но главная беда заключается в том, что ты просто утратил чувство реальности.

Он молчит, терпеливо ожидая, что же будет дальше.

— Ты только что рассказывал мне про то, как случайно поскользнулся и получил на память эту небольшую ссадину. Но послушай, мой мальчик, ведь ты теперь снова поскользнулся, в переносном смысле конечно, да так поскользнулся, что и в самом деле можешь очутиться... не знаю где... Мало того, один из твоих дружков по «Ялте», некий Пепо, недавно всучил тебе тысячу левов...

— Это касается только меня и Пепо.

— Ты так полагаешь, только зря. Потому что деньги, которыми Пепо поделился с тобой и не знаю с кем еще, он украл у своего отца. Теперь отец заводит против вас дело и... Впрочем, эту тысячу левов я уже внес от твоего имени, чтоб тебя не таскали на допросы и по судам...

— Вы меня ставите в очень неловкое положение... Я же не просил...

— Ты сам себя поставил в неловкое положение... И дело тут не в деньгах... Деньги ты мне вернешь, когда сможешь, однако тебе хорошо известно, что есть и другие вещи, более серьезные.

Боян молчит, потупя взор.

— И по поводу их тебя уже дважды вызывали в милицию, не так ли?

Он не говорит ни «да» ни «нет», все так же неподвижно глядя перед собой.

Я собираюсь продолжать, только вдруг, безо всякой надобности, снова вспоминаю тот вечер в пастушьей хижине: холодное дыхание ночи, хлещущий дождь снаружи, красные огоньки

сигарет и до странности неожиданный вопрос Любо: «Эмиль, а что бы ты сделал, если бы твой сын стал предателем?»

Глупости, дорогой мой. Ты лучше скажи, что нам теперь делать, когда твой сын стал наркоманом.

ГЛАВА 2

— Этот центр в Мюнхене конечно же должен быть обезврежен, -- произносит генерал. — И разумеется, искать подходы к нему надо крайне осторожно. Кого туда послать, ума не приложу...

Он напряженно всматривается в пространство светло-голубыми глазами, почти неприлично голубыми для генерала. Потом оборачивается ко мне, щурится и говорит:

— Тебя, что ли?

Шеф всегда щурится, когда хочет скрыть веселые огоньки в глазах, но мне хорошо знакомы привычки генерала, и нет надобности следить за его взглядом.

— Вы шутите, — тихо отвечаю я.

Генерал берет одну из своих подопревших, выветрившихся сигарет, долго рассматривает ее, словно колеблясь, то ли закурить, то ли нет, потом кладет ее обратно и откидывается в кресле.

— Сегодня утром мы говорили с генералом Антоновым из контрразведки и решили возложить на тебя одну задачу, которая несколько оторвет тебя от бумажных дел. Тем более что ты уже располагаешь некоторыми данными, полученными, правда, по другой линии, о достойных внимания объектах.

В моем взгляде явное недоумение, но я молчу.

— Я имею в виду наркоманов, упомянутых третьего дня, когда речь шла о сыне Ангелова. Кстати, он уже порвал с этой шпаной?

— Почти. Во всяком случае, старается избегать их.

— Ясно: он будет их избегать, а они будут искать его общества... Но об этом позже. Сейчас интересно другое: последнее время к этой шайке стал липнуть какой-то западный турист. Молодой человек, мать — болгарка, отец — иностранец. К нам приезжает уже второй раз и в обоих случаях через Стамбул. У них теперь мода ездить в Стамбул глотать наркотики. Но этот наезжает в Болгарию, остается тут по месяцу и'больше, вступил в связь с одной девчонкой из этой же шайки и, что особенно бросается в глаза, поддерживает контакты с их посольством.

— Если он у них частый гость, едва ли они пользуются его услугами.

— Да, разумеется. Но ходит он туда нечасто. Нанес один-единственный визит, только весьма многозначительный: продолжительностью в четыре часа с половиной. И не ради того, чтобы полистать журналы в читальне. Все это время он провел в кабинете Томаса.

— Многовато для одного визита, -- признаю я. — Только не исключено, что все эти четыре с,

половиной часа ушли на игру в вопросы и ответы. Томас тут человек новый, притом совершенно изолированный, так что нечему удивляться, если он пытается выудить максимум информации из этого типа, шляющегося повсюду и уже стакнувшегося с нашими красавчиками.

Это свое замечание, как и предыдущее, я делаю не для того, чтобы сообщить нечто такое, чего генерал не знает, а просто чтобы вслух отметить возможность тех или иных обстоятельств. И это весьма характерно для наших разговоров.

— Бесспорно, — кивает шеф. — Пока что у нас нет никаких данных, что Томас возложил какую-то задачу на этого туриста, Чарли его зовут или как там, не помню. Но когда перед тобой с одной стороны банда наркоманов, а с другой — западный дипломат и между ними болтается некий Чарли, возможно выступающий в роли связного, то можно ли закрывать на это глаза?

Он тоже не говорит ничего такого, чего бы не знал я, но это макетирование обстановки вносит определенную ясность и представляет собой часть обычного ритуала, так же как этот его небрежный жест, побуждающий меня налить себе вторую чашку кофе.

— С наркоманами на первых порах надо держать ухо востро, — тихо говорит генерал. — Они могут представлять опасность не только в бытовом отношении.

— Да, но они могут представлять опасность и для того, кто их использует, — продолжаю развивать другую версию. — А Томас опытный разведчик, он не может не знать, что наркоман — это палка о двух концах.

— Верно. Но у Томаса нет выбора. А раз у него нет выбора, то не исключено, что он решится прибегнуть к помощи отребья.

Шеф наклоняется вперед, снова берет экспортную сигарету, но, прежде чем я собрался поднести ему зажигалку, опять кладет ее в коробку.

— Естественно, может оказаться, что ничего такого тут нет. Однако мы обязаны знать, что есть и чего нет. Во всех случаях было бы невредно повнимательней разобраться, что он за птица, этот Томас, и присмотреться к его поведению. В первые недели после приезда он что-то больно гоношился, а потом вдруг сник. Почему?

— От невезения, а может, нашел, что искал.

— Да. И даже если ничего не нашел, все равно он не стал бы сидеть сложа руки. Так что, как видишь, дело не в одних наркоманах. Впрочем, в ведомстве Антонова ты получишь более подробные данные.

Последняя фраза означает, что разговор окончен. Я залпом выпиваю содержимое чашки, чтоб не пропало добро, и встаю.

— Давеча ты несколько уклончиво ответил мне относительно мальчишки Ангелова, — замечает генерал и тоже встает. — Или ты уже поднял руки?

— Трудно вырвать человека из одной среды, если не можешь предложить ему другую, — неохотно отвечаю я. — Вы же сами сказали, что он будет избегать их, а они будут искать его общества. Словом...

— Словом, такое дело одним назидательным разговором не решить, — делает шеф вывод вместо меня. — Понимаю. Но ты ведь тоже не из тех, что бросают повозку среди грязи, верно?..

И он смотрит на меня своими ясными глазами, как бы стараясь убедиться, что не ошибся в своей оценке.

— Ты, говорит, не из тех, что бросают повозку среди грязи... А в сущности, я именно так и поступил — бросил повозку среди грязи.

— Вытащишь, — успокаивает меня Борислав и шумно сосет свой янтарный мундштук. Точнее говоря, сосет воздух, потому что мундштук его пуст. Борислав вот уже в который раз тщетно пытается бросить курить и в кризисные моменты обманывает себя этим пустым мундштуком.

— Легко тебе рассуждать, а вот был бы ты на моем месте...

— Ведь малый больше не принимает морфий?

— Морфий — это еще полбеды, — замечаю я, поднимая голову. — Как бы не случилось худшего...

— Боишься, что твой подопечный начнет курить? — вставляет Борислав. — В сущности, хрен редьки не слаще.

— Опасаюсь, как бы он не влип!.. — продолжаю я, не обращая внимания на его глупые шутки. — Если уже не влип...

— Почему ты думаешь, что они остановят свой выбор на нем? — спрашивает мой друг, прекрасно понимая, о чем идет речь. — Они предпочтут более легкую жертву, какого-нибудь подонка.

— Не всегда легкая жертва предпочтительней. Какой смысл Томасу связываться с подонком, если на него уже нельзя рассчитывать? Притом эти вот все, — я указываю на лежащие передо мной досье, — довольно никчемный человеческий материал. Болваны, оболтусы, трепачи. Все, кроме нашего. И если Томас в самом деле решил завербовать кого-нибудь из этой шайки, он наверняка попытается завербовать его.

— Ну и что? Попытается --и останется с носом. Может, парень и оступился разок, только не следует забывать, что это сын Любо Ангелова.

— Если бы Любо его воспитывал.

— Но чем его может соблазнить этот иностранец? — спрашивает Борислав, резко поворачиваясь спиной к окну. — Коробкой ампул? Пачкой банкнотов? Сладкой жизнью? Ты же сам утверждаешь, что парень не глуп...

— Томас тоже не глуп. Трудно сказать, на какую удочку он захочет его поймать, да и захочет ли. А еще труднее сказать, как поведет себя Боян. Ничего определенного я не знаю, но у меня такое предчувствие, что кадрили начнется именно вокруг него. Предчувствие, понимаешь?

— Ты меня уморишь своими предчувствиями, — мучительно вздыхает Борислав. — Чтобы сын Любо Ангелова да стал предателем!

Он делает три шага к столу и в сердцах бросает на бумаги пустой мундштук. Потом произносит слова, которых я жду давно:

— Дай сигарету.

Здание у Львиного моста в отличие от нашего старое, неприветливое, мрачное. Стены в коридорах только что покрасили, деревянные части обильно покрыты лаком, но от этого

обстановка посвежела настолько же, насколько способна посвежить старушка, пустив в ход пудру и помаду. Неторопливо поднимаюсь по лестнице, каменные ступени, стертые ногами бесчисленных посетителей, как бы прогнулись посередине. Человек, сидящий за письменным столом, мне совершенно незнаком — высокий худой мужчина, вероятно моего возраста, этого несколько меланхолического возраста между сорока и пятьюдесятью годами. Он предупрежден о моем приходе и, очевидно, ждет меня, потому что в комнате присутствует еще один человек, которого я знаю и который мне сейчас нужен, -- оперативный работник, занимающийся наркоманами.

— Мне необходимы некоторые подробности о последних действиях этой компании, — говорю я. — Но об этом мы можем поговорить потом, чтобы не отнимать у вас время. Я бы только попросил вас распорядиться, чтобы начиная с этого момента никакие меры против этой компании не принимались без предварительного согласования со мной.

— А я как раз собирался завтра вызывать их всех по порядку номеров, — замечает оперативный работник.

— Зачем?

— Вчера вечером обобрали аптеку.

— А откуда известно, что это они?

— Один из них пойман на месте преступления.

— Кто именно? -- спрашиваю я и чувствую, как у меня закололо под ложечкой.

— Да этот, Фантомас.

Я молчу, и это дает возможность шефу вспомнить законы гостеприимства.

— Чашку кофе?

— Благодарю, не смею отнимать у вас время.

— В таком случае вас угостит Драганов. А об остальном не беспокойтесь.

Оперативный работник тоже примерно моих лет. Этот невысокий человек с замедленными движениями, невозмутимым лицом, говорящий тихим голосом, почему-то скорее напоминает мне учителя, нежели офицера милиции. После того как мы выпили обещанный кофе, он начал своим обычным ровным тоном методично и неторопливо рассказывать о действиях шайки, как будто приступил к очередному уроку. Многие упоминаемые им подробности меня в настоящий момент не интересуют, но я выслушиваю его терпеливо, так как не знаю заранее, что из сказанного мне может пригодиться и что — нет.

— ...До последнего времени они снабжались непосредственно через аптеки, пользуясь поддельными рецептами и паспортами своих близких. Но в большинстве аптек их уже знают, да и мы установили более строгий контроль за продажей наркотических средств. Это заставило их обратиться к другому источнику, однако мы наложили руку и на него. Речь идет о медицинской сестре из ИСУЛ, по имени Вера, которая систематически выносила из склада морфий и которую мы всего лишь неделю назад поймали с поличным. И вот, оказавшись в безвыходном положении, они замышляют и осуществляют минувшей ночью ограбление.

— «Они»... — как эхо повторяю я. — Но кто из них подал идею? И вообще, кто мозг этой банды?

— Естественно, тот, кто ее главарь, — отвечает Драганов. — Тот самый Апостол, о котором я

уже упоминал.

— Он у них умнее всех?

— Я бы не сказал, что он умнее всех, — вертит головой собеседник. — Его отличает не столько ум, сколько воображение или, если угодно, большая фантазия, а может, и зачатки своеобразного дара группировать вокруг себя людей. Книги читал безразборно, у него всегда в запасе дюжина готовых фраз. Умеет употребить их к месту, но не выделяется особым интеллектом... Боян, к примеру, куда умнее его.

— И все же не Боян, а именно этот Апостол вожаком У них, — вставляю я, как бы внушая ему, что показывать крупным планом моего человека нет оснований.

— Не забывайте, что Боян у них дебютант. Он примкнул к ним совсем недавно. И потом, он слишком замкнутый, апатичный, молчаливый, чтобы стать душой группы.

Я не возражаю, и Драганов снова пускается во всякого рода подробности, большей частью ненужные мне, обстоятельно рассказывает о проделках некоего Пепо, о последнем конфликте между Розой и ее родителями, о разговоре с Лили, который имел место позавчера тут, в этом кабинете,

Он называет всех их по именам и говорит о них так, как будто они его питомцы. Он называет по именам и всех прочих наркоманов, которых в столице насчитывается несколько десятков, и говорит о них так, будто все они образуют вверенный ему класс, весьма необычный, беспокойный и большой, кошмарный класс, но, раз уж этот класс так или иначе достался ему, он должен справиться с ним наилучшим образом.

Какое-то время я слушаю рассеянно изложение разговора Драганова с Лили, пока случайная фраза не насторожила меня.

— Значит, Лили действительно является приятельницей Бояна?

— Да... В какой-то мере...

— Почему «в какой-то мере»?

— Да потому, что, мне кажется, он не отвечает взаимностью на ее чувства.

— И все же она его увлекла?

— Не знаю. Трудно допустить. Едва ли она способна оказать на него какое-то влияние. Скорее он бы мог на нее влиять.

— Но вы же говорите, что Боян — дебютант.

Мой собеседник молча и как-то беспомощно пожимает плечами. Я тоже молчу, слегка негодуя на него и на самого себя за смутное желание любой ценой обелить моего подопечного.

— Понимаете, все они из одного квартала, вместе росли, вместе гуляют, и очень трудно определить, кто на кого и в какой мере оказывает влияние, не считая, конечно, Апостола, потому что тот открыто выступает в роли подстрекателя.

— Хорошо, — киваю я. — И все же эта наркоманская афера, как и все прочее в этом мире, должна иметь какое-то начало.

— О, все началось с их выпускного бала.

— Вы хотите сказать, что они себя губят с той поры, когда кончили школу?

— Нет. Бал — это предыстория. Кто-то из них предложил собираться в этот день и в этом же месте ежегодно, но, поскольку ребят ждала армейская служба, первая встреча состоялась лишь через два года, точнее, прошлой весной. Вот тогда-то Апостол и Фантомас предстали перед остальными в ореоле наркоманов и в ту же ночь преподали первый урок Пепо, Розе и Марго, а потом к ним примкнули Боян и Лили.

— Понимаю, — рассеянно бормочу я, хотя сейчас меня занимают вопросы куда более важные, чем эта история полового созревания.

— В сущности, к тому времени жизнь уже разбросала их в разные стороны, — продолжает рассуждать Драганов. — Но эта встреча снова их свела, и не к добру.

— Значит, в аптеке они шуровали впустую? — спрашиваю я, желая приблизить разговор к событиям самого последнего времени.

— Не совсем. Унесли ровно пятьдесят ампул морфия по два кубика в каждой, — спокойно возражает мой собеседник. — Ампулы исчезли из шкафа «Венена А». Правда, у Фантомаса не удалось их обнаружить.

— Вы уверены, что он не сунул их куда-нибудь?

— Абсолютно. У Фантомаса были соучастники. У них всегда есть соучастники, они предпочитают действовать группой, чтобы все были при деле.

— Каковы факты?

— Ограбление совершено в два часа после полуночи. Грабители действовали уверенно, хорошо зная обстановку. Дверное стекло разбили, предварительно наклеив на него лист бумаги, чтобы не звенели осколки. Фантомас проникает в аптеку, лезет за прилавок, взламывает шкаф «Венена А», вынимает упаковку с ампулами и, вероятно, передает ее кому-то, ожидающему снаружи. Тем временем житель соседнего дома, случайно заметив с третьего этажа действия взломщиков, сообщает по телефону в милицию. К счастью, в этот момент поблизости находилась патрулирующая машина, и ее тут же направили на место происшествия. И все-таки нашим едва ли удалось бы захватить Фантомаса, если бы у него не разыгрался аппетит. Передав коробку с ампулами своим друзьям, он возвращается назад и пытается разбить шкаф «Венена В». Именно в этот момент его застает патруль.

— А каковы показания Фантомаса?

— Несет всякий вздор.

— Точнее?

— Проходил мимо аптеки, увидел разбитое стекло и, подстрекаемый наркотическим голодом, соблазнулся залезть внутрь. Шкаф с ядами тоже оказался разбитым, и никакого морфия там не было. Поэтому он поддался новому искусу — попытался сломать шкаф «Венена В». Словом, его версия сводится к тому, что ограбление совершил не он...

— И что у него не было соучастников.

— Именно. Этот парень своих не продаст.

— И вы считаете, что он и дальше будет придерживаться этой версии?

— Ужасный упрямец. А какой беззастенчивый. Он заодно с Апостолом и Пепо — они-то и

образуют злокачественную опухоль в этой шайке. С остальными легче.

— Если вас интересует мое мнение, то я бы не стал особенно прижимать этого Фантомаса, — небрежно вставляю я. — Пускай себе придерживается своей версии. От наказания ему все равно не уйти. Да и остальных особенно не прижимайте. Сейчас вызывать у них панику нецелесообразно.

— Значит, допросы мне пока отложить?

— Если их не допросить, от этого они тоже могут всполошиться. Раз один из них пойман, они отлично понимают, что свидание с вами так или иначе неизбежно. Разошлите им повестки, но действуйте не слишком напористо. Пускай у них создастся впечатление, что допрашивают их только ради соблюдения формы.

— Понимаю.

— Теперь, когда шайка снабдила себя морфием, она конечно же захочет обеспечить себе подходящую «территорию».

— Уже обеспечила. В первую же ночь после ограбления они собрались на квартире Марго.

— А родители?

— На прошлой неделе уехали в Пампорово. Там у них дачка.

— Ведется какое наблюдение за этой квартирой?

— Пока не было необходимости.

— Хорошо. Мы сами этим займемся. А где они в другое время встречаются? Все в той же «Ялте»? Или в «Молочном баре»?

— Нет. Теперь у них есть место. После моего разговора с двумя девицами они стали делать вид, что вообще больше не собираются. На деле же они переместились поближе к окраине, в «Ягоду».

— Надо будет наведаться и в эту «Ягоду». А вы какое-то время можете особенно не тревожиться за них. Я полагаю, что таких подопечных у вас предостаточно.

— Не так уж их много, — возражает Драганов. — Всего несколько десятков, но забот с ними хоть отбавляй.

— Неплохо бы и мне поприсутствовать на допросе.

— Ясно, — кивает он. Затем добавляет: — Только имейте в виду, что присутствие постороннего человека вызовет у них тревогу.

— Они не должны подозревать о моем присутствии. - Так будет лучше, — снова кивает Драганов. — Это нетрудно устроить.

И он встает, чтобы меня проводить.

Оперативная группа уже составлена, задачи распределены, и мы с Бориславом уединяемся в кабинете, чтобы подробнее разобраться в теме, именуемой «Томас». Борислав тоже включен в состав группы, и на его долю досталась самая крупная рыба - - упомянутый дипломат.

Впрочем, не такая уж он крупная рыба, когда на него посмотришь: человек небольшого

росточка, с добродушным, я бы сказал, приветливым лицом, в безупречном костюме, если судить по снимкам, которые Борислав рассыпал по столу и которые я разглядываю, слушая изложение фактов, мне уже известных по материалам досье. Томас в ресторане «София» беседует с незнакомым мужчиной. Томас у «Золотых Мостов» разговаривает с незнакомой женщиной. Томас выходит из Дома радио. Томас выходит из полиграфического комбината. Томас анфас, вполупорот, в профиль и сзади, улыбающийся и серьезный, с машиной и без машины... Целая гора снимков, а выводы, которые можно сделать после ознакомления с ними, более чем скромные: низкорослый человек с добродушным лицом, в безупречном костюме. А в остальном ничего особенного. Абсолютно ничего особенного.

— ...И в Чили и в Нигерии, где был аккредитован, он действовал весьма результативно, хотя и довольно грубо, пока наконец не провалился, — продолжает Борислав свое изложение, подбрасывая в руке пустой мундштук. — Так что для него назначение в Болгарию, видимо, последняя возможность реабилитироваться. Не случайно он с первого же дня с таким старанием принялся налаживать связи с различными учреждениями.

— Может быть, ему просто хотелось внушить окружающим, что он действительно советник по культуре. И не удивительно, поскольку Томас весьма далек от культуры.

— Да, но он преследовал и другую цель — создать широкий круг личных знакомств. Посетил радио, телевидение, народную библиотеку, университетскую библиотеку, добрую половину столичных газет и журналов, -словом, где он только не побывал, и все это в течение каких-то двух недель.

— А потом?

— Потом — затишье и полный мрак.

— А это что? — спрашиваю у Борислава, бросив ему снимок из ресторана «София».

— Встреча с профессором Беровым.

— Кто он такой?

— Считается крупным математиком. Может быть, в математике он действительно силен, а что касается здравого смысла, то с ним он не в ладах. Его пригласили приехать на Запад — этому предшествовали обычные комплименты и вещественные знаки внимания, — и он до такой степени растаял от умиления, что стал нести всякие глупости. А поскольку суммы со стороны хозяев и глупости со стороны нашего соотечественника были соответствующим образом документированы, Томас явился напомнить ему, что он их должник.

— Говорено с профессором?

— Он сам пришел и обо всем рассказал.

— О, значит, здравый смысл все же победил, — отмечаю я. — А что конкретно Томас от него требовал?

— Ничего особенного. Делал намеки о популяризации их успехов... Конкретное сводилось, вероятно, к поездке Берова.

— А это? — спрашиваю, разглядывая снимок, сделанный у «Золотых Мостов».

— Секретарша.

— И приятельница?

— Да, и приятельница, — кивает Борислав.

Он высоко подбрасывает мундштук и ловит его рукой.

— Перестань нервничать, - - одергиваю я его. -Возьми сигарету и уймись, пожалуйста.

— Сатана! — отвечает мой друг, после чего тянется к сигаретам и закуривает.

— У Томаса неприятности не только по службе, но и в семье, — поясняет Борислав, выпуская вместе со словами и соответствующую порцию дыма. — Жена его, очевидно, мечтала не о Софии, ее влекло в Париж, в Лондон. Не успев приехать сюда, она после первого же семейного скандала хлопнула дверь и уехала обратно. Так что Томас теперь соломенный вдовец и кавалер собственной секретарши.

— В чем состоят ее функции?

— Она секретарша, если не касаться их интимных отношений.

— Их интимные отношения меня не интересуют. Еще что?

— Больше ничего. Затишье, как я уже сказал. Из дому в посольство, из посольства домой, приемы, попойки на квартирах у коллег.

— Надеюсь, наша служба следит зорко.

— Следит, только очень издалека.

— Пускай продолжает свою деятельность. Затишье может означать подготовку. Пускай он проявит себя. Человеку надо реабилитироваться.

— Постараемся ему помочь, — кивает Борислав. Слышен стук в дверь, и в комнату входит лейтенант

из нашей группы.

— Повезло нам с квартирой, -- докладывает он. -В доме напротив, на том же этаже, живут наши люди. Молодая семья. Геологи. Сами отправились в командировку, а квартиру оставили нам.

— Когда сможете смонтировать аппаратуру?

— Надеюсь, к завтрашнему вечеру все будет готово.

— А как насчет «Ягоды»?

— Там дело сложнее. Обстановка неподходящая. Может, ограничимся записями?

— Достаточно одних записей, — соглашаюсь я. — О другом не беспокойтесь.

Лейтенант машинально вытягивается в струнку, несмотря на то, что он в штатском, и уходит. После этого мы с Бориславом снова пускаемся в рассуждения о том, как помочь Томасу.

ГЛАВА 3

В нашу эпоху технической революции, когда дело создания аппаратуры для

подслушивания, наблюдения и фотографирования каждый день отмечается новыми и новыми эпохальными достижениями, крохотное устройство, предоставленное в мое распоряжение Драгановым, кажется жалким и примитивным. Жалкое и примитивное, а дело свое делает. Крохотный объектив, размером с булавочную головку, вмонтирован в стену комнаты, в которой ведется допрос. Этот самый объектив при помощи системы увеличительных линз передает на противоположную стену смежной комнаты изображение, наблюдать которое можно не напрягая зрения.

Удобно разместившись в этой смежной комнате, я созерцаю на небольшом экране фигуру Драганова, сидящего за письменным столом ко мне спиной, и фигуру Апостола, стоящего лицом ко мне. Это высокий тощий юноша, в нем бы можно было заподозрить баскетболиста, не будь он таким вот немощно расслабленным и слегка сутулым — тонкие ноги, кажется, с трудом держат его длинный скелет. Лицо у него тоже расслабленное, тоже длинное и очень бледное, как у настоящего евангельского апостола, если не принимать во внимание некоторой наглости во взгляде и в изгибах губ, что, возможно, и не присуще евангельским апостолам. На нем черный свитер с высоким воротом и с не в меру короткими рукавами и мятые узкие серые брюки, тоже слишком короткие для его роста.

— Апостол Велчев, — произносит Драганов сухим казенным голосом.

— Он и есть, — невозмутимо подтверждает посетитель.

— Скажи-ка, Апостол, до каких пор ты будешь прибавлять нам хлопот? — по-свойски спрашивает Драганов, неожиданно отказавшись от официального тона.

— А в чем дело? Опять что-нибудь случилось, товарищ майор? — с неподдельной невинностью и теплым участием спрашивает гость.

— А ты почему знаешь, что случилось?

— Но вы же говорите про хлопоты.

— Когда ты в последний раз видел Фантомаса?

Апостол накладывает на лицо печать глубокого раздумья, перемещает тяжесть своего скелета с левой ноги на правую и отвечает:

— Вчера.

— Не может быть.

— Тогда позавчера... Вчера или позавчера, во всяком случае, в «Ялте» он мелькнул перед глазами, но я не стал заходить, так как очень торопился.

— О, ты даже торопишься иной раз... И куда же ты так спешил?

— Хм... — Посетитель снова задумывается и снова перемещает центр тяжести скелета, на этот раз с правой ноги на левую. — К Бояну шел. Обещал занести ему книжку.

— Спешное дело, ничего не скажешь, — кивает Драганов. — И в котором часу это было?

— Не могу точно сказать. Наверно, около четырех.

— И с тех пор ты Фантомаса не видел? - Нет.

— И даже не знаешь, вчера это было или позавчера?

— Но вы же понимаете, товарищ майор, при моем психическом состоянии... — страдальчески

изрекает Апостол.

— Раз твое психическое состояние плохое, давай мы тебя полечим! — предлагает Драганов.

— Мерси... Знаю я ваше лечение...

— А где морфий? — внезапно и резко спрашивает майор.

— Какой морфий? — вздрагивает долговязый.

— Тот самый, что Фантомас украл при взломе аптеки!

— Какой аптеки? — симулирует очередное вздрагивание Апостол.

— Пятьдесят ампул морфия! Пятьдесят! — подчеркнуто произносит Драганов, не обращая внимания на искреннее удивление, написанное на вытянутой бледной физиономии.

— А при чем тут я, если Фантомас залез в аптеку? — восклицает Апостол, пытаюсь одновременно выразить и невинность, и беспомощность, и задетое честолюбие.

— Только Фантомаса мы сцапали, а вот ампул пока не обнаружили! -- уточняет Драганов. -- Значит, он передал их кому-нибудь из вас. Кому? Вот на это ты и должен мне ответить!

— Ни сном ни духом тут моей вины нет, уверяю вас, — все так же беспомощно бормочет молодой человек.

— Ты ни сном ни духом не знаешь, что творит твой ближайший друг?

— Во всяком случае, аптеку я с ним не взламывал.

— Ты скоро начнешь утверждать, что и с морфием ты не имеешь ничего общего...

— Этого я не говорю, — бубнит Апостол и отводит взгляд в сторону. — И потом, морфием ли я травлю себя или чем-то другим, да и вообще травлю я себя, нет ли, кого это касается, скажите на милость! Если я в один прекрасный день пырну себя вот сюда кухон-Ньш ножом, — он делает красноречивый жест по направлению к своему животу, — вы и тогда станете требовать от меня отчета? Где? На том свете?

— Мы не требуем от тебя отчета, а пытаемся тебя спасти.

— Я не прошу, чтобы вы меня спасали, — хмуро изрекает долговязый. — Начну кричать о помощи, тогда и спасайте.

— А когда ты обираешь аптеки, нам что?.. Сидеть сложа руки и любоваться тобой, да?

— Я же вам сказал, никакой аптеки я не обирал.

— А где ты берешь морфий?

— Где... С того дня, как вы меня накрыли с фальшивыми рецептами, я просто погибаю от наркотического голода.... Только вам этого не понять... — страдальчески произносит Апостол.

— Вот отправлю тебя в Курило, тогда ты узнаешь, что такое наркотический голод.

— Для меня вся София Курило... Весь мир... — восклицает долговязый с истерической ноткой в голосе.

— Вот как? А кто в этом виноват? Мы или такие вот, как ты? — спрашивает Драганов, не повышая тона. И прежде чем парень успел ответить, майор кивает появившемуся милиционеру: — Уведи его! Следующий!

Следующий оказывается женского пола. Рослая девушка, хотя и пониже Апостола, и такая же расслабленная, однако причина этой расслабленности в чрезмерной полноте, вызванной застойной жизнью, ленью или просто нарушением обмена веществ. Лицо миловидное, белое, я бы сказал, болезненно-белое, чуть нахмуренное, апатичное и совершенно неподвижное. Словом, не имеющее ничего общего с артистической мимикой Апостола. Одета молодая особа в мини-юбку, не слишком подходящую для ее толстых бедер, отчасти прикрытых, впрочем, длинным летним пальто, которое чуть не касается пола — сообразно капризному весеннему дню. Если не считать белой кожи, все у этой дамы черное или почти черное — одежда, густые взлохмаченные волосы, глаза.

— Лиляна Милева...

Не говоря ни «да» ни «нет», она стоит перед столом в полной неподвижности, словно тут осталось только ее тело, а душа витает неведомо где.

— Садись, Лили, — предлагает майор со свойственной ему манерой сменять официальный тон сугубо дружеским.

Лили садится все с тем же апатичным видом, словно загипнотизированная, кладет ногу на ногу, и распахнувшиеся полы пальто обнажают ее импозантные бедра.

— Как живется? — по-свойски спрашивает Драганов.

— Обыкновенно...

Голос у нес низкий, хрипловатый, как у джазовой певички былых времен.

— Я хочу сказать, с морфием или без морфия?

— Вы же знаете, что я с этим покончила.

— Дай-то Бог, — кивает майор. — А позавчера вечером чем ты занималась?

— Позавчера? — Она слегка поднимает черные брови, но лицо ее остается все таким же безжизненным. — Кажется, была в кино.

— Ага, прекрасно... Что же ты смотрела?

— «Багдадского вора», — не колеблясь, уточняет девушка.

— Этот фильм в течение недели ни в одном кинотеатре не показывали, — в свою очередь уточняет Драганов. — Скажи это Апостолу, или Бояну, или тому, кто подучил тебя врать мне.

Она молчит, словно все это ее не касается.

— Ну а потом, после кино, в котором ты не была, чем ты занималась?

— Пошла домой.

— Одна?

— С Бояном... если это имеет такое значение.

— Никакого значения это не имеет... Раз с Бояном... Тем более что вы сговорились...

Майор замолкает на время, как бы раздумывая над тем, продолжать ему этот бесполезный разговор или прервать его. Потом спрашивает:

— И все же, в котором часу вы пришли домой?

— К одиннадцати.

— В твою мансарду?

— А куда же еще?

— И больше не выходили? Лили кивает.

— Странно... — тихо роняет Драганов.

Однако его замечание не производит на девушку никакого эффекта.

— Странно... — повторяет майор. — Потому что люди видели, как вы в полночь выходили из «Ягоды».

— И что же в этом странного? — по-прежнему невозмутимо реагирует Лили. — Просто у меня нет часов. — Она поднимает руку и сдвигает рукав. — Вот, поглядите, нет у меня их. Правда. И вообще я не слежу за часами. Хотя если бы я заранее знала, что вы меня вызовете, я бы взглянула на них, чтобы быть точнее в своих ответах.

— А ампулы?

Лили даже не спрашивает, «какие ампулы», а продолжает сидеть с безучастным видом, откинувшись на спинку стула, скрестив ноги, потупя взор, словно ей захотелось маленько вздремнуть.

— Ампулы, те, что Фантомас стащил в аптеке в ту самую ночь! — кричит Драганов, чтобы разбудить ее.

— Впервые слышу.

— Знаешь, Лили...

Она лениво поднимает темные глаза и как бы для того, чтобы избавить его от напрасных усилий, произносит:

— Ничего я не знаю.

Произносит спокойно, но так, что в этой фразе отчетливо слышится другое: «Ничего я вам не скажу».

Драганов нажимает на кнопку под столом и отдает появившемуся милиционеру распоряжение:

— Уведи ее! Следующий!

В этот раз следующий — Боян.

— Я полагал, что нам с тобой больше не придется встречаться, по крайней мере тут, в этой канцелярии, — вставляет Драганов после нескольких незначительных вопросов.

- И я так думал, — тихо отвечает парень. — Мне даже непонятно...
- А! Непонятно...
- Я вам честно говорю, что с этим уже покончил... Если не верите, пошлите меня на анализ...
- Ты лучше скажи, порвал ли ты с теми, что ждут тебя там, на улице?
- Почти... Кроме Лили.
- Да, Лили... Я так и не понял, что она смотрела позавчера в кино...
- Она вообще в кино не была. - А она говорит, что была.
- Не знаете женщин. Стоит испугаться, и сразу начинает врать.
- Что-то я не заметил ее испуга.
- Такая уж .она, виду не показывает.
- А чего ей пугаться?
- Она знает столько же, сколько и я... Но раз вызвали...
- Значит, ты даже не догадываешься, зачем вас вызвали?
- Понятия не имею.
- А когда ты в последний раз видел Фантомаса?
- Давно я его не видел.
- Но ты же был позавчера в «Ягоде»?
- Мы были там вдвоем с Лили.
- А что ты знаешь об ограблении аптеки?
- Какой аптеки?
- И о каком «ограблении»?.. — дополняет Драганов.
- Но я вам честно говорю...
- Боян постоянно подчеркивает это свое «честно», и держится он куда естественней, чем Апостол, и все же я не могу отрешиться от мысли, что мой подопечный врет несколько не хуже Апостола.
- Ладно, ступай, — досадливо машет рукой майор.
- Однако парень не торопится уйти и в какой-то нерешительности поглядывает на Драганова.
- Мне только хотелось вас попросить...
- Он замолкает, и Драганов в свою очередь смотрит на парня.
- В чем дело?

— Мне хотелось вас попросить, чтобы вы не сообщали товарищу Боеву... Тем более что я и в самом деле ничего не знаю про эту аптеку и... почти порвал со всей этой компанией... и вообще...

— А почему ты боишься товарища Боева?

— Я не боюсь. Неловко мне.

— Ладно, ступай, — повторяет майор.

Видали! Неловко ему.

Сегодня тоже все послеобеденное время проходит в служебных разговорах с Бориславом, только на сей раз к теме «Томас» прибавилась еще одна — «Чарли».

— Ужасно нечистоплотный тип... — замечает мой приятель.

— Что конкретно ты имеешь в виду?

— Все... Особенно его ноги.

Борислав вытаскивает из какой-то папки несколько снимков и через стол бросает их мне.

— Смотри, он босой! — изумляюсь я, взглянув на первый снимок.

— Только когда в парадной форме, — уточняет мой коллега.

Гражданин Чарлз Уэст - в дружеском общении Чарли — заснят во всем своем величии в момент, когда он выходит из посольства. Худой и высокий, конечно, не то что Апостол, он одет с артистической небрежностью — рубаха в крупную клетку, распахнутая почти до пояса, мятая кожаная куртка и такие же мятые ковбойские штаны. Лицо в основном представлено большущим острым носом. Остальная же его часть в большей или меньшей степени скрыта буйной кудрявой растительностью — длинной косматой шевелюрой, всклокоченной бородой и свисающими усами. Гитара, висящая на плече, и босые ноги счастливо дополняют его парадный вид.

— О! Наш герой моторизован, — замечаю я, переходя к следующей фотографии, на которой Чарлз Уэст восседает на своем мотоцикле.

— Приволок это старое барахло из Турции и газует на нем туда-сюда.

— И где его резиденция?

— Живет на улице Патриарха Евтимия у одной старушки, сестры его матери.

— А чем он занимается в последние дни?

— Все тем же: шляется по кафе. 1Йо всяком случае, в посольство он не навещался, если тебя это интересует.

Борислав тянется к сигаретам, закуривает с рассеянным видом, как бы машинально, не сознавая этого. Потом говорит, выбрасывая вместе со словами и соответствующее количество дыма:

— Пока что эта фигура не играет никакой роли. Самый банальный случай — бродяжка из богатой семьи. Один из тех скитальцев, коих тысячи шляются по белу свету, потому что это модно — скука и наркотики не дают им покоя.

— У нас наркоман ничего не найдет.

— Пожалуй. Но этот нашел Марго.

— Марго не находка. Таких всюду хватает, как говорится, хоть пруд пруди.

— Знаешь, когда человек влюблен, ему начинает казаться, что с его возлюбленной никто не может сравниться.

— Наркоманы не очень-то сильны в любви.

— Может, это и не любовь... Дружба, привязанность. Что бы там ни было, для меня эта фигура не имеет никакого значения.

— Таких фигур, которые бы не имели никакого значения, в жизни не бывает. Так же, как в шахматах.

— Понимаю. Но я имею в виду данный момент.

Данный момент... Откуда нам знать, что подготавливается в данный момент. Быть может, этот косматый и бесхарактерный Одиссей уже превратился в инструмент для осуществления операции, об истинных целях которой сам он понятия не имеет. А может, мы готовимся устроить облаву в лесу, в котором давным-давно нет дичи, устраиваем засаду для призраков, может, мы вообще зря вторглись на территорию Драганова.

Оставив на работе свои координаты на случай каких-либо непредвиденных обстоятельств, мы торопимся в «Болгарию» чего-нибудь поесть. У широкой витрины нашелся свободный столик. Лениво жуя и запивая пивом сосиски, мы наблюдаем за движением прохожих по бульвару. Скоро вечер, в такое время люди обычно выходят на прогулку. На тротуаре в мягком свете заходящего солнца медленно дефилирует молодежь парами или группами, прохожие болтают, смеются, иные посматривают в нашу сторону, и мы невольно чувствуем себя на положении манекенов, рекламирующих в витрине сосиски и пиво — это, мол, вкусно и питательно.

Как бы то ни было, но после того, как ты занимался больными людьми и их болезнями, приятно видеть вокруг себя такой жизнерадостный и здоровый народ. «Их всего несколько десятков», — говорит Драганов. И может быть, он, Драганов, даже не подумал о том, что для него это сравнительно малое число не имеет никакого значения, потому что он на всю жизнь осужден заниматься этими несколькими десятками, по восемь, а то и по десять часов в сутки проводить только с ними, видеть воочию их драмы и катастрофы, потому что фактически они неотделимы от его собственного существования.

Мы выходим на улицу в сумерки. В невообразимой сутолоке на улице Бенковского находим оставленную нами служебную машину. Я сажусь за руль, и через десять минут мы останавливаемся на узенькой, скверно освещенной улочке.

— Это и есть тот самый дом? — спрашивает Бори-слав, вылезая из машины.

— Это его родной брат, — поясняю я, потому что весь здешний квартал состоит из почти одинаковых, очень неухоженных жилых зданий, построенных где-то в начале войны.

Мы входим в парадную дверь, попадаем на неосвещенную лестничную площадку, откуда через черный ход — во двор, пересекаем его, чтобы вскоре очутиться в другом таком же дворе, после чего проникаем, опять же черным ходом, на второй этаж. Кнопка звонка подает сигналы морзе, тихо раскрывается дверь, мелькает лицо одного из наших людей.

— Что нового? — обращаюсь к лейтенанту и его помощнику, которые здесь дежурят.

— Ничего, ждем...

На экране телевизионного устройства видна просторная гостиная — не наша, а та, что в доме напротив. В ней наступает оживление. Входит Марго, сопровождаемая Апостолом и Пепо. Кавалеры запросто располагаются в креслах, а Марго тем временем направляется в нашу сторону, вероятно для того, чтобы опустить шторы. Напрасный труд, только как ей об этом скажешь. Наши окна тоже давным-давно зашторены, однако для телевизионных устройств это не помеха.

— Дай что-нибудь выпить, — требует долговязый.

— Вы прошлый раз все выдули, — отвечает Марго, снова появляясь в поле зрения. -- Впрочем, на кухне, кажется, есть немного коньяку.

— А я пас.

— Дело твое, но тут должны стоять бутылки и бокалы...

— Ты считаешь, что сюда могут нагрянуть люди Драганова? — спрашивает Марго.

— Едва ли... хотя не исключено, — отвечает Апостол. — Попробуй догадайся, что им взбредет на ум. И все же мне не верится, чтоб они стали ночью колесить по городу ради нас. Пока не расколется Фантомас, Драганов нас не станет донимать. А Фантомас ни за что не расколется.

— Фантомас — могила! — соглашается Пепо.

— Заботитесь только о себе, — тихо замечает Марго. — А вы представляете, каково сейчас ему, бедняжке?

— Почему «только о себе»? — возражает долговязый. — Так случилось. Нынче очередь Фантомаса. А завтра или послезавтра придет наш черед.

— «Так случилось»?.. — сердито повторяет хозяйка. — Если бы ты не заставил его вернуться и разбить второй шкаф, ничего бы не случилось.

— Я о вас заботился, — невозмутимо доказывает Апостол. — Завтра вы опять начнете канючить... А каждый день грабить аптеки не приходится... Давай-ка неси коньяк!..

В это время слышится звонок. Марго исчезает за дверью и тут же появляется снова вместе с Бояном, Лили и Розой.

— А, вот кто принес коньяк! — восклицает Апостол, заметив в руках Бояна бутылку, завернутую в бумагу.

— Это водка, — уточняет Боян.

— Какая разница. Ну-ка несите рюмки, надо немного отвести душу, а то мои нервы больше не выдерживают.

— Только твои? — негодуяще бормочет Роза.

После этого комнату заполняет нестройный, но довольно плотный шум, получающийся в тех случаях, когда шесть собеседников в одно и то же время хотят высказать шесть разных мнений. Марго приносит рюмки и недопитую бутылку, но не успела она разлить содержимое бутылки, как со стороны Апостола слышится новое распоряжение:

— Тащи сюда авуары.

Авуары у них, как и следовало ожидать, аптечно-медицинского свойства. Долговязый раскрывает картонную коробку, поданную хозяйкой, и оповещает присутствующих:

— По две ампулы на нос!

— Почему по две? — недовольно спрашивает Боян.

— А потому, что остальные будут храниться здесь, в общей кассе.

— Да... Если придут с обыском, то чтоб забрали все сразу... Давайте-ка лучше поделим их, и дело с концом.

— Нет! — стоит на своем долговязый. — А вдруг захотят обшарить у нас карманы? Где риск больше? А собираться нам все равно здесь. Другой площадки нет. А насчет остального Марго сама сообразит.

Авуары распределены, и гости расходятся по диванам и креслам.

— До чего предусмотрительный у тебя отец, — говорит Боян хозяйке, укладываясь с Лили на диване у двери. — Столько мягкой мебели для нас приготовил...

— Отец? — презрительно замечает Марго. — Все это от деда...

О том, что обстановка этой гостиной датируется не нынешним временем, и говорить не приходится. Мебель, французские шторы, лампа с шелковым абажуром, тирольский пейзаж на стене, гипсовое изваяние какой-то античной богини с отменным бюстом, лишенное носа, — все это говорит о былой роскоши времен буржуазного процветания.

Правда, не эти мелочи привлекают сейчас мое внимание. Участники небольшого светского собрания, забившись каждый в свой угол, достают шприцы и засучивают рукава. Где-то вне поля зрения Роза, вероятно, включила магнитофон, потому что комнату наполнила назойливая своим монотонным ритмом мелодия. Но पुще всего меня в данную минуту интересует то, что Боян, подготовив шприц для Лили, наполняет второй, для себя, и лихо втыкает его в собственную руку.

Какой лжец!

В гостиной, той, что напротив, наступает молчание, и лишь низкие монотонные звуки, немного напоминающие далекую барабанную дробь, продолжают звучать. Гости притихли, и каждый как бы всматривается, полулежа, в свою навязчивую идею. Один Апостол, который, как видно, труднее всего поддается действию морфия, что-то невнятно болтает сам с собой:

— Это следует сформулировать... и передать... пускай слышит, кто не глухой... нельзя воскреснуть, если ты не умер... сперва ты должен уйти из жизни... бракосочетание, звон будильника, детские коляски, мелочь на трамвайные билеты... давай ключ от квартиры... кто угощает... глупости... долой все это... чтобы воскреснуть... воскрес и полетел в голубую даль...

Он спотыкается на каждом слове, словно у него язык выбился из сил. Наконец Апостол окончательно замирает, опустив голову на спинку дивана.

Но именно в этот момент в коридоре звенит звонок.

Скорее от досады, нежели от испуга, долговязый сердито рычит:

— Кого там принесло? Драганова? Гоните его в шею!

— Наверно, Чарли, — сонно произносит Марго и, кое-как стряхнув с себя оцепенение, встает.

— Его тоже гони! — машет рукой Апостол. — А может, он снадобья принес...

Неизвестно, принес Чарли снадобья, нет ли, однако он уже тут, стоит посреди комнаты, а окружающие — ноль внимания. Один долговязый снова поднимает голову и тихо гундосит:

— Я... Апостол!.. Апостол наркоманов!..

Он, как видно, предупреждает пришельца, чтобы тот не вздумал посягнуть на его права.

После этого долговязый снова погружается в мир каких-то своих образов, невидимых даже при нынешней совершенной технике.

— Мой милый птенчик... — обращается Чарли с церемонным жестом к Марго.

— Оставь меня сейчас... — бормочет она, снова направляясь к дивану.

Пришелец растерянно оглядывается в поисках возможных собеседников, однако все здесь в одинаковой мере не склонны сейчас иметь с ним дело. Он машинально пробегает раз-другой по струнам гитары, с которой, похоже, не расстанется, 'даже когда спит, и, обескураженный, подсаживается к Бояну. Погрузившийся в нирвану, Боян тоже не обращает на него внимания, пока Чарли не схватил его за плечо.

— Ты сколько себе впрыснул?

— Сколько я мог впрыснуть? Одну ампулу.

— И от такой малости осовел, как сомнамбула!.. Я от одной ампулы не способен даже прийти в себя.

Чарли безошибочно говорит по-болгарски, лишь немного растягивает отдельные гласные.

— Это уж кого как, — отмахивается Боян. Затем бросает косой взгляд на соседа. — Дай несколько ампул!

Однако Чарли дает лишь несколько коротких аккор-.дов на гитаре.

— Ну дай же, дай!.. Прежде чем эти хищники обшарят твои карманы.

— Несколько ампул? — Чарли поворачивается в его сторону. — Что такое несколько ампул, когда впереди целая жизнь?

— Про то, что нас ждет впереди, еще успеем подумать.

— Вот как? А завтра? А послезавтра? — И, обращаясь к Лили, уныло сидящей чуть поодаль, нежно просит: — Милая деточка, останови этот магнитофон, останови, родненькая, я сам тебе поиграю...

Лили встает как автомат и медленно уходит куда-то за пределы видимости. Чарли тоже встает, ставит ногу на кушетку, слегка наклоняется к Бояну и в момент, когда замолкает магнитофон, начинает бренчать на гитаре. Разница между только что звучавшей барабанной дробью и сменившей ее мелодией для нашего слуха почти неуловима. Зато реплика, сопровождающая музыку, слышна вполне отчетливо:

— Ты можешь заполучить десятки, сотни, тысячи ампул, мой милый Боян...

— Каким образом? — спрашивает Боян без особого энтузиазма. — Если уеду с тобой туда?

Чарли отрицательно качает головой.

— Тут, тут, мой милый Боян... Тысячу ампул и девочку, да какую — богиню...

— Богини мне ни к чему, -- морщится парень. -Меня и эти вот устраивают. Ты давай ампулы.

— Заработаешь, получишь ампулы.

— Как именно?

Чарли еще больше наклоняется к Бояну, но тут на кушетку возвращается Лили.

— Всеу свое время! — бормочет косматый.

«Вот оно! — соображаю я, больше не обращая внимания на карканье косматого. — Как и следовало ожидать. Ключул-таки».

ГЛАВА 4

— Куда тебя отвезти? — спрашиваю, когда мы подходим к машине, оставленной в темном переулке.

— Поехали ко мне, — предлагает Борислав. — Елена сжарит нам яичницу с ветчиной.

— Сейчас, в полночь?

— Не беспокойся... Она обычно допоздна читает.

Я не возражаю, мне абсолютно все равно, куда ехать. Мы трогаемся с места, а по дороге мой друг поясняет:

— В июне у нее последняя сессия, так что она читает без конца.

Мы входим в квартиру моего друга. Оказывается, Елена и в самом деле еще читает, лежа на диване в гостиной.

— Ну и застали же вы меня, — говорит хозяйка, явно смущенная тем, что она босиком, в пижамной блузке и поношенных брюках.

— Не стесняйся, — успокаивает ее Борислав. — Это Эмиль.

— Догадываюсь, — кивает Елена, вскакивая на ноги.

— Только не знаю, догадываешься ли ты. о том, что Эмиль голоден как волк.

— Что ж, попытаюсь вам помочь. Правда, вы не рассчитывайте Бог знает на что, — добавляет дама, влезая в комнатные туфли, после чего исчезает на кухне.

Мы выкуриваем по сигарете, затем до нас доносится голос хозяйки, сопровождаемый ароматом жареной яичницы:

— Ну идите, а то остынет.

Мы садимся за небольшой стол.

— Ты можешь ложиться. Мы тут сами справимся, — обращается Борислав к хозяйке. А когда она уходит, продолжает: — Только справимся ли?

— Если ты имеешь в виду яичницу с ветчиной...

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Мы сосредоточиваемся на еде, каждый занят своими мыслями. Наконец хозяин приносит с плиты ковшик горячего кофе и берет сигарету с каким-то отсутствующим видом, как будто сам не сознает, что делает.

— Ты должен выручить парня из беды, Эмиль.

— Согласен. Остается только выяснить, как именно.

— Ты прекрасно знаешь как.

— Ты переоцениваешь мои возможности. С каких пор ломаю над этим голову и ни к чему не прихожу.

— Так это же проще простого! — восклицает Борислав. — Сходи к нему, отзови его в сторонку и вправь ему мозги.

- Не валяй дурака, все это не так просто. Ты отлично понимаешь, что так в подобных случаях не поступают.

— Велика важность. Нет правил без исключения. Ради сына Любо Ангелова можно и отступить от правила.

— Ты меня удивляешь... — Отпив кофе и вобрав в себя две порции дыма, продолжаю: -- Что бы мы ни доказывали, генерал не даст согласия.

— Зависит от того, как представить дело.

— Как ни представляй, он на это не пойдет. И ты это знаешь не хуже меня. Мы у самых истоков операции, которой, возможно, будет нанесен серьезный удар противнику. А ты хочешь заранее поставить крест на этой операции, для тебя важнее всего отправиться к возможному предателю и предупредить его, дескать, таким ребятам, как ты, негоже становиться на путь предательства.

— Но ведь это же сын Любо!

— Строго говоря, это всего лишь потенциальный предатель. Пешка в руках противника, и только. И наша задача состоит в том, чтобы дождаться, когда противник начнет переставлять фигуры, и посмотреть, как он намерен распорядиться этой пешкой.

— Будет тебе. Не лучше ли подготовить человека, поставить перед ним задачу?

— Во всяком случае, не сейчас. И не обязательно. Подобного рода задачи возлагаются, как тебе известно, исключительно на людей, пользующихся безграничным Доверием. А к этому нашему молодцу я в данный момент не испытываю никакого доверия. Он обещал порвать с этой шайкой и обманул меня. Обещал покончить с морфием и тоже обманул меня. Вчера участвовал в ограблении аптеки, а завтра собирается...

— Нельзя же судить о человеке лишь с профессиональных позиций, — возражает Борислав и от раздражения закуривает еще раз.

— Можно... И должно... Особенно если он попал в поле зрения разведки. А с Бояном именно это случилось. До сих пор они его изучали. Изучали пристально, со всех сторон, чтобы зря не рисковать. Теперь перешли непосредственно к вербовке. Начались испытания. И теперь зависит только от Бояна, выдержит он экзамен или провалится.

Мы возвращаемся в гостиную, но и там разговор продолжается в том же духе, потому что мой друг, человек удивительно спокойный, если уж что-то задумает, то, хоть ты тресни, будет спокойно и твердо стоять на своем. Поначалу я сокрушаю один за другим его аргументы, потом из участника беседы постепенно превращаюсь в слушателя, а в дальнейшем, вероятно, и слушателем перестаяю быть, потому что вдруг устанавливаю, что лежу на кушетке, укрытый одеялом, и сквозь тюлевую занавеску мне видно, как ранним утром светлеет небо.

Следующие два дня образуют длинную паузу. Длинную, потому что все это время уходит на ожидание. Компания находится под непрерывным наблюдением, однако говорить особенно не о чем, если не считать того, что на другой день вечером снова собрался интимный кружок на квартире у Марго.

— Еще четверть часа назад они валялись как трупы, — докладывает утром рано лейтенант.
— Чарли и Боян только что уехали на мотоцикле.

— Постоянно поддерживать связь со службой слежения, — даю дополнительное указание. — О малейшей перемене обстановки сообщать мне.

Однако все это утро проходит без особых перемен. Боян забегает на минуту домой, потом отправляется вдвоем с Чарли в «Ялту», затем «Ялту» меняют на «Варшаву».

И лишь к обеду поступает заслуживающая внимания новость, правда совсем из другого направления: Томас со своей секретаршей едут по шоссе в сторону Панчерева.

— Небось подались в «Лебедь» обедать, — говорю Бориславу. — Нам, увы, не удастся последовать их примеру. Мне кажется, было бы не худо перекусить в пункт слежения.

В пункте слежения мы киснем более двух часов, чтобы получить три мизерные новости: Боян и Чарли из «Варшавы» перебрались в пивнушку, что у Дервенишского шоссе; Томас с секретаршей, как и предполагалось, обедают в «Лебеде»; Томас с секретаршей покидают «Лебедь», удаляются от Панчерева и, немного отъехав от шоссе, располагаются на отдых.

— Расстояние между Дервенишским шоссе и Панчеревом не так уж велико, — бормочет Борислав как бы самому себе.

— Во всяком случае, прогулка на свежем воздухе нам не повредит, — добавляю я.

Затем отдаю необходимые распоряжения, и мы вместе с лейтенантом садимся в специально оборудованную машину и, вконец отравленные никотином, с голодными болями в желудках, отправляемся за город, словно на казнь.

Дорога, ведущая к Семинарии, уже позади, и шофер жмет на газ, чтобы скорее преодолеть крутой подъем, но тут по радио нам сообщают, что Томас со своей спутницей снова на пути к Софии. И еще: Боян и Чарли покинули пивную и едут к Дервенице.

— Значит, движутся в различных направлениях, — устанавливает лейтенант.

— И я на их месте делал бы то же самое, — отвечает Борислав. — Иначе как установишь, что за тобой не тащится хвост.

Совершенно верно. Но пускай себе движутся в различных направлениях, а нам, чтобы не

переводить зря бензин, лучше выждать, пока определится их истинное намерение. Поэтому мы съезжаем на обочину.

В этот момент доносится голос лейтенанта:

— Машина Томаса свернула с шоссе и остановилась на проселочной дороге. — И еще: — Мотоцикл повернул обратно и едет к тому же месту.

— Если желаешь чего-то слишком сильно, всегда получается наоборот, — на ходу бросаю Бориславу.

И мы ныряем в машину.

Преодолев несколько сот метров пешком, мы добираемся до укрытой в кустарнике «Волги», снабженной необходимой аппаратурой. Расстояние до места действия слишком большое, чтобы они могли нас увидеть. Зато мы прекрасно их видим с помощью соответствующего устройства.

— Хотите послушать? — спрашивает техник.

— Мы затем и пришли, — говорю в ответ. Действующие лица разделены на две группы: Томас и Чарли возятся под капотом машины, делая вид, что пытаются обнаружить неисправность. Метрах в десяти от них, в тени деревьев, беседуют полулежа Боян с секретаршей. Томас и Чарли время от времени обмениваются словами на родном языке, однако для меня куда важнее разговор, который дама с кавалером ведут на болгарском.

— Не лучше ли начать с сокровища? — произносит Боян.

— Сокровище никуда не денется, — успокаивает его секретарша. — Сперва мы должны договориться о более важном... о том, что для нас несравненно более ценно.

— На ценности каждый смотрит по-своему, — возражает молодой человек. — Для меня лично главная ценность — морфий.

— Дело ваше. Только морфий очень скоро кончается, и возникает нужда в новых упаковках, потом и те расходуются, и приходится добывать новые, словом, сколько ни принимай, со временем все равно наступает голодание. А вот мы предлагаем вам счастливый и окончательный выход.

— Бегство в западном направлении?

— А почему бы и нет?

— Каким образом?

— Вы бы сперва спросили: на каких условиях?

— Условия не имеют значения. Да и ваш Запад не имеет значения. Думайте обо мне что хотите, но плевал я на ваш Запад. Одного отрицать не приходится: там снабжение немного получше.

— Значит, главное для вас иметь возможность отравлять себя?

— Не отравлять, а блаженствовать. Но у каждого свои понятия.

— Дело ваше, — пожимает плечами секретарша. — Но раз мы начали с конца, то было бы неплохо приблизиться и к началу...

Она что-то достает из сумочки и показывает молодому человеку.

— Вы знакомы с этой дамой?

— Нет. Но если вы дадите ее адрес...

— А каким образом вы бы познакомились?

— Позвоню ей, она снимет трубку, а я скажу: «Привет, крошка! Чем мы займемся сегодня вечером?»

— Так может выгореть, а может быть, и нет, — качает головой женщина. — А связь должна быть установлена любой ценой, понимаете. Поэтому я прошу вас действовать очень осмотрительно, точно следуя моим указаниям.

— Уж больно неказистая девчонка, чтобы так дрожать за нее, — вставляет Боян.

— Нас интересует не девчонка, а ее отец. Но чтобы получить доступ к отцу, эта девчонка должна стать вашей, она должна быть готова на все ради вас, понимаете?

— Безумная любовь нынче не в моде, — возражает молодой человек. — Но попытаться можно.

— Но безумие, если оно будет иметь место, должно проявляться только с ее стороны, не с вашей. А вы должны быть предельно осторожны и скрытны. Вам уже дали понять, что мы щедро платим за хорошую работу, но, если вы сболтнете хоть что-нибудь, не ждите пощады.

— Хватит стращать меня, — бормочет парень. — Я не из робкого десятка. Был бы я робок, вы бы меня не увидели тут.

— Были бы вы робким, мы бы не стали к вам обращаться. Но тут дело не в смелости или робости, а в ясном уме. Запомните, что с этого момента и до тех пор, пока не справитесь с задачей, вы в наших руках, а наши руки достаточно длинные, и от них вам не уйти. — И так как со стороны молодого человека не последовало никаких возражений, дама продолжает уже более мягко: — А теперь слушайте меня внимательно и старайтесь запомнить все до мельчайших подробностей. — И переходит наконец к самой задаче.

Для шефа наша история не единственная забота, и, когда он находит возможность меня принять, рабочий день давно закончился. Люстра наполняет кабинет мягким золотистым светом, тяжелые темно-зеленые шторы на окнах уже опущены, и генерал стоит посреди комнаты подбоченясь, словно только что разминал онемевшую от сидения поясницу.

— Теперь у нас времени хоть отбавляй, — произносит он, указывая мне на знакомое кресло у фикуса. — Садись и рассказывай.

Сам он направляется к другому креслу, но, прежде чем сесть, спохватывается:

— Кофе будешь пить?

И, сообразив, что вопрос совершенно лишний, нажимает на кнопку звонка.

Я обстоятельно рассказываю, как развиваются события, и, когда дело доходит до разговора в тени деревьев, спрашиваю:

— Впрочем, может, вы предпочтете послушать эту беседу в записи?

— Разумеется, -- кивает генерал. — Тем более что спешить нам некуда. — И он снова жмет на кнопку.

Между прочим, мой шеф такой душка, для всего находит время, и делает это очень просто: не ограничивает свой рабочий день.

Лейтенант вносит аппаратуру и исчезает, а мы с генералом остаемся пить кофе и слушать магнитофон. Совсем как на именинах.

— Ну, что скажешь? — спрашивает шеф, когда запись кончается.

— Проект, по крайней мере на первый взгляд, выработан довольно смелый, я бы даже сказал, слишком смелый. Этот Томас или авантюрист, или нас с вами ни во что не ставит.

— Похоже, — соглашается генерал.

— Он, очевидно, жаждет реабилитироваться и всячески старается блеснуть перед начальством. И очертя голову идет на все.

— В сущности, сам Томас ничем особенно не рискует, — говорит шеф. — Рискует, как всегда, главным образом исполнитель. Что касается Томаса, то он даже не вступал в личный контакт с Бояном и в случае провала умоет руки или, чтобы замести следы, мигом уберет отсюда секретаршу. Но это особый вопрос. Важнее другое: мы пока что судим об этой задумке с первого взгляда, как ты выразился, и, может быть, нам еще не видны все ее аспекты.

— Возможно, однако нам уже сейчас ясно, что план таит в себе серьезную опасность...

Генерал молчит, занятый какими-то своими мыслями, и я перехожу к существу вопроса:

— Как прикажете действовать?

— А ты что предлагаешь?

— Мне кажется... Не знаю... Может, это соображение и не следует принимать в расчет, но...

— С каких пор ты начал заикаться? — поднимает брови генерал.

— Я имею в виду то обстоятельство, что Боян все же сын Ангелова...

— Жалко, конечно, но что поделаешь. Сын Ангелова или мой сын... Раз докатился до того, что...

Это единственное, что при данных обстоятельствах меня интересует. Единственно возможный ответ. Так что с этим покончено, и я начинаю излагать свой план контроперации.

Терпеливо слушая, генерал время от времени делает короткие замечания и в заключение говорит:

— В общих чертах годится. Я потолкую с Антоновым, а завтра еще соберемся как-нибудь и примем решение.

И он встает, чтобы еще раз привести в чувство онемевшую поясницу.

— Мой бокал уже полчаса пустой, а вы никак не догадаетесь заказать мне второе виски, — произносит девушка.

— Сейчас же исправлюсь, — заверяет молодой человек.

Этот разговор имел место во второй половине дня в ресторане «София», но мы с Бориславом слушаем его Уже вечером в кабинете с белыми шторами и белым шаром на потолке.

— Я нахалка, правда? Может, у вас нет денег...

— Есть, не беспокойтесь, — отвечает юноша.

И чуть позже мы слышим:

— Еще два виски, пожалуйста!

Паузу заполняет бархатный шум движущейся пленки.

— Чего это те, за третьим столиком, так глазают на нас? — удивляется Боян.

Потому что это Боян.

— Это ребята из моей компании, — объясняет Анна.

Потому что это Анна.

— Неужто все трое ревнут вас? Трое одновременно — сложная ситуация.

— Успокойтесь: ни один из них меня ревновать не станет. Мы слишком надоели друг другу. Просто их раздражает любопытство, кто вы такой. По-моему, было бы наиболее гуманно пересесть к ним.

— Нет.

— «Еще нет» или «вообще нет»?

Вопрос сопровождается звоном бокалов. Вероятно, официантка принесла виски.

Пауза.

— Мне будет несколько неудобно среди них.

— Почему?

— В моем костюме... Они все трое как будто минуту назад явились из дома моделей.

— Для вас так важно мнение других? — спрашивает Анна.

— Для меня нет. Но боюсь, что для вас важно.

— Глупости. Начхать мне на всех.

Короткая пауза.

— Да, мои друзья и в самом деле позеры и нахалы, — признает девушка. — А ваши какие?

— Никакие.

— А точнее?

— Точнее, наркоманы.

— Неужели? Это, должно быть, ужасно интересно...

— Ужасно, но не интересно.

— Значит, вы не наркоман.

— Нет. Полная бездарь в этом отношении.

— То есть как?

— Попробовал, но оскандалился.

— Я тоже должна попробовать. Обещайте, что вы мне поможете попробовать!

И прочие глупости в этом роде почти до конца пленки.

— Ставь вторую катушку, — говорю я, когда Бори-слав останавливает магнитофон.

— И на второй ничего особенного, -- сетует мой приятель, меняя катушки. — Было бы куда интереснее, если бы мы с тобой сидели в «Софии», а они слушали бы нас, сидя вот тут.

— Ничего забавного.

— Для них нет. Но для нас... По крайней мере, горло смочил бы...

Он замолкает, потому что снова слышится диалог, записанный часом позже.

— Вы и в самом деле не склонны меня баловать. Опять мой бокал пуст, — напоминает Анна.

— Похоже, вы любите, чтобы вас баловали.

— Не знаю, люблю ли, но я привыкла. Все меня балуют.

— Кто все? Те трое?

— Те? Глупости! Им самим не на что побаловаться.

Короткая пауза. Щелканье зажигалки и ожидаемый клич:

— Пожалуйста, два виски!

— Я имею в виду своих родителей, — поясняет девушка. — В сущности, они давно развелись.

— Почему?

— Да... как обычно бывает, без серьезных причин. Мой отец — раб своего дела. А матери хотелось, чтобы он был ее рабом.

— Теперь вроде не рабовладельческий строй.

— Ну, если не рабом, то, по крайней мере, провожатым: чтобы водил ее куда ей вздумается, особенно по ресторанам, в гости, в театр... А бедняга отец едва ли смог бы высидеть до конца пьесы, если не проспит ее.

Пауза, вероятно вызванная присутствием официантки.

— Так что они разошлись, и я очень плакала, была еще совсем глупенькая и не понимала, что от этого я только выиграю. Теперь отец чувствует себя передо мной виноватым, что развелся. Мать тоже чувствует себя виноватой, что вышла замуж за другого. Истинное счастье жить между двумя виноватыми родителями. Каждый старается доказать, что он добрей.

И снова пауза.

— А твой отец? — спрашивает Анна.

— Умер.

— А мать?

— Она еще жива. Все еще...

И прочее в этом роде. Пока не кончается пленка.

— Довольно пустой разговор с профессиональной точки зрения, — устанавливает Борислав.

— Но обещающий.

— Да, обещающий катастрофу. И не в далеком будущем. Парень хваткий, времени зря не теряет.

— Хваткий парень и ветреная девушка... Идеальное сочетание для Томаса.

— Ты считаешь, что она окажется до такой степени ветреной? — спрашивает друг.

— Тебе известно, что я читаю медленно, и мне сразу трудно ответить. Особенно когда материал подается в искромсанном виде, как некое рагу. Тут тебе снимки Анны Раевой, там письменная справка о ней же, а там запись ее звонкого голоса. Мне кажется, что если я обменяюсь с этой Анной несколькими словами, но только так, один на один, то у меня будет более верное представление о ней, чем то, которое может сложиться после ознакомления с целой кучей звукозаписей и визуальных документов.

— Именно это я и хотел сказать, — замечает Борислав. — Может, эта техника и полезна, но порой она начинает действовать на нервы. Особенно в тех случаях, когда ты имеешь дело с одной лишь техникой, и вместо того, чтобы действовать, вести поиск, встречаться лицом к лицу с теми, кто тебя интересует, ты сидишь в оцепенении в четырех стенах, меняешь пленку, просматриваешь видеозаписи, листаешь бумаги. — И он с досады швыряет на стол пустой мундштук.

— Ну, теперь ты не будешь жаловаться на то, что приходится сидеть в четырех стенах, — обращаюсь я к Бориславу, когда мы входим на следующий день, в обеденную пору, в кабинет. — Тебя ждет дорога.

— На Панчерево или на Дервеницу? — скептически спрашивает он.

— Несколько дальше. В Стамбул.

— По какому поводу?

— Повода два: Томас и Чарли. Первый уезжает поездом, другой — самолетом. Причина пока неизвестна, но совпадение волнующее.

— И ты делаешь великодушный жест — посылаешь меня, вместо того чтобы ехать самому? — спрашивает Борислав, все еще исполненный недоверия.

— Никаких жестов. Я еду поездом, а ты — самолетом.

ГЛАВА 5

Как ни странно, поезд трогается точно по расписанию. Это тот самый «Ориент-экспресс», который в былое время пользовался такой славой у любителей путешествий в страны Востока.

Однако времена меняются. Восток теперь уже не столь экзотичен, а «Ориент-экспресс» не блещет комфортом. Богатые путешественники предпочитают летать на самолете, а бедные приносят малый доход — не имеют обыкновения ездить в мягких вагонах. К тому же на Балканах ныне социализм. И вот былой символ быстрого и удрбного передвижения превратился в обычный и довольно захудалый пассажирский состав. Он ползет и пыхтит, словно мучимый астмой, останавливается перед каждым кирпичом и обычно опаздывает от получаса до полусуток.

В спальном купе все же уцелели некоторые потускневшие атрибуты былого уюта. Бархатная обивка диванов шоколадного цвета, полированные наличники красноватого дерева, малиновое сукно на полу и отделанные кожей стенки, украшенные монограммами Кука, — все это напоминает о временах, когда железнодорожная линия Париж — Стамбул действительно была золотой жилой для реномированной фирмы «Вагон-ли». И вся эта старинная обстановка, пропитанная вечными для железной дороги запахами дыма и шлака, напоминает мне и об иных вещах былых времен, связанных с другими путешествиями той поры, когда я еще не подсчитывал прожитых лет.

Уже спускаются сумерки, силуэты деревьев и строений проносятся мимо окна купе, синеватые и смутные, я всматриваюсь в них, не особенно их видя, вслушиваюсь в мерный перестук под вагоном и в звон стаканов в шкафчике, не особенно их слыша.

Мое внимание привлекает стук в дверь, входит проводник, уже немолодой мужчина с усталым лицом, с виду какой-то неуклюжий, в коричневой форменной фуражке, которая, кажется, ему мала. Он забирает у меня билет, бросает беглый взгляд на паспорт, оставленный на столике, и услужливо предлагает: .

— Может, кофейку желаете или еще чего-нибудь попить...

— Я бы взял кофе.

Несколько погодя он приносит большую чашку массивного голубого фарфора с вензелем Кука, заботливо кладет на блюдце под чашку бумажную салфетку и опять услужливо произносит:

— Ежели вам что-нибудь понадобится, нажмите на кнопку звонка.

Поблагодарив, я выпроваживаю его. В голосе этого человека слышится нотка, которая мне не очень по душе, нотка угодливости, выходящей за рамки обычной служебной учтивости.

Выпиваю кофе без особого удовольствия, самый посредственный растворимый кофе, пропахший, как и все прочее в поездах, каменноугольным дымом. Затем опускаю занавеску, накидываю на дверь цепочку и вытягиваюсь на постели.

Мое купе находится в непосредственном соседстве со служебным помещением проводника. Во всем вагоне заняты всего четыре купе, не считая моего, но я испытываю особый интерес к тому, что в самом кон-це коридора. И, чтобы удовлетворить свое любопытство, достаю миниатюрный приемничек и нажимаю на кнопку.

Разговор ведется вполголоса и в значительной мере тонет в неизбежном шуме, сопровождающем пассажира железной дороги, образуемом стуком колес, скрипом старой подвески и разнородными звуками, исходящими от стаканов, бутылок, вешалок. Разумеется, запись впоследствии будет очищена от этих паразитических наслоений, но я не могу ждать до

тех пор.

В сущности, беседа, которая ведется урывками, по всей вероятности Томасом и его секретаршей, и достигает моего слуха еще более отрывочно, меня пока что особенно не волнует, и я несколько раз то выключаю приемник, то снова включаю, дожидаясь чего-нибудь более любопытного.

Уже полночь, и я ощупываю приемник в полудреме, грозящей перейти в здоровый, бодрящий сон, когда «более соблазнительное» наконец приходит. Слышатся по-прежнему два голоса, только теперь оба мужские.

— Вас кто-нибудь видел? — отчетливо звучит голос Гомаса.

В коридоре пусто, — отзывается голос проводника.

Дальше разговор ведется совсем тихо, и, как я ни напрягаю слух, в несмолкаемом шуме удается поймать лишь отдельные слова.

— ...Новости... от Старого... — доходит до меня куца реплика дипломата.

Ответ совершенно не слышен.

— ...Есть основания тревожиться? — более членораздельно спрашивает Томас.

— ...Меня задержат... вопрос нескольких дней... — неожиданно повышает тон проводник.

Затем следует целая серия реплик двух собеседников, между которыми определенно возник какой-то спор, но вот беда, они никак не желают говорить чуть громче и ясней, чтобы их мог понять каждый. И лишь когда в сильном возбуждении голос проводника становится резче, до меня доходят отдельные слова. Одни лишены всякого смысла, иные же кажутся весьма емкими. Так в течение каких-нибудь десяти минут у меня в голове накапливается маленькая коллекция словесного лома.

«Им невдомек... порой и тут за мною следят... по-вашему, я фантазирую... я не ребенок... ничего не грозит... может быть, вопрос нескольких часов... пять лет... играть с огнем... жена и дети... без них какой мне смысл... лучше я пойду в дворники...» И тому подобное. Все это изречения кондуктора.

Что касается Томаса, то его вклад в коллекцию тоже кое-что значит:

«Контрабанда наркотиков... собирались ощупывать ваше белье, шов за швом... вы переутомились... нервное истощение... и узнаете во всем... дипломатическая почта... нас касается, а не вас... ваш последний рейс... их тоже высвободим... человек от имени Старого...»

И наконец тот же голос с необычайной ясностью изрекает:

— А теперь можете идти. Только будьте предельно осторожны.

Маленькая коллекция, которую я создал в голове, слишком бедна для обстоятельного доклада начальству. Но достаточно богата, чтобы сделать поучительные выводы из всей этой истории. Истории не новой. Истории предательства и неизбежного конфликта между предателем и его хозяином.

У наших служб нет каких-то особых подозрений насчет этого изрядно потрепанного и усталого человека, одетого в коричневую и тоже потрепанную форму компании Кука. Выходец из среднезажиточной семьи, он владел двумя иностранными языками, что позволило ему

поступить в иностранный колледж, и смолоду привык жить не ведая усталости. Его знания и эта привычка после ряда неудач обеспечивают ему скромное место проводника в международном вагоне. Хотя и какой-то инертный, он все же производил впечатление человека, порядочного во всех отношениях.

Этот банальный и совершенно безынтесный портрет обретает в последнее время черточки страха и беспокойства, смутные признаки мании преследования. И это, в сущности, единственная особенность, отмеченная нашими службами, которые, естественно, не могли закрывать на это глаза, — ведь он как-никак работник международного поезда, периодически выезжающий за границу.

Да, беспричинный страх, сказывающийся даже в этом угодничестве по отношению к случайному пассажиру с Дипломатическим паспортом. Беспричинный страх, причина которого вдруг становится явью.

Дождавшись, пока маленькая стрелка часов воткнется в цифру 1, я нажимаю на кнопку звонка. Легко предположить, что в такой час служитель вагона не откликнется на сигнал по той простой причине, что он уснул или счел благоразумным прикинуться спящим. Но ког-Да человек чего-то боится, ему трудно удержаться от того, чтобы не проверить, основателен его страх или неоснователен. Поэтому я снимаю с двери цепочку и примерно через минуту, безо всякой надежды на это, устанавливаю, что дверь открывается и в образовавшейся щели показывается голова проводника, теперь уже свободная от этой досадной тесной фуражки.

— Войдите и накиньте на дверь цепочку, — говорю.

— Зачем?.. Как?.. — недоумеваает человек.

— Войдите и накиньте цепочку, — повторяю.

— Но я... Но вы...

— Местоимения будете перечислять потом, — предупреждаю, не повышая голоса. — А пока делайте, что вам велят.

Эти ничего не значащие фразы дают проводнику предостаточно времени, чтобы сообразить, что всякое сопротивление с его стороны способно только усилить мои подозрения.

Он покорно входит, запирает дверь и накидывает цепочку.

— Садитесь... Успокойтесь. Можете курить, если желаете. В общем, приготовьтесь к обстоятельному разговору, продолжительность которого в значительной мере зависит от вас.

— Я и в самом деле закурил бы, если разрешите... хотя мне непонятно...

Я подаю ему сигареты, зажигалку и жду, пока он вдохнет две-три порции успокаивающего дыма. Затем продолжаю:

— Вы все отлично понимаете. И я тоже все понимаю, поэтому давайте в самом начале условимся не прибегать в чисто мужском разговоре к детским хитростям. Как вы, вероятно, давно догадываетесь, мы немало знаем о вашей деятельности. Имеется в виду не уборка постелей и наполнение графинов свежей водой, а нечто другое — деятельность в области шпионажа. Мне надо было узнать лишь некоторые подробности, но теперь и они прояснились в результате только что закончившегося разговора между вами и Томасом. — И чтобы слова мои звучали более убедительно, я достаю крохотную коробочку и небрежно подбрасываю ее на ладони. — Вот в этой вещице хранится точная запись упомянутого разговора, после которого, как вы сами понимаете, вам скрывать нечего.

Проводник рассматривает миниатюрное устройство и, судя по всему, догадывается, что это за штука.

— Так что мы вполне обойдемся и без ваших признаний. Но если мы в них не нуждаемся, то для вас самого они имеют жизненно важное значение. Раскаяние, если оно пришло не слишком поздно, всегда может облегчить участь виновного.

Человек молчит, как бы прикидывая, даст ему что-нибудь его раскаяние или нет. А я гляжу на него, сидящего у окна, слегка сгорбившись, в дешевой белой рубашке, на его усталое лицо, сигарету, забытую в углу рта, и во мне шевелится глубокое чувство жалости, от которого я напрасно стараюсь избавиться,

— Вы говорите... если раскаяние пришло не слишком поздно... — наконец выжал из себя проводник. — Но прошло уже пять лет... не слишком ли поздно...

— Я не юрист и не могу дать вам подробного разъяснения. Может, стоит подумать о том, как избежать самого тяжкого наказания.

Человек устало кивает. Вероятно, пресытившись лживыми обещаниями других, проводник встречает мое не такое искустельное, но правдоподобное предложение с определенным доверием. Однако он продолжает молчать, как бы взвешивая все «за» и «против» полного раскаяния.

Я прихожу ему на помощь:

— Имейте в виду, что никто, в том числе и те, уже не в состоянии вам помочь. Вы целиком в наших руках до самого Свиленграда, где, вероятно, закончится ваша поездка, так что, прежде чем мы прибудем туда, наш разговор должен быть закончен, чтобы я мог сделать Свои выводы.

— Йо я даже не знаю, кто вы...

— Если не знаете, то догадываетесь. Нетрудно понять что ваш собеседник не из Внешторга, иначе я бы Не стал ради вас лишать себя сна.

Он отрывает от губ погасший окурок, бросает его в пепельницу и снова опускает глаза к своим ногам, обутом в дешевые стоптанные домашние туфли. Я молча жду и слышу только стук колес да перезвон стаканов в шкафчике.

— С чего мне начать?.. — произносит наконец мой гость.

— С вербовки.

— Только вы не подумайте, что они купили меня просто так, за пачку банкнотов.

Я не вижу надобности отвечать на его слова.

— Они меня обманули, и вот я влип нежданно-негаданно... будто в яму угодил.

Он охватывает лицо своими крупными руками и машинально трет пальцами виски. Потом, скидывает голову и продолжает:

— Лет пять тому назад моя жена заболела лейкемией. Врачи стали говорить, что долго она не протянет -может, несколько месяцев. Что делать, ума не приложу. Не собираюсь говорить о чувствах, но для меня она и дети — все.

Проводник замолкает, охваченный, вероятно, этим противным чувством жалости к самому

себе, и в купе какое-то время слышен лишь стук колес да перезвон стаканов.

— Как-то раз Бертен, иностранец, работавший в ту пору в агентстве, говорит мне, будто на Западе уже нашли какое-то средство от лейкемии, правда, стоит оно недешево. Я обратился за содействием в здравотдел, но мне ответили, что это средство не дает якобы никакого эффекта, что это рекламная шумиха, больше ничего.

«Другого ты от них и не услышишь, потому (что им неохота тратить валюту, — сказал Бертен. — Ради таких, как ты, валюту расходовать не станут». — Тогда вы окажите мне услугу, — прошу я. — В течение года-двух я с вами расплачусь». — «Фирма не может брать на себя такие расходы, — отвечает Бертен. — Но, поскольку дело касается человеческой жизни, я сам лично попробую тебе помочь. Дам тебе записку к одному знакомому в Стамбуле, может, он раздобудет для тебя это средство». Так оно и вышло.

Проводник замолкает и многозначительно посматривает на сигареты, брошенные на постель. Я подаю ему коробку, и он закуривает.

— Как это ни странно, доза помогла, — произносит человек, выпустив струю дыма. — Не знаю, то ли это средство подействовало, то ли всякие там лечебные процедуры, но жене стало лучше. Приняла она одну дозу, а нужно было еще и еще. И Бертен продолжал посылать меня к своему знакомому. Сперва передавал ему открытые записки, потом — маленькие, основательно запечатанные конвертики. «Возьми это, — говорит, — и сунь куда-нибудь под подкладку». — «А какая необходимость прятать это? — спрашиваю. — Что тут секретного?» — «Ничего тут секретного нет, — говорит он. — Я пишу о своих личных делах, но таможенникам об этом знать ни к чему». И я прятал его маленькие письма и относил их все тому же его знакомому. Если у меня и закрадывались кое-какие сомнения, то не хватило духу сказать об этом, ведь Бертен так много для меня делал, а жена все еще нуждалась в лекарстве. И только после того, как здоровье ее отчасти восстановилось и врач распорядился, чтобы пока перестали ее колоть, все вдруг всплыло на поверхность.

Он замолкает на время как бы для того, чтобы восстановить в своей памяти все подробности случившегося, и молча курит, уставившись глазами в одну точку.

— В лекарстве отпала надобность, но Бертен опять приносит мне маленький конвертик. «Я перед вами в большом долгу, — говорю ему. — Но больше не могу быть вашим курьером. Это дело противозаконное, вы же знаете...» — «Скажи пожалуйста! — говорит мне Француз. — С каких это пор оно стало противозаконным? Не с того ли самого момента, когда ты получил что требовалось, а?» Он, конечно, был прав по-своему, но я тоже был по-своему прав и еще раз заявил, что не могу больше служить ему курьером. «Ты что, боишься?» — спрашивает Бертен. «Боюсь, конечно, как не бояться», — говорю. «И ты вообразил, что, отказавшись делать мне услуги, обезопасил себя на всю жизнь?» — не отстаёт он от меня. «Ни к чему мне соваться в такие дела», — сказал я ему. «Да ты, — говорит, — уже погряз в этих делах по самые уши и тебе вовек не выкарабкаться». Тут он отпирает стол, вытаскивает какую-то плоскую, коробку и подает ее мне. «Вот, полюбуйся, — говорит, — это записки разговоров, которые мы вели, когда я вручал тебе письма. А на снимках запечатлены моменты, когда ты вручал эти письма в Стамбуле. И можешь не сомневаться, человек, которому ты их вручал, вашим хорошо знаком. Можешь не сомневаться и в том, что коробка, которую ты сейчас видишь, через четверть часа может оказаться в руках милиции». — «Вы этого не сделаете, — говорю я. — Вам это ни к чему». — «Верно, — отвечает он. — Но только до тех пор, пока мы можем на тебя рассчитывать. Но как только ты окажешься лишним, нам ничего не стоит пустить тебя в расход. Я иностранец. Уехал, и дело с концом. А на следующий день ты тоже уедешь, только в тюрьму».

Человек нервно гасит сигарету в пепельнице и продолжает:

— Крепко он меня зажал в тиски и раскрыл передо мной все карты. А напугав меня основательно, начал успокаивать. «Значит, ты боишься, что тебя схватят? — говорит. — Ладно, войду в твоё положение, не будет больше писем. Впредь не письма будешь возить, а пуговку, вот такую коричневую пуговку, пришитую к куртке. Ну если и это опасно, тогда уж не знаю!» И еще: «Тебе небось кажется, что ты творишь Бог весть что? Да если мне нужно что-нибудь передать, я и без тебя передам — есть посольства, дипкурьеры, десятки способов...

Ты человек полезный, отрицать не стану, но не воображай, что ты незаменим и что ты творишь какие-то страшные вещи. К тому же ты мне так задолжал с этим своим лекарством, что тебе за пять лет не расплатиться. Ну ладно, считай, что ты мне уже не должен. Больше того, считай, что впредь твой дополнительный труд будет оплачиваться особо». — «Да, — говорю, — пока меня не схватят. Раз таким делом занимаешься регулярно, все равно схватят, рано или поздно». А он мне в ответ: «Мы, — говорит, — умеем беречь людей. Это долго не протянется. А в случае, если возникнет малейшая опасность, мы перебросим тебя тут же, вывезем тебя и твою семью».

— Где он сейчас, Бертен?

— Уехал, два года прошло с тех пор.

— И с кем вы стали поддерживать связь?

— Со Старым.

— Кто это такой?

— Не знаю.

— Как так не знаете?

— Не знаю. Я никогда не виделся с ним. Но перед своим отъездом Бертен предупредил меня, что теперь указания будут идти от Старого. Так оно и есть.

— А кто их вам передает?

— Никто.

— Как «никто»?

— Я хочу сказать, что у меня нет прямой связи ни с кем. Если мне предстоит поездка, я должен особым способом подвернуть занавеску на окне. И ждать. Есть что передать — мне сунут конверт под дверь. Но в конверте обычно нет ничего, кроме такой вот коричневой пуговки, которую я сразу пришиваю к своей куртке. Только дважды я находил записки, наклеенные на машинке, когда пуговку требовалось передать по другому адресу.

— А здесь куда идете, если надо что сообщить?

Кондуктор невнятно сообщает какой-то адрес по улице Евлоги Георгиева.

— Но там я никого не знаю. Меня только предупредили, что если будет что-то важное, очень важное, то мне следует написать простое письмо и в случае какой опасности вставить в него одну фразу, а ежели необходима личная встреча — другую, и опустить письмо в почтовый ящик Касабовой.

— Когда и сколько раз вы пользовались этим почтовым ящиком?

— До прошлого года ни разу. Но так как в последнее время вокруг меня стали сгущаться тучи, я послал одно за другим пять писем — каждый месяц по письму.

— Ну и?..

— И ничего. На мои сообщения об опасности мне отвечали, что ими приняты меры и в случае надобности меня вывезут. А на свои просьбы о встрече я вообще не получил ответа.

— А как вы установили связь с Томасом?

— Обыкновенно. Прошлой ночью я нашел у себя записку, в которой сообщалось, что во время поездки меня будут спрашивать.

— Вы сохранили записку?

— Зачем же я стал бы ее хранить? Сжег.

— Ну и потом?

— Когда я вошел к иностранцу, чтобы приготовить постель, он шепнул мне, чтобы я зашел к нему попозже, когда все утихнет и когда в вагоне не будет пограничников и тому подобных лиц.

— Про меня вы ему сказали?

— Вас тогда еще не было.

— И теперь Томас предлагает вам спасение, да? — спрашиваю я, опираясь на скудный запас словесного лома.

Проводник молчит.

— И вы ему верите?

— Я давно перестал им верить, — говорит он, медленно поднимая голову. — Но мне ничего другого не остается...

— Другое вы проиграли... много лет назад... давным-давно... Если бы вы еще тогда, собравшись с духом, пришли к нам да сознались во всем... Но что теперь об этом толковать. Лучше скажите, как вы себе представляете будущее?

— Как мне его представлять... — уныло бормочет человек.

— Я хочу сказать: если бы я не вмешался. Вы окажетесь по ту сторону, через месяц-два к вам перебросят и вашу семью, и вы заживете новой жизнью... Так, что ли?

— Хм...

— А вам не пришла в голову такая мысль: какого рожна им спасать вас и вашу семью, когда вы им больше не нужны?

— Чтобы я находился при них... Чтобы не пошел в наше посольство и не рассказал про их плутни...

— Вам кажется, что вы все еще представляете для них известную опасность... Верно. Только эту опасность они могут устранить и намерены это сделать, не держа вас при себе, а избавившись от вас. Это дешевле, выгоднее и, что самое главное, проще. Такие у них методы.

Проводник молчит, мысленно взвешивая мои слова.

— Должно быть, так они и рассчитывали сделать... — тихо говорит он. Потом добавляет: — Но теперь уже все равно... Если бы даже я очутился там и меня бы оставили в покое, грош всему цена... Без жены и детей я ничему не рад...

— Ну, причитать пока рано, — говорю. — Вы однажды уже пошли на преступление, вообразив, что делаете это из любви к своим близким. Теперь настало время действительно сделать что-нибудь ради них и ради самого себя.

Человек снова медленно поднимает голову, и в его глазах появляется какой-то смутный проблеск жизни.

— Речь идет не о том, чтобы одним махом на всем поставить крест, — спешу предупредить его. — Так или иначе, вы понесете наказание, потому что в нашей стране существуют законы. Однако степень наказания может быть разной, и зависит она от вашего дальнейшего поведения.

— Скажите, что я должен делать? — спрашивает проводник с тем же неуверенным блеском в глазах.

— Вам следует продолжать путь до Стамбула.

— Но разве... Как же это?..

— А так, как будто ничего не случилось.

— А может, мне уже не стоит возвращаться?.. — испытующе смотрит на меня человек.

— Дело ваше.

— А если они помешают мне вернуться?

— Мы вам поможем.

— А если попытаются меня ликвидировать?

— Есть такой риск. Но вы уже предупреждены и сможете быть более осмотрительным. К тому же речь идет только об одних сутках, после чего вы возвращаетесь обратно. А главное, делайте вид, что ничего не случилось и что вы не склонны отказываться от своих намерений.

Проводник снова погружается в размышления. Потом вдруг решает:

— Хорошо. Я готов.

— В таком случае, — говорю, — давайте выкурим еще по сигарете и подробнее рассудим, как нам быть.

Вокзал в Стамбуле. Ничего особенного, кроме шума, суеты да адского зноя, в чем тоже нет ничего особенного. Из дверей второклассных вагонов с выкриками посыпали суматошные пассажиры, одних вытаскивают, других вышибают. Вышибать трудно, потому что у каждого пассажира по восемь—десять чемоданов. Самые нетерпеливые передают свои вещички через окно в руки рвущихся в бой встречающих. Приезжающие большей частью отходники, возвращающиеся из Швейцарии, ФРГ или Дании.

В иные времена люди шли на отхожие промыслы, гордые своим мастерством, любимыми ремеслами. Ныне же самое главное — иметь крепкие руки, чтобы выполнять тяжелую работу, которая для изнеженных европейцев кажется слишком грубой, — копать лопатой землю да

перетаскивать тяжести. А если ты проработал несколько лет и вел счет каждому медяку, то можешь скопить достаточно средств, чтобы набить картонные чемоданы низкопробными, уцененными товарами и триумфально вернуться на родину.

Стоя в коридоре у окна вагона, я наблюдаю за тем, как поезд освобождается от победителей и трофеев, и нетерпеливо жду, когда в толпе появится мой человек. Несколькими окнами дальше Томас с секретаршей тоже ждут встречающих. Я делаю вид, что не замечаю его, да и он, похоже, не обращает на меня никакого внимания.

Томасу больше повезло. К вагону пробивается высокий мужчина в темно-синей шоферской фуражке и принимает из рук дипломата два маленьких чемоданчика. Минутой позже появляется и мой человек, и мы сквозь жару, скопище людей и горы чемоданов плывем к месту стоянки нашего «мерседеса».

Рассеянным взглядом мне удастся установить, что дипломат со своей секретаршей уже удаляются на черном «бьюике», а позади них в шикарном такси в обществе незнакомого молодого человека дремлет Бори-слав. Все это сейчас меня мало трогает, и я даю знак своему человеку ехать в отель.

— Я должен любой ценой повидаться со своим другом, — предупреждаю вполголоса. — Пусть недолго, хотя бы одну минуту. И чем скорее, тем лучше.

— Первая условленная встреча через час, — информирует меня человек за рулем, которого я знаю только в лицо, а то, что он Манев, мне стало известно лишь сейчас. — Ну и жара!

И мы толкуем о жаре.

Отель несколько выше среднего разряда, что вполне отвечает моему служебному рангу, отмеченному в паспорте. А вот бару просто цены нет, такой он уютный, тихий и, что самое главное, прохладный. Я отдаю ему должное, убив точно час и сорок минут за чашкой кофе и чтением французских газет, датированных вчерашним днем.

Точно через час сорок у входа появляется Манев и делает знак, что пора ехать. Снова садимся в «мерседес» и после необходимых маневров с целью предосторожности подкатываем к тротуару, где в жиденькой тени дерева нас ждет Борислав.

— Томас ускользнул от меня, — жалуется мой друг, подсев ко мне на заднее сиденье. — Ускользнул, потому что я придерживался твоих инструкций...

— И правильно поступил, — отвечаю, проглотив любезный намек.

— Пробыв недолго в отеле, он вышел на улицу, остановил такси и куда-то поехал. Пока Томас передвигался по городу, я еще мог сидеть у него на хвосте, но, как только он устремился за город — а было заметно, что он настороже, — мне пришлось дать отбой, иначе Томас бы меня сразу обнаружил.

— Ты поступил правильно, — повторяю я.

— Но вот курьез, — продолжает Борислав, не обращая внимания на мое одобрение, — едва мы успели съехать на обочину, как вдруг видим, что следом за ним катит на каком-то захудалом таксомоторе тот косматый с гитарой. И поскольку относительно его ты мне особо строгих инструкций не давал, то мы помчались вдогонку. Короче говоря, узнали адрес виллы.

— А где сейчас Томас?

— Возвратился в отель. ,

— А тот, косматый?

— Завалился в какой-то притон, где одна половина посетителей впрыскивает себе морфий, а другая курит марихуану.

— Оба на виду?

— Все трое, — вносит поправку Борислав. — Ты забываешь секретаршу.

— Чудесно. А сейчас слушай и записывай в уме. Коротко рассказываю ему о разговоре с проводником.

Очень коротко, поскольку Борислав отличается тем, что умеет понимать с полуслова.

— Так что, во-первых, они могут попытаться убрать проводника. Во-вторых, попытаются ликвидировать и косматого. Иначе на какого черта этот тип понадобился им в Стамбуле. В-третьих, очень возможно, что для пущего удобства они решили устроить так, чтобы эти двое убрали друг друга сами. Видимо, это побудило Томаса встретиться с Чарли на той вилле. Все эти вероятности требуют, чтобы мы предприняли соответствующие контрмеры.

— Вы что, в качестве спасательной команды прибыли? — не удержался Манев вопреки профессиональным обычаям.

— Я и сам не знаю, — тихо говорю в ответ. — Порой трудно понять, что это — спасательная акция или катастрофа. Все зависит от того, как посмотреть.

— Мне кажется, было бы неплохо посетить одну-две фирмы, — говорю Маневу, когда подошла к концу процедура обеда в гостиничном ресторане. — Как приличествует приехавшему в командировку служащему.

— Что-нибудь придумаю, — кивает Манев. — Но это станет возможным, когда немного спадет жара. Так что пока можете спокойно отдыхать.

В номере прохладно, зеленые жалюзи создают в комнате приятную сумеречную атмосферу. Откинувшись в бархатном кресле приглушенно-зеленого цвета, я пытаюсь дочитать газетную статью о шпионах-спутниках, начатую еще утром. Но и теперь мне не везет в деле самообразования. Мягко выскользнув из моих рук, газета падает на ковер.

Мое участие в операции фактически закончилось, если не считать самого неприятного — ожидания. Отныне все в руках Борислава, его молодого помощника и зависит от воли случая. От всех троих требуется очень немного, имеются в виду простейшие действия, но при здешних условиях абсолютно ручаться за успех трудно. Единственная промашка, которая в данный момент совершенно недопустима, — это обнаружить себя раньше времени. Именно это я и стараюсь вдолбить в немного упрямую голову Борислава. Этот в общем-то спокойный человек после длительного бездействия в какой-то степени уподобился охотнику в самом начале сезона. Томас... Вилла... Как будто это позволит ему раскрыть некий центр глобальных масштабов. Томас... Важнее всего, чтобы этот Томас ни в малой степени не заподозрил, что мы напали на его след. Потому что случись это — все полетит к чертям.

К четырем часам Манев заезжает за мной, и я еду с визитами доброй воли в три экспортные фирмы, почти полностью передоверив ведение переговоров своему спутнику. В заключение Манев берется показать мне кое-какие достопримечательности города.

— Если это так обязательно... — Я без энтузиазма отзываюсь на его предложение.

— Конечно, не обязательно. Но почему бы тебе не посмотреть, как выглядит с близкого расстояния «Святая София»?

— Было бы гораздо интересней посмотреть, как выглядит с близкого расстояния Софи Лорен,
— уныло замечаю я.

Но, поскольку как-то все же нужно убить время, остающееся до поезда, я покорно сажусь в «мерседес». Мы останавливаемся перед мечетями, у разрушаемых сыростью стен, у крытых базаров, осматриваем позеленевшие от времени купола, при этом Манев добросовестно дает мне соответствующие исторические справки, однако все это время я думаю о другом, о том, что происходит, может быть, именно сейчас в этом самом городе и от чего зависит исход операции.

Точно в девять приезжаем на вокзал, значительно более тихий в этот вечерний час. Спальный вагон уже другой, проводник тоже другой, потому что прежний вагон и прежний проводник отправятся в путь завтра, если вообще отправятся. Поднимаемся с Маневым в купе, чтобы выкурить по сигарете, потому что поезд отходит только в девять двадцать. Борислава все еще нет.

— Борислава нет, — говорю я без всякой необходимости, когда мы садимся на уже разобранную постель.

— Успеет, — успокаивает меня мой знакомый, но лицо его напряжено, как, вероятно, и мое.

— Да. Борислава все нет, — говорит Манев- уже другим тоном четверть часа спустя. — Мне пора исчезать.

Мы обмениваемся рукопожатиями и не слишком уверенным взглядом. Мой знакомый покидает вагон, но продолжает оставаться на перроне, а я облокачиваюсь на окно и обвожу глазами перрон.

Проводники уже закрывают с грохотом двери вагонов. Вдруг из зала ожидания появляется фигура Борислава, в несколько прыжков он пересекает перрон и вскакивает на ступеньку вагона за несколько секунд до того, как трогается поезд. Манев поднимает на прощанье руку, и на его лице мелькает улыбка.

Борислав прилег на постель у окна, предоставив мне Другую ее половину, со стороны двери. Он наливает себе четверть стакана виски и отпивает большой глоток.

— Неплохое. Это Манев тебе дал?

— Да, — киваю в подтверждение. — Но он не сказал, что принес для тебя одного.

— Извини, пожалуйста, я сегодня маленько того... Он делает красноречивый жест у своей головы, затем берет второй стакан, щедро наливает золотистого напитка и подает мне.

— Если бы ты даже не на шутку рехнулся, все равно мог бы не бояться, — успокаиваю я его.
— Свой человек, не оставили бы в беде.

Он снова отпивает из стакана, потом смотрит вокруг, и на его лице появляется какое-то стеснительное выражение, смысл которого мне хорошо знаком.

— Дай сигарету, а то я забыл свой мундштук и просто не знаю, куда девать правую руку.

— Ладно, ладно, можешь не оправдываться, — говорю я и бросаю ему сигареты.

Он курит, прикрыв глаза, как будто думает о чем-то или просто дремлет. Потом гасит окуроч и устало произносит:

— Чуть было не упустил поезд...

— Если тебе угрожало только это...

— А что еще?

У меня нет намерения вдаваться в подробности, потому что, едучи в иностранном поезде по чужой территории, трудно с уверенностью сказать, кто, где и с какой целью тебя подслушивает. И мы дремлем, каждый в своем углу, хотя у нас над головой есть вторая, совершенно свободная постель с мягким одеялом и свежими простынями.

Перед самым рассветом мы прибываем в Свиленград, где нас ждет машина. Шофер тоже свой человек, из нашей группы, и, как только мы трогаемся с места, я спрашиваю у Борислава:

— А что ты скажешь еще, кроме того, что чуть было не упустил поезд?

— Все прошло как по писаному, — отвечает мой друг, окончательно поборов сон. — Гитарист оставался в том притоне до самого вечера. Мой человек без труда познакомился с ним и с содержимым его карманов. А я тем временем вошел в контакт с другим. Потом пошел навести справки о Томасе. Томас после обеда из отеля не выходил. Зато ровно в семь вечера вышла секретарша и взяла такси. Мы с моим человеком берем другое. Примерно четверть часа такси петляет по разным улицам и закоулкам и наконец останавливается где-то на углу, в темном месте. Она вылезает из машины и велит шоферу ждать. Подкатив чуть поближе, мы делаем то же самое. Я не спускаю с нее глаз. Вижу, заходит в какой-то сквер. В нем ни души и довольно темно, так что подобрать наблюдательный пункт оказалось нелегко. Женщина садится на скамейку, и очень скоро приходит этот, с гитарой. Не приходит, а как будто с неба сваливается.

«Он мертв, — не может сдержать себя косматый. — Мертв! Я убил его!»

«Тише! — шепчет секретарша. — кто мертв?»

«Да тот, человек из вагона... Вы меня обманули... Вы сделали меня убийцей!.. «Ты его только усыпишь», — сказал Томас... И я усыпил его навеки».

«Сядьте, успокойтесь, — дергает его за рукав секретарша. — Как вы его усыпили, чем?»

«Вот этой игрушкой», — отвечает гитарист, вынув что-то из кармана.

Затем он плюхается на скамейку и продолжает:

«Убийцы!.. Вы меня обманули, сказали «усыпишь», а он умер...»

«Но я понятия не имею... в самом деле, я об этом ничего не знаю», — заикается секретарша.

«Тогда зачем вы сюда пришли?»

«Просто жду вас, чтобы передать вам упаковку».

«Давайте же... Морфию мне... Ох, не могу больше!»

Она подает ему какой-то пакет, он разрывает его и как будто берется наполнить шприц, хотя я не уверен, что это именно так. Ясно одно: через минуту он весь напрягся, выпятился, опершись на спинку, потом съехал в сторону и рухнул на землю... Женщина наклонилась над ним, глухо всхлипнула и бежать. Прихожу на место происшествия. Вижу — мертв. Я скорее в машину и, хотя шофер гнал как сумасшедший, чуть было не упустил поезд.

— Эта подробность мне уже известна. А упаковка?

— У меня в портфеле. Не знаю, стоило ли ее брать, но я взял.

— Не повредит, — говорю. — Может, для тебя пригодится... Как средство, чтобы окончательно бросить курить.

ГЛАВА 6

— Этой Касабовой надо заняться самым серьезным образом и как можно скорее, — говорю я, стуча пальцем по лежащей передо мной книжке, не имеющей, впрочем, с Касабовой ничего общего.

— Слушаюсь, — отвечает лейтенант.

— Что нового у наркоманов?

— В компании полный развал, — докладывает офицер. — Морфия нет, собираться негде, Марго вышла из игры, Боян тоже. Остальные встречаются в «Ягоде». Лейтенант удаляется.

— Значит, Боян приступил к действию... — обращаюсь к Бориславу.

— Раз эту ночь спал с Анной на вилле...

Звонит телефон. Поднимаю трубку и слышу знакомый женский голос:

— Это ты?.. Наконец-то... Два дня тебя ищу и все без толку.

— Что-нибудь случилось? — спрашиваю тоном, который обычно берегу для служебных разговоров.

— Случилось. Я было решила больше с тобой не встречаться... а потом вдруг передумала.

— Будем надеяться, что это к добру... — неуверенно говорю в ответ.

— Если не к добру, то и не к беде. В общем, мне бы хотелось увидеться с тобой еще раз, прежде чем ты уедешь.

— Это проще простого. .

— В таком случае говори, где и когда.

— В восемь вечера. На том же месте.

— Вроде женский голос, — роняет Борислав, когда я кладу трубку.

— Маргарита... Интересно, как она могла узнать мой служебный телефон? — произношу я, уставившись на него строгим взглядом.

— Нечего так на меня глазеть... Конечно же от меня. Попалась мне навстречу позавчера, спросила, я и назвал ей. Надеюсь, я не выдал государственной тайны.

— Служебный телефон предназначен для служебных целей, — сухо напоминаю собеседнику.

— Но послушай, Эмиль, ты ж понимаешь, раз женщина принялась тебя искать, значит, непременно найдет...

— Ладно, оставим это. Пойди лучше проверь, готов ли материал.

Борислав выходит, но вскоре возвращается и говорит, что нас ждут. Идем в просмотровый зал, где застаем двух техников.

— Что пускать раньше: звукозапись или киноленту? — спрашивает старший техник.

— Придерживайтесь хронологии, — предлагаю я.

— Дело в том, что начало и конец засняты, а середина записана, — объясняет тот.

— Тогда давайте сперва послушаем, а потом будем смотреть, — подает голос Борислав.

Я пожимаю плечами. В конце концов, какая разница. Мы с Бориславом дилетанты в этих технических методах. И все же нас очень злит, когда материал нам подают кусками да еще вперемешку.

Техник подходит к столику, на котором стоит магнитофон, и вносит ясность:

— По сути дела, на первой киноленте заснято лишь одно действие: Боян влезает через окно в комнату Анны. Комната на втором этаже. Анна бросает ему веревку, и он при помощи этой веревки взбирается на второй этаж виллы.

— Ясно. Давай послушаем дальнейшее.

Техник пускает магнитофон, и после непродолжительного шипения в зале звенит девичий голос:

— Ты настоящий альпинист!

— Ты не боишься разбудить отца? — слышится голос парня, не столь громкий и менее задорный.

— Говоря между нами, сюда отец никогда не приходит, если догадывается, что ко мне кто-то пришел, — успокаивает его Анна.

— Тогда зачем же ты меня заставила лазить, как обезьяну?

— Чтоб испытать тебя, — смеется девушка. — В прошлом году я так разыграла одного мальчика, обхохочешься. «Если, — говорю, — отец дознается, что ты у меня, он тебя прикончит...» И представь себе, этот пижон вообще не рискнул прийти, не то чтоб лазить по веревке. Терпеть не могу трусов...

— Ясно. А сколько примерно народу лазило к тебе по веревке?

— Только ты один... На того олуха я, правда, тоже рассчитывала... А если парень так себе, зачем мне его испытывать? Такого я впускаю прямо через главный вход.

— Ага, значит, там валят толпой?

— Уж прямо толпой!.. Надеюсь, ты не станешь затевать скандал из-за нескольких глупых историй... Хотя мне это было бы по душе.

— Я не ревнивый.

— В самом деле? Жалко.

— Я хочу сказать, что до сих пор не был ревнив. Потому что не любил. Может, потом и стану ревновать, не знаю.

— Значит, я должна вызвать у тебя ревность? Вскружить тебе голову, заставить тебя бредить мной, сходить с ума, забыть все на свете и... что еще? Скажи, дорогой, как мне тебя лучше охмурить?

— Есть один рецепт, — отвечает парень. — Во-первых...

Короткая пауза.

— Я вся превратилась в слух! — восклицает девушка. — Во-первых?

— Во-первых, перестань кривляться. Опять непродолжительная пауза.

— А мне так хотелось повалять дурака, — с легким вздохом заявляет Анна.

Голоса обрываются, слышно мягкое шуршание пленки.

— Очередная запись сделана сорок минут спустя, — со служебной педантичностью поясняет техник.

— Что-то вроде многоточия в любовных романах, — вставляет Борислав.

Техник предупредительно поднимает руку — слышится голос Бояна:

— Хочешь глотнуть коньяку?

— Милый ты мой... Ты не только бесстрашный, но и сообразительный, — замечает Анна.

— Разыгрываешь меня.

— Радуйся. Если бы я заговорила всерьез, тебе бы несдобровать. Серьезные дела, как тебе известно, обычно кончаются женитьбой и вообще паршиво.

Вероятно, девушка отведала предложенного напитка, так как говорит:

— Чудесная вещь... И чуть позже:

— Скажи, милый, ты не подсыпал сюда наркотика, чтобы сделать мне сюрприз?

— До сюрпризов пока дело не дошло, — отвечает Боян.

Техник нажимает на кнопку магнитофона и поясняет:

— Звукозапись на этом кончается. Второй кусок кинопленки заснят двадцатью минутами позже.

Другой техник гасит свет и пускает кинопроектор. На экране виден фасад кокетливой двухэтажной виллы, вырисовывающейся среди зеленой листвы.

— Снимали на инфрапленку, вот почему изображение такое ясное, — предупреждает техник.

— Учтите, что ночь была очень темная.

В окне второго этажа появляется Анна. Она вкрадчиво озирается, словно совершает какое-то таинственное действие, и бросает вниз конец веревки. Внизу, между деревьями, появляется Боян. Ловкими движениями, едва касаясь ногами стены, он поднимается вверх и

через окно влезает в комнату.

По экрану пробегают какие-то черточки — поврежденная пленка. Снова виден фасад виллы.

— Это уже вторая часть, — говорит техник.

Теперь альпинист демонстрирует свое мастерство, не прибегая к помощи веревки. Боян залезает на подоконник, цепляется руками за балкончик мансарды и несколькими ловкими движениями добирается до входной двери, что-то достает из кармана и, судя по всему, орудует отмычкой. Наконец дверь открывается, Боян исчезает в темном помещении мансарды и закрывает за собой дверь.

Возвращение нашего героя через балкон в комнату Анны прокручивать в качестве эпилога не стали.

— Время между двумя действиями — точно пять минут, — поясняет техник.

— Всего лишь? Невероятно! — восклицает Борислав.

А мне все кажется, что я слышу голос Любо: «Эмиль, а что бы ты сделал, если бы твой сын стал предателем?»

Звоню в «Рилу», чтобы заказать столик на террасе -ведь сегодня суббота, — и выхожу на несколько минут раньше, как приличествует воспитанному кавалеру. По календарю только конец весны, а температура уже вполне летняя. Не случайно Маргарита входит на террасу в элегантном легком платье — на голубом фоне крупные белые цветы или голубые цветы на белом фоне, словом, что-то в этом роде. За столиками на террасе уже сидит разнообразная публика, и, встречая свою даму, я невольно замечаю с былой досадой, что сидящие вокруг мужчины ощупывают глазами фигуру моей приятельницы.

— Ты просто ослепительна... — шепчу я. — Голубая Маргаритка...

— Нечего смеяться... — говорит она в ответ, хотя лицо ее сияет от счастья.

Я веду ее за столик, стоящий в дальнем углу, выбранный мною не без умысла, и подаю ей меню.

— Они по-прежнему с тебя глаз не сводят, — бормочу я, пока Маргарита обдумывает, что заказать на ужин.

— Не будем особенно засиживаться... Я и без того начала полнеть...

«Начала полнеть» звучит применительно к ней весьма скромно, но я не педант.

— Ты же знаешь французскую поговорку: «Мужчины уходят с тоненькими женщинами, а возвращаются с округленными».

— Это на простом языке означает, что округленные мы несколько не теряем, когда дома, точнее, в постели... Если ты выдаешь это за комплимент... — Она снова хмурит лоб над меню и принимает решение: — Крабы, филе из телятины... Салат. А тебе?

— То же самое. А пить что будем?

— Это я предоставляю тебе.

Ужин проходит приятно, то есть без лишней болтовни, но постепенно мной овладевает меланхолия, потому что я по опыту знаю, что к концу трапезы люди обычно заводят

серьезные разговоры, а если Маргарита пришла сюда ради серьезного разговора, держу пари — характер его мне известен.

— Что это ты скис? — спрашивает дама.

Вот в чем отрицательная сторона длительного сожительства — люди знают друг друга как свои пять пальцев.

— С чего ты взяла? Просто переел.

— Не бойся, я не собираюсь вешаться тебе на шею.

— Ты маленько переоцениваешь мою боязнь.

— Ты знаешь, порой на меня находят такие приступы одиночества, что я начинаю ощущать его, как физическую боль...

— Ты не исключение, — успокаиваю ее. — В наше время все больше людей чувствуют себя одинокими. Остальные же напрасно ищут уединения. В общем, редко кто доволен в этом отношении.

— Тебе бы только шутить.

— Над кем? Над самим собой?

— За последние годы я во многом стала другой, — замечает Маргарита, словно не слыша меня. — Катастрофа с Тодоровым... Второй брак, оказавшийся не меньшей катастрофой...

— Насчет второго ты мне не говорила.

— Потому что мне стыдно... Долгое время я сама себе не смела признаться.

Она задумчиво смотрит на темный фасад противоположного дома, на котором мерцает зеленая надпись огромной световой рекламы. Надпись весьма загадочная, так как две ее буквы перегорели, отчего смысл слова окутан мраком неизвестности.

— В сущности, с точки зрения домашнего благополучия это был вполне приличный брак. Муж занимал хорошую должность, отличался хорошими привычками. Из дома на работу, с работы домой; зайдет разве на полчаса выпить рюмочку с друзьями. Словом, не в пример тебе: сегодня ты здесь, а завтра и след простыл. А может случиться, уедешь в один прекрасный день и не вернешься вовсе...

— В один прекрасный день... — повторяю я. — В один прекрасный день с любым может случиться. Свалится откуда-то кирпич, стукнет тебя, и...

— Какой муж... — продолжает она копаться в своих воспоминаниях. — Кроткий, тихий, старательный...

— Тебе достался идеальный муж, прости его Господи.

— А как вел хозяйство. Его любимым занятием по вечерам был подсчет расходов за день... При этом не упускал случая, чтобы пожуричь меня, если надо... А чего мне стоило выклянчить у него на новое платье. Если и удастся, бывало, то глядишь, уже и сезон прошел...

— Сама виновата: надо было зимой просить на летнее платье, а летом наоборот.

Я отпускаю эти вздорные шуточки в надежде, что она опомнится и прекратит свои излияния, потому что мне и неловко, и неинтересно вникать в чужие дела. Что же касается Маргариты,

то она не испытывает ни малейшей неловкости, так как настолько привыкла ко мне, что я для нее ближе любого мужа, и потом, она относится к той категории людей, которые не могут не высказать при случае того, что накопилось у них на душе.

— Тихий, мухи не обидит... — продолжает женщина. — Покончив со счетами, достанет газету, просмотрит телевизионные программы. Если передают какой-либо матч или детективный фильм — включает. А если нет — вытянется на диване и начнет перечитывать новости спорта. А потом встанет и объявит: «Я пошел ложиться», как будто он до этого не лежал... Человек, с которым и словом перекинуться было невозможно, если не считать разговоров о домашних расходах, можешь себе представить? Первое время он любил поговорить про футбол да про любимую команду. А потом, пос.'е того как я ему сказала, что футбол меня не интересует, замолчал. Чистенькая, прибранная квартира, тихий старательный муж, и мы вечно молчим... Господи! — Она снова переносит взгляд на темный фасад и на загадочное зеленое слово с двумя неизвестными. — Бредил спортом, а сам был хилый, впалая грудь, и всегда носил длинные кальсоны, до самых пят, чтоб не простудиться, мало того, зимой без конца мазался какой-то мазью, которая якобы предохраняла его от простуды, и у нас весь дом провонял этой мазью...

«Чего доброго, начнет рассказывать, как они занимались любовью с этим тюфяком», — с паническим страхом думаю я.

— Вроде бы вполне приличный брак, — повторяет она. — И полная катастрофа.

— А дети? — пытаюсь перетянуть Маргариту на более здоровую почву.

— Дети? По-твоему, при слове «дети» все должно мигом становиться на свои места. Можно подумать, что женщина ничего не должна знать, кроме материнских чувств.

— Я далек от таких мыслей. Просто мне вспомнилось, как ты в свое время мечтала завести ребенка.

— Мечтала, потому что у меня было другое... у меня был ты. Или я воображала, что ты у меня есть... Но когда руки обременены двумя детьми...

— И притом теткины руки...

— Не бойся. Не в таком они у меня забросе. Но и не сидеть же мне с ними с утра до ночи. Тем более их, как мне кажется, это не особенно забавляет. — Она на минуту замолкает, кладет белую руку чуть выше своего пышного бюста и говорит замирающим голосом: — Просто у меня тут, понимаешь, пусто... Это проклятое ощущение пустоты...

— Это проклятое ощущение пустоты исчезает, как только появляется грудная жаба, — философски замечаю я.

— Ты просто несносный, — вздыхает женщина. — Изверг.

— Я это уже слышал. Преимущественно от мужчин. — И после паузы продолжаю: — Ты без конца спрашиваешь: «Ты понимаешь?.. Ты понимаешь?» Хорошо, понимаю. Но скажи мне в таком случае, чего ты ждешь?

— Ничего я не жду, — тихо произносит Маргарита. — В том-то и дело, что ничего не жду. Именно поэтому мне захотелось увидаться с тобою снова... так, без особых причин... Думаю: через несколько лет сообразишь, что могла побыть с ним еще один-два раза и не побывала, и будешь локти кусать, упустила, мол, случай.

Она смотрит на меня, а глаза ее какие-то рассеянные и даже, может быть, не видят меня.

— Странно, однако мне вот пришло в голову... мы с тобой тоже о многом не поговорили... мы вообще говорили не так много... ты тоже отличался тем, что молчал, как чурбан, или делал вид, что не понимаешь, о чем речь... И все же у меня не было такого ощущения, что мне чего-то недостает, у меня тут не было пустоты, и не потому, что ее заполняла грудная жаба, нет, душа моя была полна другим...

— Была полна иллюзий...

— Нет, — качает головой Маргарита. — Иллюзии были здесь. — Она указывает рукой на свою безупречную прическу. — Здесь они были и все начисто испортили. Иллюзии о спокойной семейной жизни, об уютном семейном очаге... Теперь я знаю цену спокойной семейной жизни... Вовек не забуду...

И она снова устремляет на меня какой-то до странности оживленный взгляд и говорит тихо и вместе с тем порывисто:

— Сколько понадобилось времени, чтобы я поняла, что за человеком, который мне дорог, я готова идти и в ненастье, и в стужу, что ради него я готова мириться с любыми невзгодами, но только ради того, кто мне близок и дорог, потому что нет ничего дороже в этом мире, чем быть вместе с по-настоящему близким и дорогим тебе человеком, Господи Боже мой!

«Сказала бы это десять лет назад... пять лет назад», — отвечаю про себя.

И, как бы услышав эту реплику, женщина отводит глаза и добавляет устало:

— Но дело это прошлое...

Эта фраза завершает разговор, я имею в виду этот разговор, и мы переходим на более нейтральные темы.

Час спустя мы идем домой, не говоря, куда идем; медленно движемся по притихшему бульвару, и я рассеянно слежу за тем, как при свете уличных фонарей постепенно удлиняются наши тени, а потом внезапно отпрыгивают назад, затем опять начинают расти и опять отпрыгивают — две тени, мужчины и женщины, двух людей, которых случай свел и развел и опять свел, чтобы снова разделить.

— Ты еще молода... — слышится мой голос, неожиданный для меня самого.

— Мне тридцать три...

«Тридцать пять», — поправляю ее в уме.

— Во всяком случае, еще не старая. И вместо того чтобы тиранить себя за то, что не сбылось, лучше подумать о том хорошем, что может прийти...

— О счастье?.. — Она тихо смеется.

— Ты сделала один неверный шаг. Другие делают и больше.

— Сделать новый шаг у меня уже не хватает духу... Да и с кем? С каким-нибудь молодым оболтусом, который с первого раза мне наскучит?.. И вообще, я не для того пришла сюда, чтобы ты меня утешал. Мне просто хочется еще немножко побыть с тобой.

— Да, но после этого «немножко» у тебя будет много времени...

— Ну и что? Ты надеешься, что в твоей жизни еще наступит что-то хорошее?

— Честно говоря, я о таких вещах не думаю.

— Честно говоря, ты ни на что больше не надеешься, — поправляет она меня. — Я тоже. Так что нечего меня подбадривать, мы с тобой одного поля ягода. Бредем по дороге и ничего особенного не ждем.

Итак, мы продолжаем идти своей дорогой по пустынному бульвару, и с нами две тени, тени мужчины и женщины, которые то появляются, то исчезают, словно их и не существовало.

Не могу точно сказать, который теперь час, потому что, когда сплю, не смотрю на часы, однако я вздрагиваю оттого, что некое сверло врезается мне в голову — раз, другой, третий. Это сверло мне хорошо знакомо. Не открывая глаза, я протягиваю руку и поднимаю трубку стоящего у изголовья телефона.

— Товарищ Боев? — слышится на другом конце провода.

— Он самый. Кто это?

— Боян... Боян Ангелов... Я бы хотел вас видеть. И если можно — сейчас же. Понимаю, время неподходящее, но...

— Почему бы и нет? — тихо говорю я и, открыв глаза, смотрю на светящийся циферблат. — Раз такая срочность, ничего не поделаешь.

— Только я не знаю, где вас искать...

Я сообщаю ему адрес и поясняю:

— Пройди по лестничной площадке во двор и жди меня там.

— Кто это?.. Что случилось?.. — слышу возле себя сонный голос Маргариты.

— Все в порядке, дорогая. Спи спокойно.

— Спокойно?.. С тобой?.. — бормочет Маргарита, однако сон, как видно, оказывается сильнее ее иронии, потому что, повернувшись ко мне спиной, она тут же укутывается одеялом.

Времени, для ясности, без малого три. Я одеваюсь, варю кофе и лишь после этого спускаюсь вниз. Бояну я сообщил не свой адрес, парень явится во двор знакомого мне дома на соседней улице. Я прихожу туда и застаю его на месте.

— Если тебе еще раз случится идти ко мне, приходи туда же, только смотри, чтобы никто тебя не засек, -советую я ему, вводя в кухню.

— Едва ли такое случится, — мрачно произносит Боян. — Разве что вы ко мне придете, а я к вам — никогда.

— Вот как? Почему?

— Потому что меня, наверное, засадят в тюрьму.

— Уж не обчистил ли ты какую аптеку?

— Нет, — качает головой молодой человек. — Я замешан в шпионаже.

— А, это нечто другое, — замечаю без особого драматизма. — Раз так, садись вот на этот стул и расскажи толком, что к чему.

— Это слишком длинная история... — тихо говорит Боян и несколько расслабляется,

откинувшись на спинку стула.

— Не имеет значения, — вставляю я, наливая кофе. — В ночь с субботы на воскресенье хватит времени и на длинную.

Боян вынимает из кармана сигареты и спички, но спохватывается:

— Здесь можно курить?

— Кури сколько влезет, — успокаиваю его и сажусь по другую сторону стола.

— В ту компанию, что собиралась в «Ялте» некоторое время назад, затесался один иностранец по имени Чарли... Мать у него болгарка, какие-то родственники тут у него есть. Вот с этого самого Чарли и началась вся эта история...

И парень медленно и не совсем последовательно рассказывает то, что мне уже хорошо известно, однако я слушаю его терпеливо и внимательно, не только затем, чтобы оценить, насколько человек, искавший со мной встречи, откровенен в своих признаниях, но также чтобы получить представление, как выглядит эта история с Другой стороны, как она представляется этому юноше.

— Он якобы водится с какими-то соотечественниками, которые связаны с нашими фирмами. «Богатые люди, — говорит, — из тех, что за мелкие услуги дают большие деньги и, что самое главное, готовы платить ампулами».

Рассказав еще о некоторых вещах такого же характера, Боян переходит к загородному свиданию и довольно верно излагает то, что мне довелось слышать и видеть.

— «Эта операция не должна повторяться каждый вечер, — сказала мне женщина. — Не стоит бессмысленно рисковать. По имеющимся у нас сведениям, самые интересные документы он приносит домой по субботам, чтобы иметь возможность в воскресенье над ними поработать. Поэтому вы всегда будете действовать по субботам, и только по субботам». А когда я поинтересовался, что же это за документы, она мне ответила: «Деловые, коммерческие... Их можно раздобыть любыми другими путями, только на это уйдет больше труда и времени... И вообще, вы не подумайте, будто мы вас толкаем на какое-то предательство». Потом вдруг начала меня страшить: их люди будут за мною следить и в случае, если я начну уклоняться или выболтаю что-нибудь, со мною разделаются безо всяких проволочек. Потом достала крохотный фотоаппарат, пленки к нему, отмычки и давай показывать мне, как всем этим пользоваться. А под конец поднесла мне упаковку морфия.

Парень говорит спокойно, однако лицо его напряжено и выражает некую оторопь, как у человека, который не сразу осознал, что совершилось непоправимое.

— Как же так? За все это одну-единственную упаковку морфия? — уточняю я.

— Да нет, не одну... Женщина сказала, что за хорошую работу я буду получать их регулярно... Мне их будут оставлять в почтовом ящике какой-то Касабовой, проживающей по улице Евлоги Георгиева, куда я должен буду приносить негативы по воскресеньям, на рассвете, после выполнения задачи.

— Ну и как? Сегодня ты ее уже выполнил?

— Вы хотите спросить — сунул ли я голову в петлю? Сунул.

Он достает из заднего кармана миниатюрную кассету, поменьше окурка, и кладет ее на стол.

— Почему же ты не положил ее в почтовый ящик Касабовой? — небрежно спрашиваю я.

— Потому что, снимая эти документы, я обратил внимание на то, что на каждом из них стоит слово «секретно», на всех значится «секретно» или «совершенно секретно», а я думал, что это самые обычные сведения и...

— И это все? — спрашиваю я, видя, что парень замолчал.

— Не знаю... Нет, не все.!. Только я не знаю, как вам сказать, — конфузливо и сбивчиво говорит Боян. — В тот день, когда мы с вами два месяца назад сидели в «Софии», со мной что-то стряслось... В сущности, ничего особенного... Просто я было забыл про того человека... про моего отца... Может быть, даже сознательно забыл про него, ведь он причинил матери столько страданий... А вы заставили меня вспомнить о нем. Вы тогда мне столько рассказали всего... то, что я его наследник... Не знаю почему, но особенно после встречи с той женщиной там, за городом, я все чаще думаю о том нашем разговоре. А сегодня особенно... Когда это уже свершилось, я не перестаю думать о том, что бы сказал он, если бы смог увидеть... Если бы увидел, до чего я дошел...

— А он тебя видит. Видит через меня, через своих товарищей, перед которыми ты завтра можешь предстать... И ему нелегко, сам понимаешь.

В кухне вдруг стало совсем тихо. До того тихо, что теперь отчетливо слышен звон капель в умывальнике, и я снова думаю о том, что пора наконец исправить этот кран, который все время течет.

— Да-а-а... — пускаю в ход свое ничего не значащее словечко. — Ну а дальше что?

Парень молчит, словно впад в какое-то оцепенение и Утратив всякое чувство места и времени.

— Ладно, этой ночью ты снимал. А минувшей ночью чем ты занимался в мансарде?

— Делал отпечатки замочных скважин. Женщина сказала, что, как только я оставлю их в почтовом ящике Касабовой, я в тот же вечер найду там ключи; с ними гораздо удобнее, не будет нужды всякий раз канителиться с отмычками, да и таскать их с собой рискованно.

Парень отвечает как автомат, не задумываясь. Но, вероятно, мысль все же пробуждается в его мозгу, потому что на его бледном, апатичном лице неожиданно проступает изумление.

— А вам известно, что я минувшей ночью был в мансарде?.. Вы что, следили за мною?..

— А как ты думал?

— Значит, все то, что я рассказал, вам ни к чему, вы это и без меня знаете...

— Знать — это одно, и совсем другое — услышать от тебя. Особенно важно, что ты об этом рассказываешь, прежде чем мы начнем тебя спрашивать и прежде чем ты опустил эту фиговину в почтовый ящик Касабовой. — И, указав на неглубокий шрам у его виска, добавляю: — Случившееся напоминает историю этой отметины. Очень уж скверно ты поскользнулся, мой мальчик. Очень уж опасно твое новое падение. Но рана твоя не смертельна. Поправишься и пойдешь своей дорогой.

— Куда? — с прежним равнодушием спрашивает парень, однако напряжение на его лице заметно растаяло.

— Да, уместный вопрос. Вопрос жизни. Но, прежде чем мы вернемся к нему, я тоже хочу поставить перед тобой вопрос: так ли сильна в тебе жажда потреблять эту отраву, что за

несколько доз морфия ты готов пойти на самое страшное?

— Я ее не потребляю..

— Боян!.. — предупредительно поднимаю указательный палец. — Раз ты уже заглянул в нашу кухню, не в эту, а в ту, служебную, скажу тебе честно, что я собственными глазами видел, как ты вгонял шприц...

— Это был не морфий, — прерывает меня парень с легкой досадой на лице. — Я один-единственный раз принял морфий, и, если хотите знать, меня только стошнило от него. С тех пор я колю витамин С — он такого же желтоватого цвета и тоже по два кубика в ампуле.

— Вот оно что, витаминами себя поддерживаешь... А зачем тебе морфий?

— Для матери...

Если бы он вместо того, чтобы сказать это, нацелил мне в голову пистолет, меня бы это меньше потрясло. «Для матери»... Какое неожиданное решение совсем простой загадки, совершенно нетрудной и все же до сих пор остававшейся нерешенной, и только потому, что мы не вспомнили о существовании еще одного человека.

Озадаченный моим молчанием, парень смотрит на меня с недоумением: то ли я не расслышал, то ли не поверил.

— Прежде, когда я был при ней, она находила успокоение в том, что изливала при мне свою муку, рассказывая, как много она сдедала для отца и как он вечно отравлял ей жизнь, оплакивая его или проклиная, понося и его и вас... Она из тех людей, которые способны повторять одно и то же сто раз, тысячу раз, одними и теми же словами, на один манер, и можно с ума сойти, слушая ее, а сама она после этого успокаивается... Выговорится, обессилеет и утихнет на час или на два, потом опять. Но я терпел, как-никак она мне мать, и, кроме меня, у нее не было другого близкого человека, терпел потому, что она была права, во всяком случае, мне казалось, что она права, хотя теперь я уже не знаю, насколько это верно... А когда меня забрали в армию, это стало для нее настоящей трагедией и она все повторяла, что когда я вернусь, то не застаю ее в живых... Застать-то я ее застал, но в каком состоянии... Одна кожа да кости и такой взгляд, такие глаза, что не узнать, как будто она лишилась рассудка.

«Как будто она сошла с ума», — наверное, готовится сказать Боян, но, проглотив эту фразу, молчит какое-то время, затем продолжает:

— Пока меня не было дома, она сдружилась с какой-то женщиной, которую знала в молодости, и та научила ее убаюкивать свое горе. Скрываясь у нас на квартире от своих близких, она приносила матери ампулы, получаемые от какой-то лаборантки. Первое время мать говорила мне, что уколы, которые она делает, назначил врач для лечения нервов, но потом лаборантку прогнали, морфий было неоткуда брать, и тут мне все стало ясно: мать начала меня просить, умолять, заклинать, чтоб я нашел ей морфий, и грозилась тем, что она сойдет с ума, если я не найду, что она отравится, выбросится из окна... Однажды я действительно едва успел стащить ее с подоконника. С тех пор меня стала преследовать мысль, что в один прекрасный день, возвращаясь домой, я увижу ее распростертой на тротуаре с разбитой головой. И чтобы предотвратить беду, я готов был на все, и самым верным средством добывать морфий оказалась знакомая вам компания: в нее я вошел только ради того, чтобы иметь ампулы, а так как там не терпят чужаков и зевак, мне приходилось делать вид, что я такой же, как и они.

— Ясно, — киваю я, когда парень замолк. — Ты полагал, что спасаешь мать, а по существу,

она толкала тебя в пропасть.

— Она несчастная женщина, — тихо произносит Боян.

— Не спорю. И мне понятны твои сыновние чувства, — говорю не слишком уверенно, так как сам не помню своей матери. — Но она оказалась слабым человеком.

— Да, она слабая, она совсем беспомощная, — подтверждает юноша.

— А такие вот слабые, мой мальчик, подчас таят в себе опасную силу: мало того, что сами добровольно ложатся в могилу, но и тебя заодно готовы похоронить.

— Она несчастная женщина, — стоит на своем Боян.

— Согласен. Только путь, по которому ты пошел, чтобы вырвать ее из беды, ни к чему хорошему не приведет. Твоей матери необходимо лечиться.

— Не смейте! — вскакивает на ноги парень, и это его первая живая реакция. — Она мне сказала, что где-то прячет у себя цианистый калий и что она тут же покончит с собой, как только попытаются ее увезти.

Я молча размышляю, он глядит на меня с мольбой.

— Не делайте этого, прошу вас! Оставьте ее в покое, хотя бы на время. У нее сейчас достаточно ампул. Примет дозу и присмирееет. Зачем ее губить?..

— Ладно, — киваю я. — Пока отложим этот вопрос.

— А что будет со мной?.. Мне-то что делать? — Ничего. Будешь продолжать шпионить.

Он смотрит на меня большими глазами.

— Да, да, будешь продолжать шпионить.

Я встаю, чтобы покрепче закрутить кран, чьи капли стучат мне по нервам. Но, как я ни стараюсь, кран продолжает протекать, и я снова прихожу к мысли, что в ближайшие дни надо будет заняться им как следует. Махнув рукой на кран, я переносу взгляд на Бояна.

— А теперь слушай меня внимательно: до сих пор все у тебя складывалось довольно скверно, все шло кувырком, сплошное невезение. И если даже согласиться с тем, что ты руководствовался вполне человеческими побуждениями, от этого суть дела не меняется. А сегодня, вот сейчас ты впервые поступил по-мужски, явившись ко мне и честно рассказав обо всем. Потому и я буду говорить с тобой по-мужски. Ты включился в преступную игру, однако вовремя опомнился, хотя игра уже началась. И затеяли ее не какие-то предприимчивые торгаши, а вражеская тайная агентура. Поэтому игра должна продолжаться до тех пор, пока эта агентура не будет полностью раскрыта. Поэтому затеявшие игру не должны догадываться, что мы уже кое-что знаем. Следовательно, и в дальнейшем все должно идти так, как будто мы совершенно не в курсе дела, с той лишь разницей, что твоя шпионская деятельность будет не действительной, а мнимой. Тебе ясно? — И чтобы он окончательно уяснил, что к чему, я уточняю: — Негативы, которые тебе велено оставлять в почтовом ящике Каса-бовой, ты будешь получать от нас. А в мансарде снимать тебе ничего не придется, но всякий раз ты должен там оставаться столько времени, сколько тебе потребовалось бы, если бы ты снимал.

— Зачем же мне зря карабкаться наверх?

— Вовсе не зря, потому что ты, вероятно, будешь под наблюдением. И уже не под нашим. И

поскольку мы пока что не знаем, когда и кто именно будет вести за тобой наблюдение, и ты не должен вызывать у них ни малейшего подозрения, тебе следует все делать так, как будто ты действительно шпионишь.

— Понимаю.

— И еще одно: запугивания той женщины — она вовсе не жена коммерсанта, а секретарша иностранного дипломата, — не пустые слова. Так что гляди в оба, чтобы не попасть впросак.

— Я их не боюсь.

— И хорошо, но это не основание для безрассудных действий. Опять же с учетом всех этих обстоятельств тебе больше не следует приходить ко мне на квартиру. Если потребуется, можешь мне звонить или сюда, или на службу. Зашел на улице в кабину и звони, но так, чтобы тебя никто не слышал. Если все же нам будет необходимо встретиться, я скажу тебе, куда прийти.

Я прячу кассету в карман и закуриваю.

— Пять часов, — говорю. — Мне придется отнести эту фиговину куда следует и принести тебе другую, чтобы ты мог положить в ящик Касабовой. Если тебе хочется чего-нибудь выпить — в шкафу стоят бутылки. И если услышишь какой шум в комнате, не пугайся. Я, как ты мог понять, не один в квартире.

Пока я одеваюсь в спальне, Маргарита ворочается в постели и спрашивает спросонок:

— Что?.. Что опять случилось?..

— Все в порядке, дорогая, мне придется ненадолго сбегать на службу. Буквально на минуту, спи спокойно.

— Спокойно?.. С тобой уснешь!.. — бормочет она и, повернувшись на другой бок, снова засыпает.

ГЛАВА 7

— Ты, Борислав, со своим пустым мундштуком напоминаешь мне младенца, которого мать обманывает пустышкой, — добродушно произносит генерал, пока мы сидим в темно-зеленых креслах под тропической листвой темно-зеленого фикуса.

Это замечание я слышу не впервые, так же как и ответ Борислава:

— Бросил курить, товарищ генерал, но по случаю хорошей новости, с вашего разрешения, выкурил бы одну.

Он нерешительно потянулся к выветрившимся экспортным сигаретам, но, передумав, закуривает мои.

— Да, новость действительно неплохая, — подтверждает шеф. — Радостна с человеческой точки зрения и приятна с чисто служебной. Это дает нам более широкий простор для действий.

Отпив глоток кофе, он в свою очередь тянется к импортной коробке, берет сигарету, рассматривает ее задумчиво и снова кладет на место.

— Наблюдение за наркоманами, хотя оно обременительное и кажется на первый взгляд вроде бы совершенно бесполезным, надо продолжать. Для Томаса они возможный резерв: где гарантия, что кто-нибудь из них не будет использован для наблюдения за Бояном или для чего другого? Что касается Касабовой, то мне думается, следовало бы на днях и за ней пойти поухаживать.

— Касабова наверняка всего лишь почтовый ящик в буквальном смысле слова, — вставляет Борислав.

— Вероятно. Однако бывают почтовые ящики, которые отлично понимают, кому они служат. Так что для пущей уверенности лучше немного выждать, и давайте предложения, как нам поступить.

Генерал встает, делает несколько шагов к столу и приносит два листка машинописного текста.

— На наш запрос касаясь проводника международного вагона, как и следовало ожидать[^] нам ответили:

«Бесследно исчез». Относительно же того другого, наркомана, газеты поместили короткое сообщение, удобное для всех: «Отравление вследствие чрезмерной дозы морфия». Так что, скорее всего, оба происшествия будут похоронены в архивах, что также удобно для всех. - А что нам делать с матерью? — спрашиваю я в конце разговора.

— Ничего. Сейчас пока что не следует разжигать излишние страсти там, где их и без того хватает.

Мы покидаем кабинет, и, едва очутившись в коридоре, Борислав не преминул вернуться:

— А почему ты не спросил, что тебе делать с Маргаритой?

— Не твое дело, — одергиваю его. — Тебе пора знать, что не следует смешивать служебные дела с личными.

Квартира по улице Евлоги Георгиева обставлена довольно пышно, хотя все в ней не отличается свежестью. Как, впрочем, и сама хозяйка.

Женщина встретила меня весьма холодно. Но после того как я в прихожей предъявил ей соответствующий документ, стала немного приветливей, а сейчас сидит на диване против меня, гостеприимно скрестив ноги в тонких прозрачных чулках, почти улыбающаяся. Справедливости ради надо признать, что ноги у нее действительно как у молодой девушки, чего нельзя сказать о ее лице, которое, вопреки всем усилиям косметики, выдает возраст, близкий моему. Бегло изучаю глазами интерьер: стильная мебель серебристо-серого цвета, обитая светло-сиреневым бархатом, два неплохо сохранившихся персидских ковра, разостланных в холле и в комнате, несколько картин неизвестных мне, а может быть, и остальной части человечества, мастеров, хрустальные вазы для фруктов, фарфоровые вазы и огромное зеркало в золотой раме, которое, быть может, имело счастье отражать образ хозяйки в ту пору, когда она была гораздо моложе.

— У вас чудесная квартира, — признаю я. — Как видно, профессия парикмахера довольно-таки доходная.

— Не жалуюсь. Но если вы полагаете, что все это можно приобрести за деньги, заработанные на прическах... — Она наклоняет ко мне бюст и не без гордости поясняет: — Мой покойный муж был дипломат.

— Царский дипломат?

Бюст отступает на исходную позицию.

— Служил своей стране сколько хватало сил.

— В таком случае он, надо полагать, был весьма пожилым.

— Да, действительно, но вы же знаете, что любви все возрасты покорны.

И она снова наклоняет бюст, как бы желая внушить мне, что это правило не утратило своего значения и по сей день.

— Вы правы, — киваю я в ответ. — Только мы уходим в сторону от служебного разговора. А служебный разговор касается вашего почтового ящика.

Женщина держится безупречно — не глядит на меня с ошарашенным видом, на ее слегка удивленном лице нет ничего такого, что могло бы казаться подозрительным, и все-таки ее притворство не в состоянии скрыть сдерживаемого напряжения.

— Почтового ящика?.. Что с ним приключилось, с почтовым ящиком?

— С ним ничего не приключилось, — успокаивающе произношу я. — А вот в нем самом действительно происходят странные вещи: появляются и исчезают материалы и сведения совершенно секретного характера. Так что мой вопрос сводится к следующему: кто кладет эти материалы в ваш почтовый ящик и кто их забирает?

— Но об этом я ничего не знаю! — произносит женщина, вскинув брови и открыто глядя мне в лицо.

— Если принять во внимание, что это ваш первый ответ, то удивляться не приходится, ничего другого я и не ожидал, — говорю ей. — Так что сказанное вами мы просто не будем учитывать.

Физиономия дамы выражает сдержанную обиду.

— Я знаю, что люди вашей профессии никому и ничему не верят, но, ей-богу же...

— Погодите, — останавливаю я ее, — не будем напрасно тратить время, и не торопитесь составлять на нас служебные характеристики. И вообще, поймите, что по этому делу нам известно несколько больше, чем вы предполагаете, и если я пришел сюда, то не ради того, чтобы что-то узнать от вас, а для того, чтобы вы подтвердили то, что нам хорошо известно.

Я закуриваю, чтобы дать ей время перемолоть под своей прической сказанное, и развиваю свою мысль:

— Если бы ваш почтовый ящик был использован один-два раза, то ответ «ничего не знаю» можно было бы как-то понять. Но все дело в том, что ваш ящик использовался многократно, в течение долгого времени, и не найдется наивного человека, который бы поверил, что за все это время вы ни разу не наткнулись, пусть даже случайно, на один из этих материалов, а вы, оказывается, ни сном ни духом. С другой стороны, следует добавить, что не найдется наивного человека, который бы использовал для секретных целей чужой почтовый ящик без ведома его хозяина, потому что это не только опасно, но просто глупо.

Женщина молчит, уставившись глазами на носок своей изящной туфельки, — признак того, что мыслительная деятельность под прической продолжается.

— Но мне даже в голову не приходило, что это могут быть секретные материалы... — изрекает наконец она вполголоса с некоторым оттенком раскаяния.

— Вот! Это второй ответ, не являющийся для меня неожиданностью, — констатирую я. — Но прежде чем я выскажу свое мнение о нем — а у нас с вами все же наблюдается некоторый прогресс, — позвольте вас спросить: что же это были за материалы, по вашему мнению, раз вы не подозревали об их секретности?

— Хм, любовные письма!

В этом доме любовные дела, судя по всему, не утратили своего значения.

— Любовные письма от кого и кому?

— Понятия не имею.

— Вы что, решили вернуться к началу?

— Я вам говорю вполне откровенно: не знаю. Была у меня одна клиентка, замужняя женщина, затеявшая какую-то авантюру на стороне, так вот однажды она попросила меня разрешить ей пользоваться моим почтовым ящиком для связи со своим дружкой... Потом этой аванюре пришел конец... Но как-то раз клиентка снова обращается ко мне с той же просьбой, только уже имея в виду не себя, а свою знакомую. Словом, с той поры, если случалось что-то находить в ящике, адресованное не мне, я оставляла его там и, конечно, нисколько не удивлялась, если оставленное со временем исчезало.

«Мыслительная деятельность под прической закончилась явно не в мою пользу», — устанавливаю в уме. А вслух произношу:

— Как зовут вашу знакомую?

— Иорданка Бисерова... Данче...

— Адрес?

— Кладбище. Она умерла.

Да. Ее мозг явно срабатывает мне во вред.

— Вам была дана возможность подумать, — тихо отмечаю я, — но, как видно, этого времени оказалось недостаточно, и, вероятно, придется отвести вас в более спокойное место и предоставить вам больше времени - сколько вам понадобится для того, чтобы вы смогли уразуметь, что, обманывая органы власти, вы только усугубляете свою вину.

Она молчит, и мотор под прической, напоминающей Дворец в стиле барокко, снова заработал на максимальных оборотах.

— Не забывайте, — говорю, — что нам уже все известно и что ваши признания могут принести пользу не столько нам, сколько вам.

— Тогда зачем вы меня спрашиваете? — тихо, хотя и с некоторым вызовом, говорит она.

— Ага, вы хотите, чтобы мы вас ни о чем не спрашивали? Вы хотели бы делать все, что вам заблагорассудится, а мы должны смотреть на это сквозь пальцы и не задавать вам вопросов? Или вам было бы угодно, чтобы мы перед вами расшаркивались: «Нам стало известно то-то и то-то и у нас нет недостатка в доказательствах, и все же не будете ли столь любезны дать свои подтверждения?»

Я гашу окурочек в массивной пепельнице розового венецианского хрусталя. Хрусталь с острова Мурано. Старая история... Времен Любо...

— Впрочем, если вы не в состоянии дать себе отчет в том, что происходит, я готов кое-что подсказать вам. К примеру, напомнить про одно имя... Я имею в виду не Данче, прости ее Господи, а, скажем, Жюля Берте-на... Жюль Бертен, вы хорошо слышите?..

— Но я понятия не имела о характере этих материалов! — мученически изрекает хозяйка.

— Сейчас я спрашиваю вас не о характере, а об источнике!

— Но зачем меня спрашивать, если вы и без того все знаете!.. Верно: Бертен попросил оказать услугу. Я бывала у них дома, делала его жене прически... Мы постепенно сблизились, и... однажды он попросил оказать ему эту услугу.--

— Переправлять его любовные письма?

— «Личные письма» — так он их назвал... Чисто интимного характера...

— А что вы получили за свою услугу?

— А, давал мне там кое-что... По мелочам...

— Но ведь Бертен давным-давно уехал, а ваш ящик продолжает служить...

— Да вот перед самым отъездом он доверительно сказал мне, что, в сущности, ящиком пользовался не он, а какой-то его друг, который хотел бы пользоваться им и в будущем.

— А как же с вознаграждением?

— А, находила время от времени кое-что — опять же в ящике... Мелочь какую-то...

— И вы не имеете представления, кто он такой, этот приятель Бертена?

— Поверьте, я действительно не имею представления!

Не знаю почему, но на сей раз я склонен ей верить.

— У меня создается впечатление, что вы слишком полагаетесь на свою неосведомленность, — говорю я. — Однако все ваши ссылки на неосведомленность ни в коей мере не уменьшают вашу ответственность. Вы сознательно за соответствующую плату стали орудием подданного другой страны, точнее, западного шпиона, способствовали его шпионской деятельности и продолжаете оказывать такое же содействие другим шпионам, вплоть до сегодняшнего дня.

— Но я понятия не имею... Я...

— Как вы не поймете, что ваше «понятия не имею» в данном случае пустой звук. Вы совершили тяжкое преступление, за что враг вам заплатил. Теперь настало время вам расплачиваться. И если они действительно давали вам по мелочам, то должен вас заверить, что мы мелочиться не станем.

Она сидит словно в оцепенении и, судя по всему, только сейчас начинает сознавать, как глубоко ее засосало болото.

— Вы запрячете меня в тюрьму?

— А вы что думали? Оштрафуем на два лева?

— И сколько же мне сидеть?

— Я полагаю, немало. Но это суду решать, не мне.

Я молча закуриваю, чтобы она могла немного собраться с мыслями.

— Зря вы смотрите на меня таким убийственным взглядом, — говорю ей. — Вы сами себе обеспечили тюрьму. Нам остается только снабдить вас транспортом. Что касается меня, то я даже готов в какой-то мере облегчить вашу участь, но при двух условиях.

— Говорите же! — отзывается она раньше, чем можно было ожидать.

— Во-первых, если вы запомните эти слова «в какой-то мере», потому что я не чудотворец и не люблю давать невыполнимых обещаний. Во-вторых, если вы поможете мне обнаружить человека, который пользуется вашим почтовым ящиком.

— Но как вам помочь? Как?

— Погодите! Спокойно! Ящик использовался двояко: одни время от времени приходили к нему что-то взять или положить, а другой доставлял соответствующие директивы и уносил то, что приносили другие. Следовательно, этот другой имел дело с ящиком значительно чаще. Постороннему пользоваться этим ящиком рискованно, а еще более рискованно пользоваться им часто. И потом, Бертен остановил свой выбор именно на вас, по-видимому, не случайно. Скорее всего, выбор пал на вас именно потому, что в этом же доме проживает человек, который может запросто пользоваться вашим почтовым ящиком.

— Но зачем ему пользоваться моим, когда у него есть свой? — спрашивает Касабова с некоторой долей логики.

— Из опасения, как бы кто-нибудь не проверил его ящик, или просто выдает ваш ящик за общий. Поэтому подумайте хорошенько и скажите мне, кто из жильцов вашего дома способен пойти на такое дело.

— Не вижу таких, — отвечает женщина, немного подумав. — Тут живут большей частью люди рассудительные, они не станут играть с огнем.

— А как же вы рискнули?

— Подвели меня...

— Раз подвели вас, с таким же успехом могут подвести и другого. Прикиньте получше. Начните с первого этажа и квартира за квартирой поднимайтесь до самого верха.

— Коко! — восклицает женщина, едва дав мне договорить. -- Если найдется в нашем доме такой, то это именно он, и никто другой.

— Никто другой?

— Никто, уверяю вас! Я пятнадцать лет здесь живу...

— А кто он такой, этот Коко?

— Ничтожество. Повеса. Квартира досталась ему от матери, так он, представьте себе, продает две комнаты своему двоюродному брату ради того, чтобы купить «мерседес»! Есть у него голова на плечах? Потом начал тайком развозить пассажиров с вокзала, зарабатывать деньги, только его накрыли два-три раза, и пришлось ему отказаться от этого дела. Кончилось тем, что он продал свой «мерседес», а деньги пропил со своими друзьями. А теперь нанялся в таксисты.

— А не могли бы вы сказать, какую жизнь он ведет, чем занимается?

Минут пять спустя я уже сожалею, что задал необдуманный вопрос. Я наверняка не стал бы его задавать, вспомни вовремя, что имею дело с парикмахершей. Касабова изрыгает такой мощный поток всевозможных сведений, что я уже чувствую себя утопленником, попавшим в водоворот нескончаемых сплетен о ночных попойках, азартных играх, о связях то с той, то с другой, которая потом таскалась с тем-то, вы, должно быть, слышали о нем, он в прошлом году попал в катастрофу возле Панчерева, даже газеты писали, но вышел сухим из воды, потому что у женщины, которую он сшиб, оказалось только два сломанных ребра, ему, конечно, пришлось платить, но что толку от его денег, когда тебе переломают ребра, и так далее, и так далее...

— Вы о ком, о Коко?.. — время от времени спрашиваю я, чтоб как-то всплыть на поверхность.

На что неизменно следует ответ:

— Нет, о его дружке, но не об этом, про которого я только что говорила, а о другом. А что касается Коко, то не бойтесь, вы и о нем сейчас узнаете. Только этот Сте-фо, вы себе представить не можете, что это за проходимец, ввязался в драку с Коко из-за Лены, а у Лены губа не дура, ведь ему дядя слал доллары, а доллары он менял на сертификаты, потом выменивал левы по четыре за доллар, и деньжищ у него была целая прорва, только потом дядя перестал слать ему доллары, и, как только закрылась кормушка, все пошло прахом, и Лена ему говорит: «Чао, бамбино», а сама снова норовит вернуться к Коко, да не тут-то было, осталась она с носом, потому что, должна вам сказать, Коко не из тех, что сидят и ждут сложа руки, нет, он уже снюхался с этой, с Жаннет, тоже мне Жаннет, да она самая обыкновенная Иванка, а поди ж ты, хочет, чтобы ее звали Жаннет, ну и, конечно, нигде не работает да отцовские денежки транжирит.

И я снова чувствую, что бурный водоворот захватил меня и уносит в глубину, в пучину этого словесного моря.

— Довольно, хватит! — наконец собрался я с духом. — Надо отдать вам должное, характеристика получилась исчерпывающая, вы обладаете исключительным даром речи. Не знаю только, насколько вы владеете умением молчать.

— Когда это необходимо...

— Необходимо именно теперь. Необходимо нам, а тем более вам. Если вы хотите еще какое-то время .провести здесь, в этой уютной квартире, а не в тюрьме, и если вы по-настоящему желаете, чтобы я исполнил свое обещание, вам просто-напросто следует забыть, что между нами был какой бы то ни было разговор, и вообще забыть, что я к вам приходил.

— Ладно. Забуду.

— Но имейте в виду, — добавляю я, — не вздумайте опустить что-нибудь в почтовый ящик.

— Что именно?

— Вы знаете что: призыв о помощи, сигнал или какой намек. Не считая оперативных работников, никто, кроме вас, не знает об этой истории с почтовым ящиком. Так что, если противник что-либо пронюхает, мы ни на йоту не станем сомневаться, что в предательстве повинны вы. И тогда...

— Нечего мне объяснять, — прерывает меня женщина. — Устою перед соблазном, не стану делать себе харакири.

— Я бы хотел вас видеть, — слышу в трубке голос Бояна.

— Что-то очень важное?

— В данный момент не особенно важное, но может стать важным, — неопределенно говорит он.

— Хорошо. Мы увидимся в семь.

И я даю ему адрес одной служебной квартиры.

Ныне понедельник, и операция на вилле Раева в ночь с субботы на воскресенье прошла нормально, так что мне не ясно, зачем Бояну срочно понадобилось встретиться со мной. Но даже если нет серьезного повода, встретиться с парнем нелишне хотя бы ради того, чтоб как-то поддержать его морально.

Квартира, как было сказано, служебная, обставленная стандартной мебелью двадцатилетней давности, громоздкой, тяжелой, мрачной, внушающей уважение разве что своей уродливостью. Словом, как будто я нахожусь в обычной домашней обстановке, с той лишь разницей, что у меня не такой застоявшийся воздух. Я вытягиваюсь на твердом, как доска, диване, объятый неповторимым чувством холостяцкого уюта, и, вероятно, начинаю дремать, потому что, когда от двери доносится звонок, я машинально поднимаю левую руку, чтобы поднять трубку несуществующего телефона.

Входит Боян, слегка запыхавшийся и немного возбужденный, он бормочет что-то вроде извинений — отнимает, дескать, у меня время.

— Ты убедился, что за тобой следом никто не шел?

Он кивает.

— И надеюсь, не слишком озирался по сторонам...

— Я делал в точности так, как вы советовали.

— Тогда садись и рассказывай, что там в данный момент не особенно важное, но может стать важным.

— Лили, — лаконично отвечает он и плюхается на стул.

— Коньяк будешь пить?

— Спасибо, не могу. Недавно выпил целых две рюмки.

— Значит, Лили? — спрашиваю, наливая себе полрюмки из бутылки, которую принес с собой.

— И что же с ней стряслось, с Лили?

— Как вам сказать? Ходит за мною как тень.

— И чем ты это объясняешь?

— А что тут объяснять... — Он как-то мнется. Потом вдруг выдает: — Она влюблена в меня.

— И как ведет себя? Ходит всюду за тобой по пятам?

— Ну, до этого еще не дошло. Но позавчера, в субботу, как раз когда я сидел с Анной в «Софии», Лили тоже пришла туда и села за соседний столик. Она никогда не бывала в «Софии», но когда те стали ее подначивать, что я будто бы днюю и ночью в «Софии», она не

долго думая и приперлась туда, уселась в трех шагах от нас и сидела до тех пор, пока мы не ушли.

— Сидела тихо, спокойно?

— Да, тихо и спокойно, но бросала в нашу сторону такие взгляды, что все было ясно как день. Я вертелся, делая вид, будто у меня насморк, только Анну не проведешь, настроение у нее испортилось, а когда мы вышли, начался, как водится, скандал, и я с трудом успокоил ее. А вчера Лили опять принесло, опять она села у нас под носом. И сегодня тоже, только в этот раз не нашлось свободного места, поэтому она ходила туда-сюда

мимо нас, все время глаза в нашу сторону. И конечно, новый скандал с Анной. Если так будет продолжаться, то может дойти до полного разрыва, и тогда уже дорога на виллу будет для меня закрыта.

— Да, это для нас не очень хорошо, да и для тебя, вероятно.

— О, если вы имеете в виду Анну, то, мне кажется, немного преувеличиваете. Верно, она более чистая, не такая, как те, наши, я хочу сказать, в ней больше детского, но она до того избалованная, капризная, что эти ее капризы у меня вот тут сидят.

— Тебе придется самому как-то это уладить, иначе осложнений не миновать, — говорю я. — Нашла коса на камень. Все же Лили твоя приятельница, правда?

— И да и нет, — уклончиво отвечает парень.

Он достает отощавшую коробку сигарет и закуривает.

— Дело в том, что дружбу все понимают по-разному. И чем я виноват, что она ее понимает так, как ей хочется. Я не бегал за нею, не канючил, не давал никаких обещаний, она сама пришла. — Боян замолкает и косится в мою сторону. Потом продолжает: — Но это вопросы чисто личные, как вы сказали, и я слишком много болтаю -- наверное, после выпитого — и, может, вам надоел уже...

— Совсе нет. Просто мне бы не хотелось, чтобы ты подумал, будто я заглядываю в твои тайны.

— Тайны! — Боян небрежно машет рукой и выпускает густую струю дыма. -- Мура это, какие тут тайны, сущий вздор. Все это тянется еще с выпускного бала... Я имею в виду себя, потому что у Лили неурядицы начались еще раньше. Впрочем, вы, наверное, знакомились с ее делом.

— Скажешь такое. «С её делом»!.. — бормочу я. — Если на таких, как вы, начнем заводить дела... Видел там какую-то справку, где перечислены все имеющие отношение к вашей шайке.

— Она, если разобраться, несчастное существо.

«Вроде твоей матери», — мелькнуло у меня в голове.

— Раньше, я хочу сказать, до этого выпускного бала, я ее знал очень мало, просто жили по соседству. Идет она, бывало, по улице, а мальчишки ширяют друг друга под ребро и перешептываются: «Вот это баба», вкладывая в это и. переносный и буквальный смысл, потому что, если вы ее видели, она девка дородная. Жила она с отцом, мать ее умерла — с горя, как говорила Лили, — поскольку отец не мог простить ей, что родила ему дочку. Бывают еще такие типы, знаете, вот и отец ее был из таких, и мало того, что этот папаша превратил Лили в служанку, так еще со свету ее сживал за слабые отметки, а могла ли она хорошо

подготовить уроки, когда без конца занималась стиркой и уборкой? Все ничего, но, когда Лили подросла, он стал держать ее под замком — в школу, в магазин, и ни шагу больше. Но вся штука в том, что он работал в какой-то там администрации или экспедиции в газете и ему часто приходилось разъезжать. В таких случаях он доверял дочку соседке, ну а соседка, понятное дело, не станет ходить за нею следом, и вот однажды заварилась каша... — Замолчав, Боян бросает взгляд на почти полную бутылку и спрашивает: — Можно все-таки немножко коньяку? Самую малость, один глоток.

— Разумеется, я же предлагал тебе, — говорю в ответ и наливаю ему полрюмки.

Он и в самом деле отпивает очень немного и возвращается к своей истории:

— У них была крохотная комнатенка в мансарде, и отец сдавал ее студентам, чтобы получить небольшую прибавку к зарплате. Так вот, студент, живший у них в ту пору, решил поразвлечься с Лили разок-другой, пользуясь тем, что отца нет дома, а девчонка возьми да и забеременей. Когда Лили поняла, что случилось, и сказала об этом студенту, тот начал изворачиваться: дескать, это ты не от меня, хотя до него она ни с кем не водилась. Студент до того струсил, что однажды ночью исчез и больше не появлялся. Подружки посоветовали ей идти в больницу, поскольку она несовершеннолетняя, и Лили пошла. Все было бы шито-крыто, но у кого-то из больницы хватило ума передать о случившемся отцу, после чего тот прибежал домой страшнее дикого зверя. Как раз в это время соседка-портниха шила для Лили бальное платье и пришла сделать примерку. Этот тип набросился на Лили и давай ее бить, и мутузить, и рвать это платье. Лили, конечно, бросилась бежать, а он ей вдогонку и орет на лестнице: «Вон, подлюга, из моего дома, и чтобы ноги твоей тут больше не было, мерзавка проклятая!» — и прочее в этом духе.

Боян раздавливает в пепельнице окурок и снова глядит мне в лицо.

— Мне продолжать?

— Что за вопрос? -- говорю. — Начатый разговор доводят до конца или вообще его не заводят.

— А, ну ладно... Мне просто не хочется вам надоедать. Надо сказать, что обо всем этом я узнал уже потом, от Лили, а в тот самый день, когда был назначен выпускной бал, прибегает ко мне Роза, такая худенькая, вы, наверное, знаете ее, и говорит: «Ты согласен сегодня быть кавалером Лили? Она, бедняжка, такая несчастная. Мы собрали денег, — говорит, — и купили для нее платье, не Бог весть что, но все-таки новое, и сговорились привести ее на бал, ведь она в таком состоянии, что от нее всего можно ждать, так что, если ты согласен быть ее кавалером...» — «А почему бы и нет, — отвечаю. — Если, по-твоему, это будет для нее каким-то утешением». И по моей просьбе ей сообщили, что вечером я буду ждать ее в саду, против военного клуба. Когда я пришел туда, она была уже там, в своей обновке, в простеньком платьице в зеленую клетку, а главное, очень узком для нее: в этом платье Лили мне казалась толстой, как никогда, и мне стало не по себе, когда я подумал, как заявляюсь на бал с такой девушкой, какая там девушка, с такой женщиной, но, так как я и сам не мог казаться таким уж привлекательным в своем костюмчике, купленном в магазине готовой одежды, мне подумалось, что мы с Лили одного поля ягода, и я повел ее к ресторану.

Еще раз пригубив коньяк, Боян извлекает новую сигарету из мятой коробки и, закурив, продолжает:

— Веду я ее к ресторану, а она возьми и спроси: «Я не очень страшная в этом жабьем платье?» — «Почему в жабьем, — говорю, — обычное платье». А она мне: «Будь у меня немножко больше денег, я бы взяла другое, попримечнее, оно хотя бы не стягивало меня до такой степени, того и гляди, разоидется по швам». — «Будь у меня больше денег, — говорю ей, — мы бы с тобой подкатили к ресторану в красном «ягуаре» на зависть всем зевакам, да и

те, что приехали на «фиатах», пускай бы лопнули от досады». Но поскольку приличного платья не было, а о «ягуаре» и говорить нечего, мы протиснулись сторонкой . сквозь толпу и, войдя незамеченными, забились в самый угол, где уже устроился наш Апостол. Мы кое-как пришли в себя, вечер был так себе. Ночевали у Марго, родителей ее не было, и Лили казалась почти счастливой, а мне, честно говоря, от всего этого запомнились только ее чулки, рваные выше колен, — они тоже ей были тесны... В общем, так это началось...

Он опять смотрит на меня, но в^этот раз не решается спросить: «Вам не надоело?»

— Долгое время отец и слышать не желал о родной дочке. Он был из тех жалких мещан, которые вечно разглагольствуют о приличиях, меньше всего считаясь с ними, но, так как соседи без конца говорили, что ему должно быть стыдно оттого, что он прогнал из дома родную дочь, он наконец снизошел до того, что перетащил в мансардную комнатенку ее вещички и разрешил ей там поселиться, но с условием, что она не станет его беспокоить чем бы то ни было, подразумевая под этим питание и деньги. А так как у Лили не было диплома, выбирать для себя работу она не могла, и тут ей пригодилось то, что она умела стряпать, — девушка устроилась на кухню при какой-то столовой.

— Сейчас она где-нибудь работает?

— Ну конечно, все там же... С семи утра до двух.

— Значит, она не совсем потерянный человек?

Боян глядит на меня озадаченно.

— В каком смысле?

— Известно, в каком смысле...

— А, вы насчет морфия?.. Она им пользовалась не больше двух-трех раз, и то не от хорошей жизни.

— Ты так считаешь?

— Уверяю вас. И с компанией этой шляется только из-за меня. Чтобы приберечь ампулы для меня, она колет себе витамин С. — Лили единственная знает мою тайну.

— Значит, ты ей в какой-то мере обязан...

— Как же, обязан, конечно. Только чем я могу ей отплатить? Любовью? А что делать, если не можешь заставить себя любить? Как-то раз она в шутку сказала, что я приветлив, как некролог. «Тогда зачем же ты водишься со мной?» — спрашиваю я, а она мне в ответ: «Так ведь бывают люди, которым нравится читать некрологи». Должен сказать, что она и сама чем-то напоминает некролог. Она и я — какая парочка, представляете? Два некролога, которые взаимно читают друг друга. Порой она чем-то мила мне, я жалею ее. Но Лили в этом не нуждается, она готова возненавидеть меня за это, ей нужна любовь. Вцепилась в меня, точно так же, как мать, но я должен от нее избавиться, вы понимаете, от матери мне никак не избавиться, поскольку она мне мать и поскольку я не хочу, чтобы ее смерть оставалась на моей совести, но от Лили я должен избавиться, потому что я просто задыхаюсь в объятиях этих двух женщин, с одной стороны истерика, а с другой — меланхолия... — Тут он прерывает свой рассказ и спрашивает: — Вы ее видели, да?

— Кого именно? Истерику или Меланхолию?

— Лили.

— Только один раз. И то мельком.

— И от одного раза может остаться какое-то впечатление. Есть мужчины, которым нравятся такие женщины. Но что я могу поделать, если она мне не нравится! Эта ее полнота и белая кожа, эта дряблая рука с не очень чистым маникюром, и этот кухонный дух и запах женщины... Я ничего такого не говорю, понятно, трудно помыться два раза в день на этом убогом чердаке, и она изо всех сил старается быть чистой и аккуратной, но этот кухонный запах, как будто пропитавший ее насквозь, и этот убогий чердак со стопкой старых книг и кучей старых вещей, нагоняющий тоску, как и она сама, ее пристрастие к черному цвету, к вышедшим из моды любовным романам и к меланхолической музыке...

— Вкус, ничего не поделаешь... — бормочу я, лишь бы заполнить паузу.

— Но все это не так важно, — вдруг замечает Боян. — Она может купаться в одеколоне. Иметь ослепительный маникюр. Купить за тридцатку платье, пестрое, как цветущий сад. Ежедневно причесываться в парикмахерской. И даже спрятать свои кричащие бедра. И все равно я не стану ее любить. Потому что она вечно будет напоминать мне меня самого, напоминать о том, что связано со мной, с моим прошлым, с моей матерью, с этим аптечно-мор-фиевым миром, с моими неудачами, со всем тем, что мне хочется забыть, преодолеть, вытравить из своей памяти, понимаете?

— Думаю, что понимаю. Но не забывай, что и ее кто-то должен понять.

— Ну пускай себе находит такого. Ведь я же вам говорил, что есть мужчины, которые на нее засматривают. Пускай найдет себе подходящего и устраивает свою жизнь. Так нет же, она вбила себе в голову, что для нее самая надежная опора — человек вроде меня, который и сам еле держится на ногах. Или я, по-вашему, должен пожертвовать собой?

— Ничего такого я не говорю. И вообще, подобные вопросы каждый решает самостоятельно. Просто тебе нельзя забывать, что она несчастное существо, как ты сам выразился. Человек, которому никогда и ни в чем не везло.

— Так же как и мне.

— Верно, однако ты близок к тому, чтобы как-то выпутаться, я даже уверен, что ты выпутаешься. А вот ей именно сейчас, может быть, труднее, чем когда-либо. Так что ты бы мог ее пощадить, насколько это возможно.

— Как я могу ее пощадить?

— Вот, например, зачем вам непременно встречаться в «Софии», если ты видишь, что туда приходит Лили, смотрит на вас и злится?

— Она не злится. Она просто сходит с ума.

— Тем более вам надо выбрать другое место. Это целесообразно, если ты хочешь знать, и с профессиональной точки зрения, так как не сегодня-завтра между Анной и Лили может вспыхнуть скандал и обстановка осложнится.

— Ладно. Я постараюсь сменить ресторан. Хотя это не так просто, когда имеешь дело с такой капризной девчонкой, как Анна: «Я привыкла ходить в «Софию»... Тут мне все знакомо... Стану я считаться с этой твоей...» Только имей терпение.

— Понимаю, понимаю, но ты с этим справишься.

— Надеюсь. Мне ужасно неловко, что я отнимаю у вас время этими женскими историями.

— Они в какой-то мере неотделимы от самой операции. Как тут обойтись без дочки, чтобы добраться до бумаг отца... Впрочем, как он тебе нравится, отец?

— Нравится. Серьезный человек, спокойный. А главное — совсем не интересуется нами. Когда мы с ним неожиданно столкнулись в коридоре и Анне пришлось представить меня, он промямлил: «Мы как будто уже виделись». А она: «Папа! Ты виделся с Павлом, а это Боян». А он: «Возможно, возможно, не спорю». Потом кивнул и вышел. Я уверен, будь у Лили такой отец, она бы не стала меланхоличкой.

Мы обмениваемся еще несколькими словами делового порядка, и парень встает. Я тоже встаю, чтобы проводить его, и лишь тогда меня осеняет:

— Чуть было не забыл: ты вчера утром ничего не нашел в ящике?

— Да, действительно/Опять оставили морфий. Он здесь, при мне.

Боян неохотно вынимает два пакетика с ампулами и подает их мне.

«Надеюсь, ты к ним не прикасался?» — так и подмывает меня спросить, но я воздерживаюсь. Не приходится сомневаться, что сейчас, как, вероятно, и в прошлый раз, он хоть что-нибудь да отложил для матери.

— Что ты скажешь относительно этого Коко? — спрашивает Борислав.

— Имя звучит по-детски наивно. Что касается его поведения...

— По-моему, тут дело ясное, — рубит мой приятель, возвращая мне собранные сведения и снимки.

— Ясно для нас с тобой, а вот фактов, их пока что нет в папке.

Содержание папки действительно бедновато. На нескольких снимках Коко либо в такси, либо возле него, на других запечатлены моменты его общения с разными клиентами плюс к этому скупая справка о его действиях начиная с последней субботы. Моя авторучка отмечает следующие места:

«Условия прямого наблюдения на лестнице весьма неблагоприятны, особенно если помнить о мерах крайней предосторожности. Наблюдение может дать результаты лишь при помощи соответствующего оборудования, которое уже подготовлено».

«После того как рано утром в воскресенье в почтовом ящике Касабовой был оставлен материал, в силу указанных причин не удалось установить, забрал его кто-нибудь или нет. Возможно, это произошло лишь в ночь с воскресенья на понедельник».

«В воскресенье Коста Штерев (Коко) был выходной и в течение всего дня, равно как и ночью, не выходил из дому».

«В понедельник Штерев заступил на работу в шесть часов утра — стоянка такси на Русском бульваре. В отдельных справках указано точное время, когда Штерев брал пассажиров, куда следовал, а также отмечены маршруты отдельных рейсов, места назначения и имена опознанных пассажиров».

Словом, подробные, добросовестно собранные сведения, не имеющие, однако, практической пользы, за исключением одного-единственного пассажира, где моя авторучка поработала более основательно:

«В 10.35 Штерев останавливается на бульваре Стамбо-лийского перед агентством

иностранной авиакомпании и сажает в такси директора агентства Стояна Станева. По пути к указанному месту Штерев дважды проехал с зеленым светом мимо граждан, желавших взять такси. Установить, была ли вызвана машина по телефону, не удалось. Штерев отвозит Стайева на улицу Обориште и высаживает возле его дома. В пути между пассажиром и шофером разговоров не было, если не считать обычных реплик, когда пассажир расплачивался».

Если во всей информации есть что-либо, заслуживающее внимания, то именно этот пассаж. Борислав придерживается того же мнения, только выводы его немного поспешные:

— Дважды проезжает мимо голосующих клиентов, чтобы остановиться в каких-нибудь трехстах метрах дальше. Предельно ясно.

— Может, он поехал по вызову.

— Да, но никаких следов этого вызова нет.

— Так бывает очень часто. На этом капитала не наживешь.

— У меня даже эта поездка Станева домой вызывает сомнение. В восемь приходит на работу, а уже через два с половиной часа зачем-то несется домой.

— У любого человека могут возникнуть непредвиденные обстоятельства.

— Ладно, согласен, — вскидывает руку Борислав. — Обличительный материал не бесспорный, но для меня дело ясное.

Действительно, бесспорные улики еще отсутствуют. Но налицо симптомы и догадки. И чтобы их проверить, я вызываю лейтенанта и даю указание взять под наблюдение гражданина Стояна Станева.

В этот момент мне звонит Драганов.

— Это вы замещаете товарища Драганова? — спрашивает Лили, нерешительно входя в комнату.

— Я, заходите...

— Только... не знаю, насколько вы в курсе дела.

— Я в курсе, — говорю. — Пожалуйста.

— Я имела в виду, знакомы ли вам эти... наша компания.

— Знаком я с нею, — в третий раз выражаю подтверждение. — Проходите сюда поближе и садитесь, иначе я вас плохо слышу.

Наконец Лили подходит к письменному столу, опускается на предложенный стул и, положив руки на подол, глядит с тоской на мою дымящуюся сигарету.

— Можете курить, если желаете.

— Благодарю.

Она берет придвинутые к ней сигареты, закуривает и заметно расслабляется. В этот раз она не в той невообразимо короткой юбке, а в ситцевом платье, скорее всего прошлогоднем, потому что от стирки оно уже стало каким-то белесым. Дешевенькое платье с черной отделкой, при виде которой я вспоминаю слова: «Ее пристрастие к черному цвету».

— Что вас сюда привело?

Лили поднимает свои темные глаза, кажущиеся еще более темными на этом белом лице, и неуверенно произносит низким, немного хриплым голосом:

— Хочу вам кое-что сообщить в связи с компанией... в связи с кое-какими намерениями...

— Ясно, понимаю, — киваю я, хотя пока что решительно ничего понять не могу.

— Они собираются свести счеты с Бояном.

— Какие счеты?

— «Какие счеты?» Ну, так обычно говорится... не знаю, может, мне начать с самого начала.

— Да, так будет лучше всего.

— Это случилось на прошлой неделе. Шли мы вчетвером к «Ягоде» — Роза, я, Апостол и Пепо, а Апостол и говорит: «Компания распадается. Фантомаса мы отдали на съедение». — Лили запнулась на мгновение, словно обронила что-то такое, о чем никак не следовало упоминать. Но, так как я и виду не подаю, что до меня дошло, она продолжает: — «Марго, — говорит, — от морфия перешла к любви — самому идиотскому наркотику. Боян и тот врезался по уши».

«Рассказывай эти басенки кому-нибудь другому, — говорит Пепо. — Боян и любовь — глупости все это! Не кому-нибудь, а именно ему вечно не хватало ампул».

«Это ты верно заметил, — соглашается Апостол. — Тут дело нечисто».

«Это для тебя нечисто, — кипятится Пепо. — А ему что, открыл для себя другой источник, и начхать ему на нас».

«Ты так думаешь?» — спрашивает Апостол, которого подогреть нелегко.

«А то как же? Пройдись вечерком мимо «Софии», когда он там — сидит себе довольный, спокойный, так ведет себя только человек, у которого всегда есть доза в кармашке про запас. А мы в это время извиваемся как змеи, на стенку готовы лезть от нервов».

«Ты помнишь, Пепо, как мы давали клятву делить все поровну?» — выходит из себя Апостол.

«Ты эту клятву лучше ему припомни, а не мне», — говорит Пепо.

«Именно это я и сделаю. Я ему припомню. Так припомню, что вовек не забудет».

Это было на прошлой неделе, — повторяет Лили. — И я даже не обратила особого внимания на эти разговоры, потому что наши, особенно эти двое, любят потрепаться. Но с того момента этот разговор повторяется с небольшими изменениями каждый день, и Апостол заводится все больше и больше, а он из тех, что заводятся не так скоро, но если уж заведутся, то способны натворить много всяких бед.

Она гасит сигарету, откидывается на спинку стула и продолжает:

— А вчера в парке от общих разговоров уже перешли к секретным планам.

«Давай поочередно за ним следить, — предлагает Пепо. — Следить неотступно. Один день

— ты, другой день — я. Не может быть, чтобы мы его не сцапали».

«Я из него вытрясу снадобье и превращу его в отбивную котлету!» — грозитя Апостол.

Но хотя Апостол хорохорится больше других, Пепо опаснее его, если хотите знать. Настоящий гангстеренок. За упаковку морфия готов мать родную продать.

— Еще что? — спрашиваю я.

— Разве этого вам мало? Шутка ли: обдумали план, установили за ним слежку, кто может сказать, чем все это кончится?

— Дело серьезное, — признаю я. — А почему бы вам не предупредить Бояна?

— Я хотела это сделать еще в прошлую субботу, но он меня избегает, — отвечает Лили в явном смущении.

— Вы, кажется, были друзьями...

— Были.

— Из-за него, если я не ошибаюсь, вы и в эту компании вошли.

Она чуть заметно кивает.

— Но Боян уже порвал с компанией. Тогда что же вас связывает с этими ребятами — с Пепо, Апостолом?

Лили молчит. И лицо ее тоже ничего не говорит. Белое, немного полное, невыразительное лицо.

— Ответьте же, — настаиваю я. — Это не допрос, а обычный человеческий разговор.

— А' куда мне деваться, по-вашему? — неожиданно поднимает она глаза, чуть повысив тон.

— В этом городе живет миллион душ, моя дорогая.

— Да, но человек не может жить с миллионом душ, ему достаточно нескольких близких людей... если хотите, одного-единственного близкого существа, — отвечает она своим низким хрипловатым голосом.

— Не спорю. Мне только хотелось сказать, какой богатый выбор. И сделать свой выбор вам будет тем легче, чем скорее вы вырветесь из замкнутого круга этих Пепо и Роз.

— И как же я должна делать свой выбор? Выходить на городские улицы, да?

— Как сделали тысячи других женщин. Раз стольким удастся, значит, задача не такая уж трудная.

«Вы женаты?» — могла бы спросить меня Лили, будь она немного сообразительней. Но вместо этого она опускает глаза и тихо произносит:

— Я уже сделала свой выбор.

И сразу возвращает меня на исходную позицию.

— Вы довольны своей работой в столовой? — спрашиваю я, поскольку больше сказать нечего.

— Работа как работа.

— Может, вас что-то другое больше привлекает, мы бы могли вам помочь. У вас есть диплом об окончании гимназии?

— Мне хотелось стать учительницей... или воспитательницей в детском саду. В общем, находиться среди Детей, — признается Лили не без стеснения. Потом в голосе ее снова сказывается апатия: — Но с этой моей биографией... да еще без диплома. Куда уж мне...

— Ваша биография только начинается.

— Но слишком скверно, — с досадой отвечает она.

Мы молчим какое-то время. Затем Лили спрашивает:

— Я могу идти?

— Да, конечно.

— Надеюсь, вы примете меры по тому делу, про которое я вам рассказала? — напоминает она, вставая со стула.

— Можете не беспокоиться. Это же наша работа. И благодарю вас за сведения.

Встав, я провожаю ее до дверей, хотя здесь, в этом кабинете, это не принято. И мне не терпится сказать ей еще что-нибудь, хотя я не знаю, что именно.

ГЛАВА 8

На этот раз мы в другой служебной квартире, хотя не слишком наблюдательный человек мог бы принять ее за прежнюю. Здесь громоздкая, пришедшая в запустение мебель обита сине-зеленым, тогда как в прежней квартире обивка была не помню какая. Пожалуй, тоже сине-зеленая.

— Они уже за тобой следят, ты заметил?

— С самого начала, — отвечает с почти нескрываемым самодовольством Боян. — Оба работают слишком топорно.

— Нам ничего не стоило их сразу обезвредить, только этим мы могли обнаружить свое присутствие.

— Зря беспокоитесь, — замечает парень. — Они не столько действуют, сколько воображают. В наихудшем случае объяснимся кулаками. Знаю я их.

— Пускать в ход кулаки тоже нежелательно. И вообще скандал в любой форме. Лучше всего уметь ускользнуть от них, оставить их с носом, если, конечно, этого требуют обстоятельства.

— Не бойтесь, я их повадки достаточно хорошо усвоил.

Это неплохо, что он обрел некоторую самоуверенность, без нее не обойтись, лишь бы она не выходила за рамки.

— А этот Апостол, мне кажется, опасный тип. Способен, как видно, приходить в раж.

— Он просто фантазер. Ведет себя как полоумный. Пело куда опаснее его. Извращенный малый.

— В каком смысле?

— А в том, что ему наплевать, хорошо это или плохо, абсолютно наплевать! Если ему скажут: походи пырни вон того человека и отними у него деньги, он это сделает глазом не моргнув, лишь бы у него была уверенность, что его не схватят. И сделает не из жестокости, а просто так, потому что он не видит разницы между добром и злом. В свое время, прежде чем погрязнуть в наркомании, знаете, о чем он мечтал?

— Понятия не имею.

— Сбежать на Запад. А почему бы, вы думали?

Боян глядит на меня так, словно ждет ответа, хотя несколько не сомневается, что я и в этом ничего не смыслю.

— Как-то раз я слушаю его разговор с Апостолом. «Надо работать, чтобы быть полезным, — говорит Апостол. — Работай, и все тут. А вот я не желаю работать! Я хочу жить так, как мне заблагорассудится. Жить и не приносить пользы». Пепо: «Так можно жить только на Западе».

— «И там нельзя, — возражает Апостол. — И там надо приносить пользу». — «У них, по крайней мере, гангстером можно стать», — говорит Пепо. «Я не хочу быть гангстером», — отвечает Апостол. «А я хочу. Это как раз то, что мне нужно... Америка — страна неограниченных возможностей. Особенно для гангстера. Есть банки, автоматы, есть подземный мир... страна неограниченных возможностей».

— И давно у него такие мысли?

— А он с детства такой. Одни паскудства вытворял. А как его лупили... Может, поэтому он стал несколько осторожней. Пепо реалист. А тот фантазер. Точь-в-точь как Дон-Кихот и Санчо Панса. И с виду они такие же: Апостол — как жердь, а Пепо — коротышка, но сбитый.

— А ты давно знаешь этого Апостола?

— Да, он жил в доме напротив нас. Потому и знаю его. Мы с ним в одном классе учились.

— И он был такой же, как Пепо?

— Нет. Я бы не сказал. По-моему, он парень неплохой, он скорее...

— «Несчастное существо», — подсказываю я.

— Именно. В начальных классах его считали дурачком, а когда стал расти и вытянулся как жердь, над ним без конца насмехались, а так как язык у него острый, в карман за словом он не лез и никому спуска не давал, то постоянно возникали раздоры. Бывало, не один, так другой ввернет ему: «Каланча безголовая» или «Твой отец был пьян в стельку, когда тебя делал».

Боян посматривает на меня, чтобы убедиться, не наскучило ли мне и не слишком ли он мельчит. Этот парень, который вначале показался мне таким молчаливым и скрытным, в действительности любит поговорить и, судя по всему, достаточно впечатлителен, чтобы стать журналистом, хотя я ничего не понимаю в журналистике и понятия не имею, что для этой профессии главное.

Но так как я продолжаю сидеть с непринужденным видом на обветшалом сине-зеленом диване, молодой человек продолжает свой рассказ:

— Если хотите знать, Апостол был неглуп, но ум его двигался только в одну сторону: он всегда был фантазер, на уроках сидел как неприкаянный, домашние задания готовил через пятое на десятое, и учителя тащили его всеми способами, лишь бы дать ему как-то закончить... Что касается отца, то не знаю, был ли он пьян в стельку, когда его делал, но вполне возможно, потому что его отец, насколько я помню, после работы признавал тодько два занятия: либо шлялся по бакалейным лавкам с сумкой, либо отсиживался в кабаке. Он никогда не напивался, но и трезвым его тоже не видели; мечется, бывало, как муха без головы, и единственной его отрадой между приказами начальства и приказами жены были часы, проведенные в кабаке за рюмкой ракии.

— А мать?

— Она тоже была цветочек не дай Бог. Апостол называл ее отцовской содержанкой, так как она была ему неродная, а главное, он ее терпеть не мог, как, впрочем, и она его. Но если Апостол ростом был баскетболист, то матушка его имела все данные тяжелоатлета, и, когда он своим острым язычком приводил ее в бешенство, а ей удавалось при этом застигнуть пасынка в каком-нибудь углу, она так его дубасила, так лупцевала, что у бедняги кости трещали. С «безголовой мухой» она состояла в законном браке, они были зарегистрированы в райсовете в присутствии свидетелей, со справками, все честь честью, однако это не мешало Апостолу величать ее отцовской содержанкой, а иногда слово «содержанка» он заменял и более крепким словечком, потому что сам он считал этот брак недействительным в силу того, что у него лично никто согласия не спрашивал. Апостол наотрез отказывался признавать в ней родительницу и на ее наставления обычно отвечал наглой усмешкой, а то и грубостью, а она постоянно его колотила. Я все знал об их семейных отношениях, потому что Апостол, как я уже сказал, жил точно напротив, только этажом ниже, и через раскрытое окно мне хорошо было видно, как эта чемпионка по тяжелой атлетике орудовала кулаками, а бедный Апостол, загнанный в угол, отчаянно пытался как-либо прошмыгнуть у нее под мышкой. Он обычно терпеливо выносил эти побои, но однажды мачеха, как видно, все же переборщила и привела его в такую ярость, что он сграбастал своей длинной рукой стоявший невдалеке стул и разбил его в щепки на голове тяжеловеса в юбке. А когда эта громада закачалась, он придержал ее одной рукой, чтоб не упала, а другой как саданул по физиономии! Потом еще и еще. Продолжая бить, он мстил ей за все проигранные раунды, а когда та рухнула на пол, он пинал ее своими длинными ногами, пока не устал. Затем сложил в растрепанный чемодан свои убогие вещи, сунул туда несколько старых книг — тогда он еще читал книги — и ушел из дому. Для него это не было Бог весть какой проблемой — через месяц его должны были взять в армию. А к концу его службы все уже было по-другому, так как чемпионка померла. Не от побоев, конечно, — слишком она была здорова, чтобы пасть от какого-то стула или от жалких пинков долговязого юнца. Скончалась она значительно позже, всего лишь от невинного гриппа. Вы, наверное, знаете, что иной раз мастодонту достаточно подхватить грипп, чтобы отдать концы, тогда как хилому человеку и двустороннее воспаление легких бывает нипочем.

— А Апостол? Насколько я знаю, в казарме он вел себя прилично.

— Возможно. Но вы бы послушали, что сам он мне рассказывал, после того как уволился из армии. «Я шел туда словно на каторгу, Боян. Да будь я на каторге, мне было бы легче все выносить. Но они же бьют на сознательность, на чувство товарищества и все такое прочее... Ужас!.. Сознательность и товарищество, ты понимаешь?» -- «А что в этом особенного?» -- спрашиваю. «Как то есть что особенного? Апостол и сознательность, Апостол и чувство товарищества! Ты соображаешь? Может, не поверишь, но, когда другие маршируют, мне хочется сесть посреди улицы и сидеть, а когда поют, я рот не в состоянии раскрыть, но стоит всем замолчать, как я один готов горланить на всю улицу, орать соло, тебе ясно?» В этом весь Апостол — только бы наперекор, все наперекор, потому что сызмала привык все делать наперекор другим.

— Что верно, то верно, только нельзя сказать, чтобы он держался особняком — целая ватага вокруг него.

— Потому что он воображает, будто он ими верховодит. На деле никто его всерьез не принимает, зато в своих собственных глазах он шеф. Гордится даже тем, что одно его имя уже символично. Апостол!

— У многих людей такое имя, однако они ни на что не претендуют.

— Верно, — соглашается Боян. — А вот ему кажется, что он апостол. «Апостол наркоманов» — так он себя величает. И если последнее время приуныл, то лишь потому, что надеялся на рост компании, а она распадается.

— А были у нее шансы разрастись?

— Я считаю, что никаких. Ребята соседних домов их избегают, мы их избегаем, — словом, полная изоляция.

— Как там мать? — пробую переменить тему.

— Все так же. Просто страшно смотреть на нее. Вы бы видели, как она выглядывает из-за двери, слышав мои шаги, ее косматую голову, это лицо мертвеца, эти жуткие глаза...

— Да-а-а... И чего стоит твое пособничество, то, что ты откладываешь для нее по две-три ампулы из тех, что находишь в почтовом ящике.

Он обнаруживает неловкость во взгляде, потом тихо говорит:

— Вы бы послушали, как она вопит, когда остается без морфия. Вопит и стонет, раздираемая на части.

— Потому-то ее следует послать на лечение.

— Не надо! Это ее окончательно убьет.

— погоди! — останавливаю я его. — До сих пор ты все пытался вынести на своих плечах, потому и погряз в этом болоте. Вообразил, что ты один-единственный на белом свете, и в этом твоя ошибка. Один в поле не воин — запомни это! — Окинув его строгим взглядом, я продолжаю уже другим тоном: -- Мне удалось порасспросить где надо, и, оказывается, ей можно помочь. Никто, конечно, не собирается помещать ее к душевнобольным, она будет находиться в спокойной светлой комнате, поначалу ей морфию лишь немного убавят, потом — еще немного, там, гляди, вместо него станут впрыскивать дистиллированную воду, чтоб потом и ее приберечь.

— Но она... стоит ей услышать...

— Это не твоя забота. Ничего она не услышит, и вообще все должно делаться своим порядком. — Но так как он все еще колеблется, пускаю в ход последнее соображение: — А ты даешь себе отчет, что может случиться, если в один прекрасный день твои друзья вместо морфия подсунут тебе ампулы с чем-нибудь другим?

— Как, вы допускаете...

— Допускаю, почему же нет! Они однажды выкинули такой номер, что им мешает повторить его. Особенно если придут к заключению, что операцию пора кончать, и появится необходимость замести следы. Не могут же они тебя снабжать наркотиками до глубокой старости. А если наркоман лишился морфия, он представляет серьезную опасность. А ведь в

их глазах ты всего лишь наркоман, не так ли?

Прошла неделя. Июнь оказался теплым и солнечным, как предусмотрено календарем, но в это раннее утро еще сохраняется приятная прохлада, и после взбадривающей дозы кофе я выхожу из дому и останавливаюсь на тротуаре в почти отличном настроении.

Из-за угла появляется новенький «Москвич», присланное мне такси, и плавно останавливается у бордюра.

— Куда прикажете? — спрашивает шофер, когда я устроился рядом с ним.

— Куда хотите.

— Как так? — с удивлением смотрит на меня человек.

— Я хочу сказать, что мне все равно, в каком направлении ехать, — уточняю я.

— Зато мне не все равно, — возражает он, продолжая смотреть на меня с недоумением. — Должен же я что-то вписать в маршрутный лист.

— Пишите что вам заблагорассудится. Например, Центральная тюрьма.

— Вы шутите, — бормочет он.

— С такими вещами, как тюрьма, шутки плохи, — назидательно вставляю я. — Именно этого вы и не учли, господин Коко.

У господина Коко, которого я наконец имею удовольствие наблюдать с близкого расстояния, молодость уже на исходе, хотя на его лице еще сохранилась слащавая красота звезд немого кино. Однако под покровом этой почти женской красоты, вероятно, покоится крепкая нервная система. Он и глазом не моргнув при моем многозначительном намеке.

— Таксисту, — тихо говорит он, — случается иметь дело со всяким народом, но с таким образчиком, как вы, я, признаться по правде, сталкиваюсь впервые.

— Верю вам, — киваю я. — Если бы мы с вами встретились несколько раньше, вы бы уже не могли вести свои наблюдения на свободе.

И, резко повернувшись на сиденье, я овладеваю рулем и тихо, но твердо говорю ему в лицо:

— Ладно, не будем зря гонять машину. Мы можем и тут поговорить, тем более что разговор будет короткий: тема, как вы уже, вероятно, догадываетесь, — ваши рейсы от почтового ящика Касабовой до гражданина Стояна Станева.

Таким образом, внезапно придвинувшись к нему вплотную и навалившись на руль, я прямо-таки прижал его к борту.

Однако этот силовой прием не идет ни в какое сравнение с только что услышанной им фразой. Коко пытается что-то сказать, но лишь беззвучно открывает и закрывает рот, как рыба на берегу.

— Я жду, что вы скажете по затронутой теме, — напоминаю ему, не повышая тона. — Только, пожалуйста, не пытайтесь хитрить и изворачиваться и вообще попусту отнимать у меня время, потому что вся ваша курьерская деятельность неопровержимо документирована.

Чтобы дать ему возможность перевести дух, я несколько меняю позу и достаю из кармана фотоснимки, которые получил вчера вместе со справкой о действиях гражданина Косты Штерева.

— Здесь запечатлен момент, когда вы открываете почтовый ящик, — поясняю я, бросая ему фотографию. — А вот тут увековечена ваша встреча со Станевым. Вы регулярно катаете его по понедельникам, не так ли? Сажаете в различных местах и в разное время, но день всегда один и тот же, не так ли? Проезжаете мимо других граждан, желающих взять такси, но его вы не можете не взять, верно? И все потому, что ему нужен секретный материал, да и вам подолгу таскать его в кармане не особенно приятно, не так ли?

Чтобы сэкономить время, а разводить тары-бары мне недосуг, я сам выкладываю ему все это, хотя, по существу, мне следовало бы услышать от него, что и как было. Он слушает меня, тараща глаза, и лицо его до такой степени напряжено, что даже бакенбарды судорожно подергиваются вверх. Наконец его выражение постепенно меняется, а это вселяет надежду, что разговор и в самом деле не окажется затяжным.

— Все это правда, — шевелит он пересохшими губами. — И я не собираюсь ничего отрицать. Мне только непонятно, в чем мое преступление.

— Вам не понятно? А в чем, по-вашему, заключалась ваша курьерская служба? В доставке любовных писем?

— Во всяком случае, личной переписки.

— Для личной переписки у господина Станева имеется личный почтовый ящик. Даже два: один дома, другой на Центральной почте.

— Про тот, что на почте, я впервые слышу. Он мне говорил, что приходят письма, адресованные лично ему, и что он бы не хотел, чтобы о них знала его семья, а так как он мой старый клиент...

— А, вы с ним знакомы как с клиентом. А я полагал, что вы вместе учились в гимназии.

— Верно, мы с ним однокашники, — тут же уступает Коко. -- Но мы долгое время не виделись, жизнь разбросала нас в разные стороны.

— Ничего, теперь она вас снова соберет в одном месте. Догадываетесь где?

— Но я в самом деле не понимаю.

И этот туда же!

— Ну что из того, что не понимаете? Это, по-вашему, вас оправдывает? Должен вас разочаровать: сознательно или нет, но вы совершили тяжкое преступление и ответите за это.

Он смотрит на меня и тут же отводит глаза в сторону, на лице его выражение крайней подавленности.

— При этом должен вам заметить, прикидываться наивным не имеет смысла. Предосторожность, с которой вы действовали, свидетельствует о том, что вы прекрасно знали, на что идете.

— Этого требовал Станев.

— Не сомневаюсь. Но вы не ребенок и хорошо понимаете, что он не стал бы особенно

настаивать на этом, если бы дело касалось невинной личной переписки.

Он снова хочет что-то возразить, но я опережаю его:

— А ваши ночные свидания с дочерью Дечева?

— Какого Дечева?

— Того самого, проводника международного поезда.

Это последнее я сказал наудачу, но, как и следовало ожидать, попал в точку. Коко молчит, а молчание в подобной ситуации — лучший знак согласия.

— Так что давай заводи машину, и поехали!

— Куда? К Центральной?..

— Пока нет. Я готов дать тебе некоторую отсрочку, при условии, если ты проявишь благоразумие. Поезжай к агентству авиакомпании.

— Вы ко мне в связи с отъездом делегации СЭВ? — спрашивает Станев, не проявляя ко мне особого интереса.

Передо мной мужчина могучего сложения, для которого этот маленький кабинет современного типа кажется слишком тесным и хрупким. У меня такое чувство, что стоит ему чуть сильнее приналечь на этот Металлический письменный стол или ненароком опереться спиной о бледно-серую стену, -и все разлетится в пух и прах.

— Я не по поводу СЭВ, а совсем по другому поводу, тоже служебного порядка, — поясняю я, показывая свое удостоверение.

Бросив равнодушный взгляд на документ, Станев делает своей тяжелой рукой легкий жест.

— Располагайтесь...

— Я бы предпочел, чтобы разговор состоялся в моем кабинете, — отвечаю любезностью на любезность. — И по возможности сейчас же. Дело срочное.

— Раз так...

Осторожно вынув из-за стола свое грузное тело, хозяин кабинета снимает с вешалки шляпу. Быть может, эта деталь не по сезону, но Станев, как видно, с ней не расстается — его плешивость приняла поистине катастрофические масштабы.

— Машина у вас есть? — спрашиваю.

— К сожалению, нет. По-моему, нет ничего лучше городского транспорта.

— Целиком разделяю ваше мнение. Я тоже приехал на такси.

Он его засек, это такси, еще не успев прикрыть за собой парадную дверь, однако на его квадратном топорном лице не дрогнул ни один мускул. Мы занимаем места на заднем сиденье, Коко выслушивает адрес, и машина движется при гробовом молчании в салоне.

— Жди меня здесь, — приказываю шоферу, когда мы подъезжаем к зданию соответствующей службы.

Мой спутник делает вид, что не слышал сказанного. Кабинет, в который я его ввожу,

принадлежит не мне, но сейчас он находится в моем распоряжении.

— Располагайтесь... — произношу я, отвечая взаимностью.

Он медленно опускается на стул, предварительно оценив его возможности. Изделие оказалось достаточно выносливым и только жалобно заскрипело.

— Если я не ошибаюсь, мы с вами пользуемся одним и тем же такси, — бросаю я, усаживаясь за стол. — Чего, конечно, нельзя сказать о почтовом ящике Касабовой, где вы полный хозяин.

Станев не отвечает, а лишь безучастно смотрит на меня с некоторой досадой.

— Вообще, вам не кажется, что вы слишком вторглись в ту область, которая обычно является монополией почтовой администрации? Коко, Касабова, проводник Дечев...

Он продолжает сидеть напротив меня, молчаливый и непрístupный своей массивной квадратной тушей. У этого человека все какое-то квадратное и топорное: лоб, широкий подбородок, плечи, эти ручищи и куцые пальцы.

— У меня создается впечатление, что вы меня не слушаете, — добродушно комментирую я.

— Я вас слушаю внимательнейшим образом, — наконец отвечает человек-шкаф. — И готов слушать дальше. Пожалуй, так будет до самого конца: вы будете говорить, а я слушать.

— Вот в этом вы ошибаетесь, — отвечаю я все с тем же добродушием. — Вы еще не стары, хотя, не знаю почему, вас нарекли Старым, но уже в довольно зрелом возрасте, чтобы понять, что заговорить вам все же придется.

— Не допускаю, -- медленно вертит угловатой головой Станев. -- И чтобы зря не досаждают друг другу, могу вам объяснить, почему не допускаю.

— Буду весьма признателен.

— Вы маленько поприжали тех троих, а потом и приободрили их, пообещав смягчить приговор, и это в порядке вещей. Меня прижать не так-то просто, да и посулить мне вы ничего не можете. — Он постукивает по столу своей тяжелой рукой, словно испытывая его на прочность, и добавляет: — Насколько я могу судить по вашим прозрачным намекам, вы собираетесь взвалить на меня тягчайшее обвинение. А за таким обвинением следует и соответствующее наказание. Не стану касаться вопроса, насколько это обвинение обоснованно. Но вполне очевидно, что раз вы с такой одержимостью его поддерживаете, я ничего хорошего от вас не жду. А кто ничего не обещает, тот и сам ничего не получает.

— Вполне логично, -- признаю я. — Только ваша логика применима лишь в торговых сделках. А мы тут сделками не занимаемся. Это во-первых. Во-вторых, ваши рассуждения даже с коммерческой точки зрения не выдерживают критики. Может, мне действительно нечего вам предложить. Однако и вы не в состоянии дать что-либо мне. Потому что все, что вы могли бы мне сообщить, за исключением, может быть, кое-каких мелких подробностей, нам, мало сказать, известно - все это подобающим образом уже доказано, подкреплено документами, запротоколировано и прочее. Следовательно, сделка получается предельно простая: ни вы нам, ни мы вам. Выходит, вы ничего не теряете.

— Как же, теряю, — спокойно возражает Станев. — Придется вычеркнуть месяц-другой из своей жизни. К чему сокращать вам следствие и судебное разбирательство? Человеку всегда хочется прожить немного дольше, хотя бы на один день.

— По-вашему, это жизнь? Жить в ожидании самого тяжкого наказания?..

— Минуточку! — Он лениво поднимает свою квадратную ладонь. — Я очень сомневаюсь, что вам удастся состряпать сколько-нибудь убедительное дело. Те трое могли наболтать вам Бог знает чего, но из их болтовни весомого дела не получится.

— Да, поскольку их показания освещают только одну сторону этой аферы: канал связи. Однако мы располагаем исчерпывающими сведениями и о другой стороне: о характере материалов, переправляемых по этому каналу.

Я вынимаю из ящика пачку снимков и небрежно бросаю Станеву.

— Это копии секретных документов, которые вы получали и передавали Томасу.

Станев даже не берет их в руки, а лишь бегло просматривает, передвигая по столу, но у меня создается впечатление, что его восковое лицо внезапно становится еще более желтым.

— Вы не в состоянии доказать, что именно такие материалы поступали в почтовый ящик Касабовой, а затем передавались мне.

— И тут вы ошибаетесь. И это уже доказано, документировано и запротokolировано на основе подробнейших показаний человека, который снимал все это и фотокопии оставлял у Касабовой. Имеется в виду тот молодой парень, Боян Ангелов.

Настоящий шкаф. Ни один мускул не дрогнул на его лице, только желтизна его переходит в пепельно-серый цвет.

— Когда к этим фактам мы присовокупим и показания товарища Раева, который подтвердит подлинность документов, круг окончательно замкнется.

— Вы хотите сказать, петля у меня на шее, — произносит с мрачным юмором Станев. — И с такими щедрыми обещаниями вы приходите ко мне и ожидаете чего-то от меня?

— Как видите, мы ничего от вас не ждем, кроме кое-каких мелких подробностей, потому что главное у нас уже имеется. А за эти мелкие подробности я готов предложить вам не столь уж мелкую плату: еще на какое-то время оставить вас на свободе, но при условии, что вы воздержитесь от каких бы то ни было безумств.

— Я могу вернуться домой?

— Домой или на службу, словом, живите своей обычной жизнью, включая и подпольную деятельность.

Он раздумывает какое-то время, тихо постукивая по столу своими куцыми пальцами.

— К сальдо можете прибавить и то, — говорю я, ста-Раясь облегчить его раздумья, — что, если вы будете проявлять благоразумие и хорошо себя вести и у меня не будет нужды вырывать из вас показания чуть ли не силой, не исключено, что наказание, которое вас ждет, может оказаться не самым тяжким.

Станев все еще хранит молчание, потом, стукнув ладонью по столу, решительно заявляет:

— Так и быть. Я согласен.

— Итак, господин Томас, — вежливо обращаюсь я, — ваша сеть работает безукоризненно. Ангелов фотографирует секретные документы, хранящиеся в письменном столе Раева, и относит негативы в почтовый ящик Касабовой. Коко переправляет пленки Станеву. Станев отдает их маникюрше вашего помощника Бенета. А Бенет кладет их вам на стол и почтительно козыряет. Только в силу каких-то абсурдных обстоятельств, а точнее, в

соответствии с правилами нашей игры от этой безукоризненной работы получается один только пшик. Потому что и Ангелов, и Касабова, и Коко, и Станев уже работают на нас, а не на вас.

Томас молчит.

— После вашего серьезного провала в Африке вы приехали сюда, господин Томас, с твердым намерением реабилитироваться в глазах вашего начальства. Вам удалось пронюхать, что в руках Раева находятся строго секретные документы, относящиеся к деятельности СЭВ, и вы разработали весьма удачную систему проникновения к этим документам. Ошеломляющая операция, не так ли, господин Томас, она бы сразу возвысила вас в глазах ваших шефов и обеспечила бы вам в дальнейшем блестящую карьеру. Только действовали вы несколько опрометчиво. Вы рассуждали по принципу «пан или пропал». И вот результат — более чем плачевный. Полнейшая катастрофа, конец вашей карьере. А может быть, и хуже.

Томас и в этот раз не отвечает, не отвечает по чисто техническим причинам: в моем кабинете его нет.

Однако у меня есть серьезное намерение как-нибудь встретиться с этим господином, не здесь, конечно, а где-нибудь в другом месте. Так что нелишне подготовиться к беседе с ним. И только я собрался продолжить, как зазвонил телефон.

— Поздравляю тебя с днем рождения! — слышу голос Маргариты.

— Ты меня изумляешь, дорогая! Я сам уже не помню, когда мой день рождения.

— Желаю тебе всего, чего ты сам мог бы себе пожелать.

— Это придется отметить, — говорю. — Если не день рождения, то факт, что кто-то о нем вспомнил.

Так что под вечер мы с Маргаритой обосновываемся на террасе знакомого ресторана, чтобы отметить столь примечательный факт.

— Ты просто ослепительна сегодня.

— Будет тебе шутить.

Если не так уж ослепительна, то, во всяком случае, выглядит она очень хорошо в этом летнем платье благородных осенних тонов, а туфли на высоких каблуках в какой-то степени восстановили ее стройность, которую полнота небезуспешно пытается нарушить.

На сей раз ужин проходит без досадного гарнира в виде горьких воспоминаний, и даже его критическая фаза — десерт — не предвещает опасных поворотов в нашем разговоре.

— Рюмочку коньяку?

Маргарита вертит головой.

— Пойдем лучше погуляем.

Я лично предпочел бы маленькую рюмку коньяку большой прогулке по городским улицам, только не рискнул возразить.

Мы идем по Русскому бульвару. В этот летний субботний вечер он оживлен сверх всякой меры; Маргарита берет меня под руку, и мы движемся в толпе беззаботной молодежи, не совсем молодая пара, однако еще не собирающаяся сдаваться.

— Выходит, тебе сегодня стукнуло сорок четыре года, — произносит дама, угадавшая, как водится, мои мысли.

— Ты не ошиблась.

— Для мужчины это еще не возраст, — успокаивает она меня.

— Дай-то Бог. Во всяком случае, когда я гляжу на эту юность, что вокруг нас...

— Ты испытываешь смутное чувство зависти, — добавляет Маргарита.

— В том-то и дело, что нет. Чувствую себя стариком, но зависти не испытываю.

— Они кажутся тебе слишком пустоголовыми, чтобы им завидовать.

— Нет. Они мне представляются совсем не такими, каким был я, и у меня нет желания быть похожим на них.

— Что ж, когда молодость прошла, остается утешать себя мудростью.

— Опять не то. Я вовсе не мню себя мудрецом.

Она не высказывает возражений, и мы проходим мимо памятника царю-освободителю, чтобы оказаться на аллее, под густыми кронами каштанов, ярко-зеленых и странных в сиянии электрических ламп. Идем рука об руку, но каждый погрузился в свои мысли, и мне трудно сказать, о чем думает она, но мои мысли возвращают меня к годам молодости, когда все мое имущество состояло из костюма полувоенного образца и тяжелого «парабеллума» на поясе, когда жилось так легко, хотя нельзя было с уверенностью сказать, что доживешь до следующей ночи. Мысленно возвращаясь к этой отшумевшей молодости, я силюсь понять, чем же она была так дорога для меня, что я не променял бы ее на молодость этих вот, что движутся вокруг, чем она так хороша, кроме того, что была моей молодостью.

Вот уже и парк. Вход в него до такой степени расширился и благоустроился, что практически перестал существовать. С трудом протиснувшись сквозь оживленную толпу близ озера, мы бредем вдоль аллеи, где сравнительно тихо и сумрачно, лишь тут и там ее озаряет холодное сияние люминесцентов.

— Давай сядем, если хочешь, — предлагаю я, когда мы приближаемся к пустой скамейке.

— Только не здесь. Неужто ты забыл, что вон там, напротив, мы когда-то расстались?

— Ну и что? Расстались ведь не окончательно.

— Окончательно. И ты это прекрасно понимаешь.

«Мы же снова вместе!» — можно бы возразить ей, но

это сразу увело бы разговор в опасном направлении. И мы молча покидаем место, рождающее печальные воспоминания, трогательно воспетое в старых шлягерах, и идем дальше, к аллеям, менее способным вызывать душевные бури.

— Можно тут сесть, — предлагает Маргарита.

Скамейка в самом деле свободная, скорее всего потому, что ярко освещена белым конусом люминесцента. Напротив, в тени, куда оживленнее. Две парочки, по-братски разделив скамейку, пылко обнимаются в разных ее концах. У нас нет намерения обниматься, и мы невозмутимо располагаемся в белом сиянии. Нам не хватает только заключить друг друга в объятия.

— Знаешь, — нарушает молчание Маргарита, — ты оказался прав, когда говорил, что вместо того, чтобы вздыхать по несбывшемуся, лучше думать о том хорошем, что тебя ждет впереди.

— Ты находишь? — недоверчиво спрашиваю я, так как по опыту знаю, что комплимент с ее стороны далеко не всегда комплимент.

— Да. И хорошее пришло.

— В каком виде?

— В виде пятидесятилетнего мужчины, хорошо сохранившегося, достаточно серьезного и с отличным служебным положением. Короче говоря, это мой начальник.

— Я рад за тебя, — неуверенно произношу в ответ. — Вчера он что-то прихворнул и позвонил, чтобы я привезла ему домой какие-то бумаги. Прислал за мной машину, встретил меня у входа в знатном темно-синем халате, ввел в уютный холл и вместо того, чтобы забрать привезенные бумаги, предложил ликер и кофе.

«В сущности, я еще не на смертном одре, — признается он, — и спокойно мог бы сам подъехать в управление, но позволил себе пригласить вас сюда, так как у меня есть желание сказать вам два слова, которые, боюсь, прозвучали бы довольно нелепо в обстановке служебного кабинета».

Я, конечно, сразу смекнула, что это за слова, так как не раз ловила на себе его красноречивые взгляды, но это никак не могло остудить благодное тепло сюрприза. Любовное признание всегда приятнее кофе с ликером, особенно если ты уже достиг определенного возраста.

— Для женщины вроде тебя тридцать три года не возраст.

— Благодарю... Но вернемся к хорошему. Итак, относительно смысла «двух слов» я не ошиблась. Шеф начал с того, что я давно произвела на него впечатление, но он не из тех, которые используют свое служебное положение для личных приобретений, к тому же он всячески воздерживался от более серьезных шагов из-за взрослой дочери, которая живет при нем, хотя он развелся с женой, и которая, вероятно, болезненно восприняла бы его вступление в брак. Но вот только вчера она, его единственная дочь, сама выказала намерение вступить в брак, и это открыло перед ним возможность решать вопрос о его собственном браке. Таким образом, не соглашусь ли я участвовать в этом начинании в качестве его партнера. Вообще слово «брак» повторялось очень часто, а ведь, чего греха таить, оно звучит как самая приятная музыка почти для каждой женщины.

— Тебе лучше знать, — уклончиво бросаю я.

— Я, естественно, ответила, что очень польщена, только это, как и любое другое серьезное начинание, нужно серьезно обдумать, и что в любом случае обдумывание не может не коснуться и такого пустячного факта, как двое моих детей.

«Но ведь о них, насколько мне известно, заботится ваша тетя...» — замечает мой шеф, давая своей фразой понять, что, по существу, с обдумыванием он уже успешно справился сам, опираясь при этом на проверенную информацию.

«Да, но тем не менее они должны жить со мной».

«Это действительно проблема, — признает шеф. — Но, мне кажется, не стоит это дело чрезмерно драматизировать. Наиболее правильно было бы на первое время оставить все так, как было до сих пор. Я похлопочу, чтобы за вами сохранили вашу нынешнюю квартиру,

чтобы ею могли пользоваться ваши тетя и дети, а вы, пока будет найдено радикальное решение, сможете жить и со мной и с ними».

«А как вы считаете, долго может длиться эта двойственная ситуация?» — рискнула я спросить.

«Боюсь, что нет, — засмеялся он. — Я человек привычек, но в конце концов проявляю уступчивость. И вообще, если "мы решим основной вопрос, вопрос брака, я уверен, что мы найдем приемлемое решение и всех прочих вопросов».

Маргарита смотрит в мою сторону и говорит:

— Уступчивый человек, не правда ли?

— Если бы он был уступчивым, едва ли он стал бы разводиться с первой женой.

— Нет. Дело не в этом. Насколько я знаю, его первая жена была красавица с несносным характером.

— Возможно. А чем он еще отличается, кроме уступчивости?

— Я же тебе говорила: хорошо сохранился, серьезный, с отличным служебным положением. К этому можно добавить: воспитан, трудолюбив, я бы сказала, человек, для которого ничего, кроме работы, не существует.

— И как зовут это совершенство?

— Раев.

— Мир тесен! — вздыхаю я. — Не говоря уже о Софии...

— Ты с ним знаком?

— Не лично, только слышал про него. Шутки шутками, но он действительно серьезный человек. Поздравляю!

— Мне думается, что ты слишком торопишься со своими поздравлениями, — тихо говорит Маргарита. — Словом, я вовсе не собираюсь выходить за него замуж. Решила и в этот раз махнуть рукой на «хорошее».

— Почему?

— Да по двум причинам. Во-первых, ничего хорошего я в нем не нахожу.

— Тебе и в самом деле трудно угодить.

— Не такая уж я трудная. Но в данном случае нетрудно предвидеть, чем все это кончится. Серьезный человек, он до того углубился в работу, что не заметил, как прошли годы. А теперь наконец опомнился и возжаждал женщину. Эта жажда, почти болезненная у людей его возраста, сочетается со страхом перед невозвратимостью. Но, как водится, жажда быстро утолится, пройдет, и, придя домой после работы, он будет читать газеты в моем присутствии, или вносить свою лепту в общее молчание, или проверять хозяйственные расходы, или спрашивать меня с мрачной подозрительностью, чем я занималась в течение получаса между посещением парикмахерской и прибытием домой.

— Нет, тебе и в самом деле трудно угодить, — повторяю я. — По всей видимости, твой избранник будет какой-то невозможный человек.

— Вот именно, — кивает Маргарита. — Невозможный человек. Совершенно невозможный. Вроде тебя. -И добавляет: — Нам пора.

Ненавистное сверло продолжает вгрызаться в мою голову. Замрет и снова вгрызается еще глубже в мою несчастную голову. Дотягиваюсь спросонок до телефонной трубки, но слышу лишь длинные гудки. Только после этого соображаю, что звонок идет от двери.

— Что?.. Что там опять?.. — сонно спрашивает лежащая рядом Маргарита.

— Все в порядке, дорогая. Спи спокойно.

— Спокойно?.. С тобой уснешь... — бормочет женщина и переворачивается на другой бок.

Звонок продолжает настаивать на своем, и я быстро натягиваю брюки. Направляясь к двери, бросаю взгляд на часы: семь. Семь утра в воскресенье. Не иначе кто-нибудь из оперативной группы по спешному делу.

Оказывается, это Боян.

— Я же тебя предупреждал, чтобы ты сюда не приходил, — сухо упрекаю парня, давая ему пройти.

— Что делать, так получилось. По пути сюда я был достаточно осторожен, — заверяет взволнованный юноша.

— Тихонько! — шепчу я, когда мы проходим мимо спальни, где лежит женщина, которая чуть было не стала тещей моему гостю.

Наконец мы в кухне, где необязательно говорить шепотом, и Боян патетически восклицает:

— Все пропало! — И валится на стул.

— Хорошо, — говорю я, хотя, вполне очевидно, хорошего мало. — Успокойся и расскажи толком, что случилось.

— Все пропало! — повторяет парень.

— Возможно. Но если даже все пропало, какая-то надежда все-таки есть. — Но, так как он молчит, я добавляю: — А я уже собрался было поздравить тебя с вступлением в брак.

— И с браком теперь покончено, — мрачно сообщает гость.

— С браками так быстро не кончают, — скептически вставляю я. — Теперь давай рассказывай о другом.

— А, и то и другое полетело к чертовой бабушке по той же причине.

— А именно?

— Вчера, как обычно, мы встретились с Анной... И по случаю субботы, как обычно, я решил заночевать у нее -надо же было выполнять задачу. Выходим мы из «Болгарии», и Анна выкидывает очередной фортель:

«Сейчас мы заглянем в «Софию», к моей шайке. Вечером мы едем в Боровец и вернемся только в понедельник утром. Каково?»

«Чудесно, — говорю, — слов нед, но сегодня я не могу, потому что в понедельник у меня экзамен и завтра я весь день должен буду читать».

«Глупости, — взбеленилась Анна. — Раз ты до сих пор не подготовился, то завтрашний день тебя не спасет. Не валяй дурака и не вздумай испортить мне праздник».

«Очень жаль, но я не могу, — говорю. — Если я завтра не сумею поднаверстать, значит, хана».

«Ну и пусть! Мир от этого не перевернется».

«У меня отнимут стипендию».

«Значит, стипендия для тебя важнее всего? — еще больше завелась она. — Важнее нашей дружбы, важнее меня?»

«Вот еще, — говорю. — Сейчас начнем сравнивать хлеб с любовью!»

«Нет, ты просто ищешь предлог! — кричит она. — Небось договорился с той толстухой!»

«Перестань молоть вздор, — говорю. — Будь немножко умнее. Если тебе так захотелось в Боровец, поезжай без меня. А если предпочитаешь вдвоем, подожди, пока я сдам экзамен».

«Куда и как мы поедem вдвоем? — не перестает злиться эта сумасбродка. — В какую-нибудь пастушью хижину? Да еще в переполненном автобусе? Ребята нашли машины, подготовили виллу, и все это ради меня, а теперь, извольте радоваться, я должна в последний момент отказаться из-за того, что ему какая-то блажь пришла в голову!»

«Не отказывайся. Езжай. Меня это нисколько не заденет», — говорю я, еле сдерживая себя, чтобы не дать ей по морде.

«И поеду! Только имей в виду, больше ты меня не увидишь!»

И зашагала по бульвару, но, конечно, небыстро, чтобы я мог ее догнать. А я и не подумал кидаться ей вдогонку. Догадавшись об этом, она совсем замедлила шаги, потом обернулась ко мне и говорит:

«Буду тебя ждать в «Софии» до шести. Если к тому времени не придешь, то больше вообще не приходи никогда!»

И ушла. В этот раз окончательно. Что я мог поделать?

— Хорошо, продолжай, — говорю.

— Вечером к одиннадцати часам я все же проник на виллу, и, сами понимаете, это было не так просто, потому что, вдобавок ко всему, довольно долго Пепо держал меня за хвост, еле вывернулся. На вилле было темно, так что я без особого труда добрался до балкончика и залез в мансарду. Задвинул, как всегда, штору, зажег карманный фонарик и подхожу к столу, но в этот момент вспыхивает свет, не моего фонарика, нет, на потолке, и передо мной стоит Анна. Она вошла так тихо и повернула выключатель настолько неожиданно, что я, признаться, похолодел. Инстинктивно шарахнувшись назад, сталкиваю на пол скульптуру, будь она проклята, гипсовый бюст Сократа или кого другого, который пылился на этажерке. Бюст загремел на пол, но, к счастью, не разбился, а Анна шепчет мне в бешенстве:

«Разбудишь отца! Хоть его пощади!»

«Я думал, ты уехала», — говорю ей, как будто между нами ничего не случилось.

«А я думала, что ты готовишься к экзаменам, — парирует она. — Настолько, я вижу, печешься о своем хлебе, что уже начал шарить по чужим домам».

Проглотив и эту пилюлю, я только спросил:

«Как мне теперь уйти? По лестнице или через окно?»

«Как пришел, так и уходи, — бросает она в ответ. — Лестница у нас для порядочных людей!»

И хлопнула дверь. Возвратившись в город, я пошел, как всегда, по улице Евлоги Георгиева, отпер почтовый ящик Касабовой, положил в него ту кассету, что вы мне дали, и нашел там новую упаковку. Направляюсь домой. Едва повернув за угол, вижу, бредет мне навстречу Пепо. Он, как вы уже слышали, не дурак. Дав маху один раз, решил, видимо, что самое верное — подкараулить меня возле моего дома, и не ошибся. Застигнутый врасплох с пакетом в руках, я кинулся наутек, он за мной, и мне пришлось, улепетывая, обогнуть весь квартал, чтобы оторваться от него и юркнуть в подъезд. Мне это удалось только благодаря тому, что в этот день за мною шпионил Пепо, а будь на его месте длинноногий Апостол, мне бы от него ни за что не уйти. — Боян замолкает и, виновато поглядев на меня, опускает глаза. — В общем, все пропало.

— Не вижу во всем этом особой трагедии, — вставляю я. — Хотя ты, конечно, попал впросак. Теперь многое будет зависеть от того, как поведет себя твоя Анна.

— Она, конечно, все выболтает отцу, эта папенькина дочка.

— Не думаю. Ведь это ее слова: «Хоть отца пощади». Раз она от тебя этого требует, значит, уж сама наверняка будет его щадить. Кроме того, не исключено, что она так и не поняла, зачем ты забрался на мансарду.

— По-вашему, она заподозрила во мне простого воришку? — изумляется Боян. — Не рассчитывайте на это. Готов удавиться, что она это брякнула, чтобы меня оскорбить.

— Возможно. Во всяком случае, до тех пор, пока она не рассказала кому-нибудь об этой истории, можно особенно не волноваться.

— Вы настоящий оптимист. Я вам завидую, — произносит парень с некоторым облегчением.

— Никогда не считал себя оптимистом и тем более пессимистом. Я только стараюсь трезво оцеливать обстановку, что и тебе советую. Если ты способен трезво оценивать вещи и находить верное решение, то почти во всех случаях приходишь к выводу, что положение не безвыходное. Не во всех, но почти во всех случаях. А это не так мало.

— И мой отец был того же мнения? — неожиданно спрашивает Боян.

— Да, я этому у твоего отца научился, мой мальчик. Как и многому другому.

— Вы были вместе, когда его ранили в ногу?

— Вместе, как всегда.

— Где это случилось, на границе?

— Там где-то. Горстка бандитов, изрядно напакостив в тех краях, норвила убраться восвояси. Только мы их окружили, и они залегли в небольшой впадине на холме. Мы втроем: твой отец, Стефан и я — перекрывали им отход по одну сторону холма. Единственным нашим укрытием были жалкие акации, а те трое стреляли по нас сверху. Отец уже был серьезно ранен, Стефан тоже, и вообще все складывалось довольно скверно. Тут твой отец и говорит: «Надо как-то перебежать вон до того камня и оттуда швырнуть в их гнездо одну-две лимонки». Он говорил в неопределенном лице, но слова его относились ко мне, потому что

отца твоего к тому времени уже шибануло по ноге, а Стефана до того скверно тюкнула пуля, что его дела и вовсе были плохи. И я перебежал и всадил им туда две гранаты. Меня при этом ранило в руку. К приходу подкрепления все уже кончилось. Стефан так и не доехал до места, а отец твой с той поры малость приволакивал ногу.

Парень молча слушает, но едва ли он в состоянии вообразить картину, какую вижу я перед глазами, произнося одну за другой сухие, бесцветные фразы. Жалкая рожица, невысокие жухлые акации — остаток былых насаждений, которыми люди пытались укрепить склоны холма; по обе стороны от меня лежат эти двое, окровавленные, с бледными потными лицами; поднимающаяся передо мной скалистая спина холма пустынна и страшна под бесцветным знойным небом, сухие выстрелы автоматов, тонкий зловещий свист пуль, и мой собственный хриплый голос где-то внутри меня: «Ну, Эмиль, теперь твой черед, мой мальчик!» — и опять страшный холм, теперь какой-то смутный и призрачный, потому что я уже бегу, согнувшись вдвое, туда, к скалистой вершине, где затаились те.

— Не знаю почему, но я все чаще ловлю себя на том, что думаю об отце, — звучит рядом со мной голос Бояна.

«Думай, — говорю про себя. — Кому-то и о нем стоит думать».

ГЛАВА 9

Солнечный понедельник. А солнце начинает припекать все раньше. Так что одно удовольствие работать в комнате вроде нашей, чье окно всегда в тени и всегда гостеприимно распахнуто для прохлады, струящейся с внутреннего двора и слегка колеблющей штору.

Мы только что вернулись от шефа после очередного оперативного совещания, и я подхожу к окну, чтобы немного подышать свежим воздухом и поглядеть на привычную картину: бетонный двор, выстроившиеся в ряд служебные машины, шоферы, собравшиеся поговорить о том о сем, часовой у подворотни, пять рядов окон противоположного здания, отражающие синеву и белые облака июньского неба. Замкнуто, тихо, изолированно, как в

больнице.

Борислав нервничает, сидя за столом и вертя в руке пустой мундштук, и я уже предвижу его частичную капитуляцию, обычно начинающуюся с возгласа «Дай сигарету!», но тут раздается стук в дверь и входит лейтенант.

— В проходной ждет Ангелов.

— Раз ждет, давай его сюда.

Лейтенант исчезает, и в комнате слышится знакомая

фраза:

— Дай сигарету... прежде чем я испарюсь...

— Испаряться тебе необязательно, — отвечаю я, бросая сигареты.

Несколько позже входит Боян и, догадываясь, чем я его встречу, спешит объясниться:

— Я знаю, мне не следовало приходить, но что я мог поделать, опять дал маху.

— Познакомься с Бориславом, другом твоего отца. И выкладывай, что случилось.

Они обмениваются рукопожатиями, и парень сообщает:

— У меня стащили морфий.

— Кто стащил?

— Апостол.

— Как же он мог, в квартиру залез?

— В этом не было надобности. Утром, перед тем как уйти из дому, я долго соображал, где бы мне спрятать упаковку, чтобы она... -- Боян косится на Борислава, потом глядит на меня и, поймав мой едва заметный кивок, продолжает: — ...чтобы она не попала на глаза матери, потому что она без конца шурует по всему дому. Вы тогда меня предупредили, как бы вместо морфия мне не подбросили чего-нибудь другого, я теперь с ужасом думаю о том, что мог стать причиной смерти собственной матери, и не знаю, может, тут сказалась моя мнительность, но, когда я стал разглядывать последнюю упаковку, мне показалось, что ее уже кто-то распечатывал, а потом снова запечатал, — словом, она мне показалась подозрительной, потому-то я и стал ломать голову над тем, где бы ее ненадежней спрятать... — Возбужденный случившимся, он говорит быстро и, остановившись, чтобы перевести дыхание, продолжает: — ...И тут я вспомнил про почтовый ящик Касабовой. Лучше и не придумашь. Ключ от ящика есть только у меня. Схватив упаковку, я спускаюсь по лестнице, а внизу навстречу мне Апостол. Я даже не успел опомниться. Он тут же увидел упаковку и кричит мне издали:

«Солидная партия? Импортный, да? Вот это вещь...»

«Пошел ты к черту», — говорю в ответ, он как будто и не слышит.

«Целую неделю тебя караулим, предатель паршивый, и выходит, не зря. Надо бы с тобой разделаться. Будь на моем месте Пепо, он бы не стал церемониться, мигом устроил бы тебе кровопускание, но Апостолу неудобно пачкать руки. Положи пакет на ступеньку и проваливай!»

«Это не мой пакет, — говорю. — Не морочь мне голову».

Тут он молча достает тот нож, который с пружиной, нажимает на рычаг, и лезвие выскакивает наружу.

«Делай, что велют, — говорит. — Иначе я познакомлю тебя с этой игрушкой».

«Ты что, рехнулся?» — говорю ему.

А он: «Это тебе так кажется, а я считаю, что ты рехнулся. Разве не знаешь, что за приличную партию Апостол готов променять троих таких вот, как ты».

Тут он стал медленно, шаг за шагом, приближаться ко мне. Чтобы отнять у него нож, я кидаюсь на него, но, сумев увернуться, он ставит мне подножку. Я так и распластался на кафельной мозаике пола. Не дав мне опомниться, Апостол хватает коробку с ампулами — и ходу.

«Балда, это же яд, а не морфий! Яд, ты слышишь, дубина эдакая!» — кричу я ему вслед, а он ни в какую. Апостола этим не прошибешь.

— Хорошо, Боян, примем меры. Еще что скажешь?

— Больше ничего. Об Анне ни слуху ни духу.

В этот момент в дверях снова появляется лейтенант. — Внизу, в проходной, ждет Анна Раева. Просит отвести ее к тому, кто по секретным делам, — докладывает с усмешкой офицер.

— Веди ее сюда. Мы как раз по этим делам, — говорю я. И, обернувшись к Бояну, добавляю: — Не успел ты сказать про нее, а она тут как тут. Ну давай, уходи быстренько. Борислав тебя проводит.

До сих пор я видел эту девушку только на фотографии. Теперь, когда Анна появляется в дверях, я убеждаюсь, что она производит очень приятное впечатление: стройненькая, красивое светлое лицо, красивые светлые глаза; весь ее облик таит что-то детское.

— Подойдите поближе, — обращаюсь я к ней. — Что вы там стоите, как провинившаяся школьница.

Она подходит к столу и кладет пропуск.

— Анна Раева, — читаю вслух. — По какому вопросу?

— Я сама не знаю, по какому, но боюсь, что, может, это шпионаж, — отвечает она, стараясь держаться уверенно.

— В таком случае садитесь и рассказывайте все по порядку.

Анна садится, кладет ногу на ногу, позаботившись о том, чтобы ее красивые ножки были оценены по достоинству. Настоящий ребенок, но уже довольно образованный.-

— Разрешите закурить?

— Если это вам поможет собраться с мыслями...

Я подношу ей сигареты и зажигалку. Она улыбается, чтобы показать, что даже в такой волнующий момент ее зубы не теряют своей прелести.

— Благодарю. Если бы вы знали, как мне дороги те два человека, которых это касается, вам бы стало понятно, какая сумятица в моей голове.

После этого довольно толкового вступления она не менее вразумительно излагает уже знакомые мне события, чтобы я лишний раз убедился, насколько по-разному могут быть освещены одни и те же вещи различными людьми.

— ...Если он действительно залез туда ради денег, я была бы безумно счастлива, каким бы позором ни считалось воровство. Я знаю, Боян живет в нужде, хотя он и виду не подает, что у него один-единственный приличный костюм, что у него тяжело больна мать... Он такой гордый, что скорее украдет, чем согласится принять милостыню... Но я опасаясь, что он туда забрался не ради денег... Он не из тех, чужого не возьмет...

— Зачем же он туда полез, как по-вашему? — спрашиваю я, незаметно бросив взгляд на часы.

— Я же вам сказала: это шпионаж.

— Как то есть шпионаж?

— Очень просто: охота за секретными сведениями! Дело в том, что мой отец все время приносит домой разные секретные бумаги, он их запирает в столе и никого в эту комнату не

пускает.

— А почему вы не рассказали отцу?

— Зачем? Чтобы его хватил удар? Он так дорожит своей работой, что для него больше ничего не существует. Эта загадочная история может его убить. К тому же у меня нет никакой уверенности, что мои подозрения основательны.

— А почему бы вам не расспросить вашего Бояна? Почему бы вам не поговорить с ним спокойно и откровенно? Если он скажет правду — хорошо, а если начнет врать, вы не ребенок, сразу догадаетесь, что он врет.

Явно польщенная тем, что я так высоко ценю ее пронизательность, девушка театрально отводит в сторону свою нежную руку, держащую сигарету, и заявляет:

— Потому что я на него зла. Вчера весь день на него злилась. А сегодня с самого утра ищу его и не могу напасть на след. Даже познакомилась с одной уродиной, с которой он дружил до недавнего времени. Я и раньше знала одну такую, правда, только по виду — Лили, или как там ее зовут. А сегодня утром столкнулась в «Ялте» с другой такой же птицей — с Марго.

— И что же вы от нее узнали?

— Официантка мне сказала, что она из компании Бояна. Я к ней, спрашиваю вполне по-человечески:

«Вы из компании Бояна?»

А она: «С каких пор компания Апостола стала компанией Бояна?»

«Я хочу сказать, что ищу Бояна», — поясняю ей вполне человеческим языком.

А она: «Что ж, ищите себе, я вам не справочное бюро! И вообще, если вы не хотите испариться, то садитесь, нечего торчать у меня над головой».

Я сажусь, не обращая внимания на ее грубость, и снова объясняю ей:

«Я слышала, будто они тут собираются».

А она: «Собирались, было время. Потом, из-за здешней перенаселенности, переехали в «Молочный», а потом и там стало невпроворот, и теперь в «Ягоде» или «Малине», у черта на куличках — ни город, ни село».

Потом стала меня разглядывать, будто манекен, стоящий на витрине, и спрашивает:

«Зачем вам Боян? Снадобье понадобилось, да?»

«А что это такое?» — спрашиваю вполне по-человечески.

«Ясно, — говорит она. — Как только узнаете, о каком снадобье идет речь, вам без него не обойтись. Но вы не робейте. Я буду наведываться в психиатричку, приносить вам сигареты».

Я хотела у нее еще что-то спросить, а она: «Ну-ка брысь, голова разболелась от вас! — говорит. — Я рада, что забыла всю эту шушеру, а вы... Брысь! Вам сказано: «Ягода» или «Малина», а может, еще какие фрукты, где-то там, на городской окраине... А если окажетесь в психиатричке, черкните пару слов. Может, проведаю...»

Прервав свой рассказ, Анна вопросительно смотрит мне в лицо.

— Вы можете себе представить? Настоящая грубиянка. А эта Лили чего стоит! Как подумаю, что Боян с нею водился...

Однако, вспомнив, что она зла на Бояна, Анна выдает новый постскрипtum:

— Впрочем, это меня нисколько не интересует. Пускай делает что хочет.

Я спешу взять слово, пока не последовал новый постскрипtum:

— Вы хорошо сделали, что пришли ко мне. А еще лучше сделаете, если тут же забудете всю эту историю. И никому ни слова!

— Никому ни слова! — подтверждает Анна, вставая и клятвенно выбрасывая вперед руку.

Подписав пропуск, я вручаю его Анне, и она уходит, но, вспомнив о чем-то, снова поворачивается ко мне.

— А как мне быть, если я все же выслежу шпиона?

— Уж прямо шпион... — добродушно возражаю я. -Насколько я знаю, он парень неплохой.

— Неплохой?... Вы с ним знакомы?.. — удивляется Анна.

— Он парень неплохой, уверяю вас. Конечно, если у вас есть личные причины злиться на него, дело ваше.

И я спешу скорее выпроводить ее, пока она не пустилась в расспросы.

А между тем Борислав, у которого неизвестно почему до сих пор киснет Боян, запросил справку о местонахождении шайки наркоманов.

— Были в «Молочном баре», но уже ушли. Я дал указание отыскать их и доложить, — информирует он меня. — В последние дни, как тебе известно, мы ими не занимаемся.

— И без них скучать не приходится, — соглашаюсь я. — Но после сегодняшней истории с этой упаковкой у меня что-то беспокойно на душе. Боюсь, как бы они чего не натворили.

— Ты полагаешь, что и тем уже дали знать?

— Трудно сказать. Чем черт не шутит.

К обеду сообщили, что компания в «Ягоде».

— Направить туда людей Драганова или нам самим подскочить? — советуюсь я с Бориславом.

— К чему эта канитель? Давай возьмем с собой патрульную машину, и поехали.

Так и порешили. Бояна прямо-таки распирало от удовольствия, когда ему сказали, что и он может отправиться с нами в этот рейд.

Когда мы подъехали к «Ягоде», в нашу «Волгу» залезает человек, который вел наблюдение, и информирует:

— Подались на какой-то старой колымаге в сторону Княжева. Минут десять прошло.

Велю шоферу на всех парах мчать в том же направлении и продолжаю выслушивать доклад нашего наблюдателя:

— Они пробыли тут от силы четверть часа. Апостол все ругал Пепо за то, что тот не сумел обеспечить машину, тогда как сам он напал на целый склад снадобья. Тем временем в кафе заходит какая-то девчонка, прежде я ее не видал. Апостол говорит Розе, что это новая зазноба Бояна. «Отняли у него морфий, сейчас и девушку отнимем», — добавляет он. Роза приглашает ее к столу, сказав при этом, что они только что виделись с Бояном. В этот момент у входа появляется Пепо со старым драндулетом, и они начинают рассаживаться в нем. Перед тем как тронуться машине, Роза объясняет Анне, что они едут в Княжево и что там в лесу их ждет Боян. «Нынче такой праздник будет, закачаешься!»

Рассказ то и дело прерывается от воя сирены, которую шофер включает, чтобы обеспечить нам свободный проезд. Мы летим с предельной скоростью, и нам бы уже пора догнать старую колымагу, несмотря на то что она выехала десятью минутами раньше.

— Или их драндулет движется с несвойственной ему скоростью, или они поехали другой дорогой, — бормочет шофер.

— Может быть, нам есть смысл остановиться да порасспросить, ничего, что потеряем минуту-другую, — предлагает Борислав.

Совет запоздалый, но не совсем. Мы останавливаемся при въезде в Княжево, и милиционер, регулирующий Движение, сообщает, что несколько минут назад колымага проследовала дальше. Трогаемся, но теперь сирена почти не помогает, движение настолько затруднено, что порой мы почти останавливаемся.

При выезде из Княжева снова наводим справки.

— Вон там остановилась такая машина, — сообщает милиционер, указывая на чернеющий проселок вдоль реки.

Минуту спустя две наши машины подкатывают вплотную к оставленной колымаге, и мы уже глазеем из кустарника на резвящуюся в сотне метров от нас компанию молодых туристов во главе с долговязым Апостолом.

На беду, Апостол тоже сумел нас разглядеть. Не случайно он так лихорадочно наполняет шприц и, боясь, что у него отнимут драгоценную дозу, быстро и ловко вонзает в руку иглу, даже не засучив рукава. Нас теперь разделяют считанные шаги, и мы отчетливо видим этот патетический жест; видим, как исказилось длинное худое лицо молодого человека, как он опускается на траву и, неудобно подвернув ноги, конвульсивно вздрагивает.

Боян устремляется к Анне, грубым движением выбивает из ее руки шприц и, видимо не в состоянии остановиться, снова замахивается, на сей раз для того, чтобы вlepить ей пощечину.

Роза, Пепо и Лили в полной растерянности, не знают, бежать им или сложить оружие. Все так же не церемонясь, Боян хватает Анну за плечо и тащит ее к шоссе.

Проводив их взглядом, я потерял всего лишь несколько секунд. И эти секунды оказались роковыми. Повернувшись, я вижу, как Лили, осатанело наблюдавшая за Бояном, внезапно повторяет жест Апостола.

На какое-то мгновение она как бы поднялась на цыпочках, стала выше и стройнее, могло показаться, что она жаждет избавиться от мучительных судорог, раздирающих ее тучное тело. Наконец она опускается на колени и зарывается лицом в траву. А где-то позади меня все еще слышится нервное всхлипывание Анны.

— Данные анализа: яд мгновенного действия.

— Опоздай мы еще хотя бы на несколько секунд, и все остальные сыграли бы в ящик, — рассуждает Борислав.

— Если бы мы чуточку поторопились, то, может быть, и эти остались бы живы, — говорю я.

— Пожалуй. Но тебе не кажется, что тут налицо некая фатальность? Я имею в виду не этого беднягу, долговязого, а девушку. Это же чистой воды самоубийство. Отними у нее шприц, она тут же бросилась бы под трамвай.

— Да-а-а!.. — отвечаю ничего не значащим восклицанием. — Родителям сообщили?

— Отцу Апостола дали знать, а отец Лили в командировке, — поясняет лейтенант. — Послали «молнию». Трупы нам больше не нужны. Похороны завтра утром.

— Ладно, — киваю. — Ты свободен.

Лейтенант удалился, и Борислав обращается ко мне:

— Неужели этот Томас выйдет сухим из воды и не получит по заслугам? Это же надо, так губить людей... Не говоря уже об остальном...

— Надеюсь, ему так или иначе не уйти от расплаты. А пока нам предстоит закончить нашу последнюю миссию, самую деликатную.

Раев. Еще один человек, которого я до сих пор знаю только по фотографии. Он весьма строен и хорошо сохранился, у него интеллигентное лицо. Сосредоточенность, тронутые сединой волосы, очки в массивной темной оправе делают его похожим на ученого.

Он встречает меня у входа, подает мне худую энергичную руку и ведет в холл.

— Впрочем, если желательно, чтобы мы поговорили наедине, то нам лучше подняться в мой кабинет. Там не слишком уютно, зато никто нас не станет беспокоить.

— Хорошо, пойдем в кабинет.

И вот мы в мансарде. Эту комнату я тоже знаю только по снимку. В нишах, образованных стропилами, стеллажи с книгами. Небольшой письменный стол тоже завален книгами. За ним этажерка, и она пол-ным-полна книг, а венчает ее бюст Сократа, совершенно целехонький, если не считать небольшой ссадины на носу.

Стеклянная дверь ведет на балкончик, с которого я окидываю взглядом сад и обнаруживаю внизу двух молодых людей, гораздо более знакомых мне, чем Раев, — Анну и Бояна. Они о чем-то беседуют, хотя их беседу едва ли можно назвать дружеской, потому что чуть ли не каждое свое слово Боян подчеркивает коротким сердитым жестом, Анна же повернулась к нему спиной и слушает с хмурым видом.

Хозяин устраивается за письменным столом, а я сажусь на стул у приоткрытого окна.

— Тут можно курить? — спрашиваю я, проникшись уважением к этому миру книг.

— Разумеется. Но сам я не курю, — отвечает Раев и ставит на край стола жалкое подобие пепельницы.

Пока я закуриваю, Раев незаметно бросает взгляд на свои наручные часы.

— Половина шестого, — услужливо объявляю ему. — Надеюсь, я не отниму у вас много времени.

— Ради Бога, не беспокойтесь. Мне, верно, предстоит одна встреча, но еще не скоро — в семь.

— Я пришел для того, чтобы поставить вас в известность относительно одной операции, которую мы до сих пор держали в секрете. Операция эта уже закончена. Теперь, вероятно, начнутся следствие и судебное разбирательство, которые неизбежно коснутся вашей служебной деятельности.

Тут я без лишних подробностей излагаю ему историю, в которую был вовлечен и он сам.

Выслушав меня внимательно, Раев говорит:

— Я, конечно, полный профан в ваших делах, однако мне кажется, что, если бы меня вовремя предупредили, вам это не стоило бы таких усилий.

— Был такой соблазн, но мы в самом начале воздержались. Малейшая нервозность или паника с вашей стороны вызвали бы у противника тревогу. И потом, мы не видели смысла отвлекать вас от дела после того, как нам удалось устроить так, чтобы вместо подлинных документов они получали фиктивные.

— Может быть, вы правы, — кивает Раев. — Вам лучше знать. В конце концов, раз все закончилось благополучно...

— Жаловаться не приходится. Только успешный исход операции не исключает вашей личной ответственности. Вы проявили невероятное легкомыслие...

— Тем, что приносил домой эти документы? Но послушайте, я это делаю в течение стольких лет, и никогда не было никаких неприятностей; к тому же я это делаю не по легкомыслию, как вы выразились, а, напротив, из чувства ответственности. — Он смотрит на меня сквозь очки без особого дружелюбия и добавляет: — Не знаю, сколько длится ваш рабочий день, что же касается моего, то могу вам сказать без хвастовства, что он продолжается порой до поздней ночи, и что эту дополнительную работу я выполняю добровольно, и делать ее дома я вынужден в силу необходимости.

— Я вовсе не намерен ставить под сомнение ваши деловые качества, — спешу его успокоить. — Вы прослыли исключительно подготовленным и трудолюбивым человеком. Тем не менее ваше легкомыслие налицо.

— Имейте в виду, — возражает Раев, — что эта комната всегда на замке и стол мой тоже заперт.

— Да, вот таким ключом! — прерываю я его и поднимаю вверх небольшой стандартный ключ, оказавшийся у меня в руке. — Его вам любой подмастерье сработает за пять минут. Но дело не только в этом. Вы смотрели сквозь пальцы на то, что происходит в вашем доме и даже в вашем кабинете, где хранили секретные бумаги.

— Не понимаю.

— Позавчера, в ночь с субботы на воскресенье, в этой комнате стоял довольно большой шум и даже вот этот гипсовый бюст с грохотом свалился на пол, а вы не потрудились встать и проверить, что тут происходит, хотя ваша спальня точно под этой комнатой.

Раев пожимает плечами.

— Какой мне смысл проверять то, что мне и так хорошо известно. Дочка моя бесится по ночам со своим дружкой. Я вполне ясно слышал их голоса, так же как вы их сейчас слышите.

Сквозь приоткрытое окно до моего слуха действительно порой доносятся голоса молодых людей. Взглянув на них, я убеждаюсь, что перемирие в саду все еще не наступило.

— Вы сами себе противоречите, — говорю я. — С одной стороны, вы утверждаете, что эта комната всегда на замке, а с другой — получается, что в этой запертой на ключ комнате ваша дочь бесится со своим дружком.

— Наверное, я оставил ключ в дверях. Но помилуйте, если уж я и собственную дочь начну подозревать... Скверно то, что у меня нет времени заняться ею как следует, вот она и творит все, что в голову взбредет. Вероятно, мне придется найти ей вторую мать, коли первой не до нее.

— Мне известны эти ваши намерения, — тихо говорю я.

Раев впервые обнаруживает некоторое удивление:

— Вам и об этом известно?

— Да, — киваю я, — и о многом другом. Но не будем забегать вперед.

Выглянув в окно, я невольно обращаю внимание на то, что теперь Анна отчаянно жестикулирует, а Боян сердито повернулся к ней спиной. Затем, обращаясь к хозяину, продолжаю:

— Даже один этот пустяковый случай с бюстом Сократа уже вызывает определенные сомнения относительно вас. Однако нам нет нужды призывать в свидетели великого Сократа. Мы и без того достаточно хорошо информированы о вашей деятельности. Еще три года назад, во время вашей поездки на Запад, вы были завербованы иностранной разведкой, однако в рискованные дела вас не включали — в их глазах вы были слишком важной птицей, и только с приездом сюда одного честолюбивого дипломата, мистера Томаса, жаждавшего блеснуть любой ценой перед своим начальством, вы были включены в действие. Томас рисковал только вами, а не собой.

Хозяин слушает, стараясь не отводить глаз от моего лица и не выражать какую-либо озабоченность или тревогу.

— Справедливости ради следует признать, что даже Томас с его повадками азартного игрока сумел все организовать так, чтобы обеспечить вам максимальную безопасность. Вы приносите сюда, в этот кабинет, секретные бумаги, а другой в ваше отсутствие снимает их и передает дальше. Таким образом, если даже этот другой потерпит провал, вся ответственность падет на него, а вы выйдете сухим из воды, в худшем случае вам объявят выговор за вашу неосторожность. Верно?

— Нет, не верно, — спокойно возражает Раев. — Но мне не терпится до конца выслушать эту чудовищную гипотезу, которую только и способна породить ваша старая шпиономания.

— Никакой шпиономании нет, есть только факты. Смею вас уверить, что нам совершенно ни к чему искусственно увеличивать число предателей — чем их меньше, тем проще наша задача.

— Хорошо, хорошо, — примирительно кивает хозяин. — Только вот вы упоминаете о фактах, а назвать их не хотите.

— Мне кажется, что после того, как дело зашло так далеко, вам было бы разумнее самому выложить факты.

— Их просто не существует, — заявляет со спокойной Уверенностью Раев. — А что касается

фантастических бредней, то это скорее по вашей части, не по моей.

— Факты есть. И раз вы настаиваете, я могу указать на Некоторые из них. Прежде всего, на протяжении примерно трех месяцев вы под разными предлогами извлекли из сейфов тридцать четыре папки со служебными документами совершенно секретного характера, касающимися особо важных сторон деятельности СЭВ. Из этих тридцати четырех дел, по существу, только восемь имели какое-то отношение к вашей работе в этот период. Зачем же вам понадобилось приносить сюда остальные двадцать шесть папок? Для самообразования?

— Затем, что я обязан быть в курсе всего...

— Затем, что Томасу хочется быть в курсе всего, — поправляю его.

— Это ваше мнение, к тому же ничем не подкрепленное.

— Это не только мое мнение. Вам стоит лишь немного подумать, и вы согласитесь. Неужели вы, ясно представляя себе правила секретности уже в силу самой специфики работы, могли всерьез поверить, что вам позволили бы вынести весь этот секретный материал, если бы мы не решили проверить, что за этим кроется? Если бы вы хоть немного призадумались, вам бы показалась подозрительной* уже та легкость, с которой вы на протяжении трех месяцев получали эти материалы. Но вы были настолько убеждены в непоколебимости своей безупречной репутации, что даже в мыслях не допускали, чтобы кто-то мог вас заподозрить.

— Вашу гипотезу вы развиваете весьма логично, — признает хозяин. — Однако с прежним упорством отказываетесь подкрепить ее фактами. И это вполне объяснимо — никаких фактов у вас нет.

— Факты есть, — повторяю я. — То, о чем сейчас говорилось, и есть факты. Правда, они касаются лишь одной стороны дела. А теперь попробуем взглянуть на другую.

Но, прежде чем обращаться к другой стороне, я пытаюсь установить, что происходит в саду. Ничего особенного. Страсти не унимаются. «Девушка хлебнет горя с этим парнем», — заключаю про себя мимоходом и произношу вслух:

— Как я уже сказал, вы были завербованы три года назад, точнее, в конце мая, а еще точнее, в Женеве, куда вас послали делегатом на международную конференцию. Вас завербовали во время двух ваших встреч с человеком из определенной разведки, причем первую встречу вам устроил Стоян Станев, также находившийся тогда в Женеве по служебным делам.

— Это не факты, — продолжает упорствовать хозяин. — Это легенды.

— Станев подтвердит.

— Станев все способен подтвердить по вашей подсказке, но, к счастью, подтверждение еще не доказательство.

— Вы меня вынуждаете прибегать к тому, что совсем не в моем вкусе: к технике, — с досадой вздыхаю я.

При этих словах я достаю из кармана миниатюрный магнитофон и показываю его Раеву.

— Вместо предисловия: Станев, как вам известно, пользуется у ваших хозяев особым доверием. Трудно сказать, почему его нарекли Старым, но нельзя не согласиться, что это действительно старая лиса. Именно поэтому в отличие от вас он всегда допускал возможность внезапного провала. И рассуждал следующим образом: «Что бы я мог предложить в качестве выкупа на случай, если меня сцапают?» И чтобы как-то попытаться

спасти свою шкуру, он припрятал у себя информацию, которая, как это ни странно, затрагивает и вас лично. Я не склонен думать, что это приданое способно спасти Станева от самого тяжкого наказания, однако вас оно в любом случае не пощадит.

Подбрасывая в руке крохотный магнитофон, я спрашиваю:

— Угодно послушать?

— Почему бы и нет? У меня еще есть время...

— До встречи? Вы все еще верите, что ваша встреча состоится? — бормочу я, включая магнитофон.

И вот в мансарде звучит разговор на хорошем и на не Столь уж хорошем западном языке, и если первый Голос нам совершенно незнаком, то второй определенно принадлежит Раеву. Из множества любопытных реплик можно наудачу процитировать следующее:

Н е з н а к о м е ц: Нам известно, что вы сумели добиться довольно высокого поста... И все-таки этот пост весьма скромнен, если иметь в виду ваши способности... Но на большее вам рассчитывать не приходится... Вы находитесь где-то на середине служебной иерархии, и теперь вам придется буксовать на одном и том же месте до самой пенсии...

Р а е в: Вы правы. Но я с этим уже примирился.

Н е з н а к о м е ц: Потому что у вас не было выбора. А теперь мы вам предлагаем такую возможность.

Р а е в: Выбирать можно, по крайней мере, между двумя вещами. А пока что в наличии имеется только одно: мое положение в Болгарии, где у меня есть квартира с удобствами, хороший пост, высокий оклад, служебная машина, покой...

Н е з н а к о м е ц: Все это так мизерно и стоило вам невероятных усилий. Ваши дни проходят в одной работе, вы, похоже, совершенно забыли, что в жизни есть и удовольствия и развлечения... Вы читаете газеты и знаете, каков приток специалистов в нашу страну. Нас склонны винить, что мы покупаем специалистов. Мы их не покупаем, они сами к нам приходят, потому что у нас они получают огромное жалованье, роскошное жилище, пользуются уважением... А специалисту вашего ранга полагается еще больше...

Р а е в: Вы ждете от меня не только специальных знаний, но и чего-то другого... что сопряжено с большим риском...

Н е з н а к о м е ц: Мы постараемся, чтобы вы ничем не рисковали. В одном из здешних банков будет открыт счет на ваше имя... И когда, справившись со своей задачей, вы придете к нам...»

И так далее, и так далее. Жалкий, омерзительный торг, как будто продается старая машина, а не родина.

— Может быть, по-вашему, и это еще не факты? — спрашиваю я, останавливая аппарат.

— Спорные, — вертит головой Раев. — Очень спорные. Магнитофонная запись, и ничего больше. Еще вопрос, мой ли это голос.

Но последняя реплика произнесена без внутреннего убеждения, и весь вид хозяина служит признаком того, что он готов капитулировать.

— Видите ли, я в достаточной мере разбираюсь в этих вещах и могу сказать, что

выдвигаемое против вас обвинение до такой степени обосновано и документировано, что любой суд без колебаний вынесет приговор, которого вы заслуживаете. И если я сейчас здесь, то вовсе не для того, чтобы вырвать у вас признание, а чтобы решить, как нам быть с вашей дочерью. Как вы считаете, ваш арест очень тяжело на ней отразится?

— Он ее убьет! — восклицает хозяин, сбросив маску безразличия.

— Выходит, вы сами ее морально убьете... после того, как чуть было не убили физически.

— Это уже чудовищно! — кричит Раев.

— Не спорю, только кто в этом виноват? В последнюю неделю вы что-то заподозрили... видно, кто-то дал вам знать. Это еще предстоит установить. Во всяком случае, вы решили, что настало время бить тревогу. И при помощи соответствующей сигнализации уведомили Томаса, вполне отдавая себе отчет в том, какие меры будут предприняты, чтобы замести следы. Самые радикальные меры, чтобы не сказать иначе. В результате этого двое молодых людей уже мертвы, хотя такая же участь могла постигнуть и других. В том числе и вашу дочь...

— Но это же чудовищно!

— Еще бы! Ее спасли какие-то секунды. И вашей лично заслуги в этом нет.

Он молчит как в воду опущенный и, как видно, утратил всякую способность трезво мыслить. Тем не менее я спрашиваю его:

— Ну так как же нам поступить с вашей дочерью?

— Как хотите, — машет он рукой. — Наврите ей чего-нибудь... Пройдет время... Впрочем, я не уверен, чтоб она меня особенно любила... Что она вообще способна так любить...

Выглянув в окно, я устанавливаю, что те двое куда-то исчезли.

— Пойдемте, Раев.

Хозяин встает, снимает очки, вытирает носовым платком стекла и снова надевает их. После чего медленным, усталым шагом направляется к двери.

Внизу нас ждет служебная машина. Мы с ним садимся на заднее сиденье, и машина трогается. Проехав с километр, я неожиданно замечаю Бояна, одиноко шагающего по обочине шоссе.

— Останови, давай посадим пешехода, — говорю шоферу.

Боян не без удивления окидывает взглядом Раева и молча садится на переднее сиденье.

— Не получается, а? — многозначительно спрашиваю его через некоторое время.

— И не получится, — мрачно бросает он.

— Ты мне так и не сказала, чем закончилась эта история с Раевым, — говорю Маргарите во время ужина.

— Как же? Я вполне ясно дала понять, что не собираюсь выходить за него.

— Дала понять?

— Отделалась уклончивым ответом. Он достаточно умен, чтобы не строить иллюзий.

— Умен, нет ли, но он уже не в состоянии строить иллюзий.

— Ты на что намекаешь?

— Твой начальник арестован. И дело весьма серьезное.

— Господи! Везет же мне на таких.

— С одним исключением.

— Как будто я их магнитом притягиваю, — тихо говорит она, не обращая внимания на мои слова.

— Демоническая ты женщина. До такой степени охмураешь своих поклонников, что они кидаются в бездну преступности.

— Довольно издеваться, — защищается Маргарита. Потом снова размышляет вслух:

— Но зачем ему понадобилось жениться, раз он встрял в такое дело?

— Для маскировки, разумеется. Брак внушает доверие. Человек устраивается, значит, не намерен сниматься с якоря. Словом, неплохое прикрытие, если человек собирается наострить лыжи. И кроме того, почему бы не пожить с такой приятной партнершей? Так что ты напрасно опасалась взаимной неприязни. Для этого понадобилось бы время.

— Господи! Везет же мне на таких вот, — повторяет Маргарита. — А что теперь будет с дочкой?

— Уместный вопрос. Одно меня удивляет: почему в первую очередь его задают посторонние, а у самих родителей об этом голова не болит.

— А все-таки: что же будет с дочкой? Ведь она собиралась выходить замуж?

— Не знаю. Еще вчера на это можно было ответить утвердительно. А сегодня не знаю.

Не знаю почему, но в эту ночь в моей голове настоящий хаос. Маргарита давно уснула, я слышу в тишине ее тихое ровное дыхание и не перестаю думать об этих человеческих историях, о Лили и Бонне, о Раеве и его взбалмошной дочке и даже об этой Марго, которая все еще ждет своего Чарли, пропавшего безвозвратно, и об этом долговязом парне, чей труп сейчас покоится в морге. Мысль моя постепенно устремляется к другим людям и в другие места, к давно забытой Жаннет, может быть только сейчас пожаловавшей в какой-нибудь парижский бар с чисто служебной задачей; к Питеру Грооту, вероятно, уже вдрызг пьяному в этот поздний час; к Эдит, с которой больше так и не пришлось свидеться; к Сеймуру и Грейсу, наверняка и теперь продолжающих сожительствовать при всей их взаимной ненависти; к приятельнице Моранди и к Доре Босх; к Лиде и даже к Фурману-младшему, которого я было принял за Фурмана-старшего. И когда я мысленно возвращаюсь к каждому в отдельности, то вроде бы все в порядке вещей, но стоит подумать, что все они существуют одновременно и что в данную минуту каждый из них погрузился в свои привычные занятия здесь, в Софии, в Париже, Амстердаме, Берлине, Копенгагене, Венеции, Нью-Йорке, в моей голове начинается полнейший, хаос. Это невыразимое чувство одновременности, странного хаоса, ощущение близости многоголосого зверинца, этого сумасшедшего дома.

— Да перестань ты ворочаться! — слышится вдруг сонный голос Маргариты. -- Усни наконец:

Я переворачиваюсь на другой бок и говорю себе, что мне и в самом деле пора уснуть.

И совсем открываю глаза.

И конечно же вижу Любо.

Я не хочу сказать, что вижу его в буквальном смысле и что страдаю галлюцинациями, но мне кажется, что я всем своим существом ощущаю его присутствие здесь, в комнате, и слышу его тихий голос:

«А что же будет дальше с моим сыном, братец мой?»

«Дальше пускай сам об этом думает, — бормочу я. — Нельзя всю жизнь оберегать его, как хрупкое яичко».

«Тебе легко так рассуждать, у тебя нет сына», — звучит где-то во мне голос Любо.

«У меня нет сына? Ты мне своего повесил на шею, а еще болтаешь, что у меня нет сына. Твой сын — это мой сын. И давай проваливай, нечего тут рассусоливать».

И Любо исчезает. Он всегда исчезает, получив свое.

— ...Так что с изобличением Раева круг и в самом деле замкнулся, мистер Томас, или, как сказал бы Старый, затянулась петля у вас на шее.

— У него, не у меня, — сухо уточняет Томас.

— Вы так считаете? Так тщательно подготовленная вами операция завершается грандиозным провалом, катастрофой. Катастрофой для всех ее участников, включая и вас.

— Стоит ли так обольщаться? — насмешливо посматривает на меня Томас. — Я ли готовил эту операцию или кто-то другой, это еще неизвестно. Вы не в состоянии доказать ни одного случая моей причастности к этой операции.

— А ваша связь со Старым?

— Я никогда в глаза его не видел.

— Но ведь он поддерживал контакт с вашим Бенетом через маникюршу.

— Я не Бенет.

— А эта загородная встреча там, под деревьями? Точнее говоря, вербовка того молодого человека?

— Мне незнаком тот молодой человек, я не обменялся с ним ни единым словом.

— Зато ваша секретарша Мэри успела обменяться с ним столькими словами.

— Я не Мэри. И, к вашему сведению, она давно отбыла на родину. Точнее, в психиатрическую больницу. Если вы считаете, что я обязан отвечать за поведение душевнобольных...

— Да, да. Я не сомневаюсь, что вы ее пустили в расход. Так же, как пустили в расход столько других людей: Чарли, проводника, Апостола, Лили, не говоря уже об остальных, которые чудом уцелели.

— Поименованные лица мне вообще незнакомы.

— Так ли? А я считаю, что некоторым из них вы лично давали инструкции. Например, Чарли.

— Можете вызвать его в качестве свидетеля.

— Откуда, с того света?

— Его местожительство мне неизвестно.

— А проводник? Вы и с ним не имели дела?

— Вам ничего не мешает и его призвать в свидетели.

— Ладно, — спокойно отвечаю я.

Нажимаю на кнопку звонка, открывается дверь, и в комнату входит проводник. Томас, естественно, делает вид, что это его совершенно не трогает, а затем заявляет, что впервые видит этого человека. И все-таки появление проводника столь неожиданно, что притворство Томасу не вполне удается.

Это, по существу, самый важный результат нашей поездки в Стамбул. Помощник Борислава, воспользовавшись тем, что Чарли находился в наркотическом трансе, сумел заменить пистолетик, заряженный смертоносным ядом, другой такой же игрушкой, содержащей невинный газ. И смерть человека из спального вагона была всего лишь симуляцией. Человек был спасен. Или, выражаясь профессиональным языком, свидетеля удалось сохранить.

Вот те на, он, оказывается, жив и невредим — такого Томас никак не ожидал. Этот свидетель плюс звукозапись или звукозапись вкупе с этим свидетелем составляют чертовски неприятную улику. Мне хочется объяснить это дипломату, в конце концов я делаю знак, чтобы проводник удалился, и продолжаю:

— Так что нечего твердить, будто вы непричастны к этой операции, и делать вид, что катастрофа вас не затрагивает, мистер Томас. Вас она поразила в первую голову, и вполне очевидно, что это катастрофа всей вашей жизни. Потому что, приехав к нам, вы не только ничего сами не достигли, но и свели к нулю то малое, что создали ваши предшественники. Так что для ваших шефов одного вашего увольнения за подобный провал будет недостаточно. Вы конченный человек, мистер Томас. Пусть в переносном смысле, ваше место в морге.

«Пора бы мне уснуть», — внушаю я себе и снова переворачиваюсь на другой бок. Еще рано затевать разговор с этим субъектом. Хотя не исключено, что разговор состоится. И не воображаемый, не спросонок, не в призрачном свете зари, а в реальной обстановке, среди бела дня.

Вторник проходит в доработке материалов.

Опять эта канцелярская работа. Одно утешение, погода как раз для такого дела: из запруженного тучами неба падают тонкие косые струи дождя, а с Витоши повеяло холодом, как будто уже осень.

— Апостола уже похоронили, — докладывает лейтенант. — А отец Лили все еще не приехал, хотя посланы две телеграммы.

— По-видимому, он и не приедет. Пускай завтра утром и ее хоронят.

Дав указание, я снова погружаюсь в бумаги.

— Как же он может не приехать? — поднимает голову Борислав.

— Чему удивляться? Он всегда видел в ней всего лишь мерзавку.

В среду утром пейзаж все тот же. Ветер с Витоши подул сильнее, и дождевые струи хлещут еще более косо, сплошь заштриховывая серое небо.

Просунув мокрую голову в тихий кабинет, напоминающий больничную палату, я предупреждаю Борислава:

— Если меня будут спрашивать, скажи, что вышел ненадолго.

— Ты куда? — И, догадавшись по моему виду, тихо добавляет: — Я тоже еду.

Мы садимся в служебную машину, пересекаем город, запруженный машинами и пешеходами, спешащими под дождем, и выезжаем на шоссе. Через четверть часа шофер тормозит на краю незнакомого села.

— Надо было прихватить цветов, — приходит мне в голову, когда мы вылезаем из «Волги».

— Наверно, там продают, -- отвечает Борислав. -Дай сигарету.

У кладбищенских ворот, под широким ветхим зонтом, действительно сидит какая-то старушка, разложив перед собой несколько букетиков белых увядших гвоздик. Мы берем два букетика за неимением лучших и идем на кладбище.

Нам без труда удалось найти свежевырытую могилу, в которую уже опущен убогий некрашенный гроб. В стороне приставлена к камню такая же некрашенная дощечка, на которой маленькими кривыми буквами написано: «Лиляна Милева».

Наше присутствие тут же заметили, и двое мужиков с лопатами в руках подходят к могиле.

— Священник не придет? — спрашивает один.

— Нет, не придет, — отвечаю.

— Засыпать?

— Засыпайте.

Крепко ухватившись за лопаты, мужики начали сбрасывать на дощатый гроб мокрую черную землю.

По-прежнему идет косой дождь, порывы холодного ветра треплют тонкие дождевые струи, образуя прозрачные серебристые завесы.

Рядом со мной стоит с мрачным видом Борислав.

Я рассеянно слушаю глухие удары земли о крышку гроба, гляжу на окрестную зелень, напоенную влагой, и замечая Бояна. Он идет сюда с непокрытой головой, закутавшись в старый мокрый плащ, и шаг его какой-то сбивчивый, неуверенный, может быть, из-за того, что к ботинкам прилипает земля, тяжелая вязкая земля, которая бывает только на кладбищах.

— У лейтенанта хватило ума сказать ему вчера, что она была беременна на четвертом месяце... — тихо сообщает мне Борислав.

Парень уже совсем близко. Он останавливается по другую сторону могилы и говорит с какой-то неловкостью, как бы оправдываясь:

— Пришел... исполнить ее желание... Как-то раз Лили мне сказала, что если она умрет, то не надо никакого отпевания, лучше эту мелодию... Это реквием...

Опустив глаза, он достает из-под плаща небольшой магнитофон, и среди влажной зелени деревенского кладбища, в серых лохмотьях унылого дождя начинает звучать медленный скорбный мотив, точи дело разрываемый ветром, и похожий на плач, и уносимый туда, к меркнувшему горизонту, где комья мокрой земли ровно и глухо падают в могилу.

Я гляжу на него, и то, что я вижу, отзывается в моем сердце щемящей болью. Он весь бледный, глаза его потонули в какой-то мути, уголки губ слегка вздрагивают. Жизнь уже начертала на этом молодом лице свои первые слова.

Могильщики закончили свою работу. Один из них берет дощечку с надписью и несколько криво втыкает в рыхлую землю: «Лиляна Милева». Потом, закинув на плечи лопаты, они удаляются.

Мы с Бориславом приближаемся к могиле и под хрипкое звучание реквиема кладем на свежий черный холмик убогие букетики цветов. Два жалких букетика на эту жалкую могилу.

Остальное довершат время и дождь. Холмик осядет и порастет травой, а эта надпись сотрется, как будто человека не было и ничего не случилось.

И я невольно думаю о том, что все могло сложиться по-другому.

И говорю себе, что надо было что-то сделать, хотя и не знаю, что именно.

Надо было что-то сделать! Спыхватываешься, когда уже ничего сделать нельзя.

И для успокоения совести с готовностью предлагаем увядшие цветы.

Или реквием.